

Дарья Донцова

КТО В ЧЕМОДАНЕ ЖИВЕТ?

Джентльмен сыска
Иван Подушкин

Annotation

Николетта – матушка Ивана Подушкина – попросила сына приютить Генри фон Дюпре. Тот приехал в Россию, чтобы найти русскую невесту. И вот гость с огромным чемоданом поселился в офисе детективного агентства, где начинают происходить загадочные события: то раздаются таинственные звуки, то появляются предметы женского туалета, то неопознанный прибор нападает на собаку Демьянку... В это же время к Ивану Павловичу обращается Галина Михайловна Лапина. У нее похитили внука и просят за нее странный выкуп в размере 160 тысяч рублей. Девочка явно инсценировала свое похищение – это первая мысль, которая приходит на ум. Погрузившись в расследование, Подушкин недоумевает: чего только в жизни не встретишь – даже династию профессиональных киллеров...

- [Дарья Донцова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Дарья Донцова

Кто в чемодане живет?

© Донцова Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Материнская любовь бывает беспощадной.

– Генри не может жить в гостинице, – щебетала стройная блондинка, которая, несмотря на душный август, была одета в жилет из соболя.

– Конечно, дорогая Анна, – поддакнула Николетта, – в отелях грязно, подушки отвратительно жесткие...

– Ах, Никки, – заломила руки дама, – микробы живут повсюду, но во всяких пансионах страшно другое. Горничные. Официантки. Девки на ресепшен. Последние изучают паспорт постояльца. И что они там видят?

– Что? – заинтересовалась моя маменька.

– Имя: Генри. Фамилия: фон Дюпре, – затрещала Анна. – Понимаешь? Последний вопрос адресовался мне.

– Боюсь, не совсем, – аккуратно ответил я.

Анна воздела руки к небу. Множество браслетов со сверкающими камнями заискрилось в лучах солнца, бывшего в окно моей квартиры.

– Ох уж эти дети! Вава, ты остался таким же несообразительным, как в детстве. А вот любая девка из obsługi вмиг уши наострит. Фон Дюпре! Деньги! Титул! На Генри враз откроют охоту. А он так наивен, юн, верит людям. Не дай бог, влюбится в шалаву с подносом!

Анна закатила глаза.

– Когда Генри явился на свет и сэр Малькольм, врач, который принимал роды, показал мне долгожданную крошку... Ах! В ту же секунду мой мозг огнедышащей стрелой пронзила мысль! Не дай бог, ребенок женится на официантке! Перед глазами возникло толстое неуклюжее существо. Волосы сожжены перекисью, корни черные, на ногтях облупившийся красный лак, ноги словно ножки у рояля. Не имею ничего против этого музыкального инструмента, но не хочу, чтобы моя невестка на него походила!

Я сидел и натужно улыбался. Огнедышащая стрела, которая пронзила мозг! Поэтичное выражение. Невестка, похожая на рояль... Ох, девушке, которая осмелится подойти к Генри ближе чем на сто метров, не позавидуешь. И чем Анне не угодили официантки? В большинстве своем они симпатичные.

– Ужас! – ахнула Николетта. – Анна, дорогая, как ты с этим справляешься?

Гостья приложила к вискам ладони, я стал мысленно пересчитывать

кольца на ее пальцах и сбился на одиннадцатом.

– Никак, – простонала Анна, – живу в кошмаре. Хорошо тебе, Никки! Вава постарел, но, слава богу, жениться не собирается. Живет себе с камердинером и счастлив.

Я поперхнулся только что поданным Борисом чаем. Ну и ну! На что это намекает Анна? Она считает меня геем? Понимаю, что встречаются люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и вполне толерантен к тем, кто не вписывается в общие правила. Среди моих приятелей есть несколько представителей гомосексуального сообщества. Меня не волнует, чем они занимаются в тиши своих спален. Если пристрастия человека не связаны с совращением малолетних, насилием, открытой пропагандой своих сексуальных утех, то он имеет полное право любить кого хочет. Но сам я, Иван Подушкин, вступаю в связь только с женщинами. Борис – мой помощник по хозяйству, секретарь, компьютерных дел мастер, правая рука в работе. Да, мы живем в одной квартире. Я уже один раз рассказывал, как в моей жизни появился батлер, и повторяться не хочу^[1]. Кстати! У меня еще есть собака породы «московская уметронашли» по кличке Демьянка. И что? Называть теперь меня зоофилом?

– Вава, ты понимаешь? – простонала Анна.

– Да, – на всякий случай ответил я, временно переставая слушать стенания гостыи.

– Генри лакомый кусочек для любой мерзкой бабенки, – поддакнула моя маменька, – наследник фабрик, заводов, магазинов и еще много чего разного. Жаль, Генри не девочка, он был бы идеальной женой для Вавы.

– И мне хочется видеть рядом с малышом такую супругу, как Ванечка, – не осталась в долгу Анна. – Но раз нам, Никки, такого счастья не видать, то и ждать его бессмысленно. Спасибо, Вава!

– За что? – спросил я.

Анна, сидевшая рядом со мной на диване, потрепала меня ладошкой по щеке.

– Фу! Колючий. Не забывай бриться, дружок.

– Уже вечер, – зачем-то стал оправдываться я, – непременно привожу себя утром в порядок. Не понял: за что вы меня благодарите?

– Объясняла же тебе, – вздохнула Николетта, – Вава весь в себе. Сидит, кивает, охает, ахает, а на самом деле заткнул уши воском, как гиперболоид инженера Гарина, и не слушает нас.

Я привычно улыбнулся. У гиперболоида инженера Гарина, устройства, которое в порыве вдохновения придумал писатель Алексей Толстой, не было ушей. А вот у героев поэмы «Одиссея» древнегреческого автора

Гомера органы слуха работали. И люди залили их воском, чтобы не попасть в плен к сладкоголосым сиренам. Маменька слегка перепутала литературные произведения.

– Вава! – возмутилась Николетта. – Вернись к нам.

– И не думал уходить, – удивился я, – сижу на диване.

– Тело твое здесь, – разозлилась маменька, – а голова ускакала.

Вот вам пример женской логики. Как это возможно? Организм без мозга не может функционировать.

– Анна, теперь, когда Вава временно выплыл из забвения, объясни ему еще раз про Генри, – распорядилась Николетта.

Гостыя снова усиленно заработала языком, и вскоре я узнал, что мальчику фон Дюпре пора жениться. Анна его доставила из зарубежного имения в столицу и стала водить отпрыска по тусовкам, знакомить с потенциальными женами. Живут сын и мамаша в отеле, сняли целиком этаж. И все бы хорошо, но Густав фон Дюпре, муж Анны и отец парня, велел супруге срочно переехать в другую гостиницу и перестать сватать сына. Он сурово заявил женщине, что Генри должен сам заниматься брачными играми. Госпожа фон Дюпре попыталась спорить, но глава семьи был непреклонен, пообещал за непокорство отключить жене кредитки. Анна вынуждена была подчиниться Густаву. Но как оставить ребенка одного? В отеле? Где тучами роятся официантки с ногами, как ножки у рояля? Одна из жутких особ непременно захомутает мальчика.

На этой стадии рассказа я на секунду перестал улыбаться и опять подумал: материнская любовь бывает беспощадной, она, как татаро-монгольская орда, изрубит в клочья тех, кто встанет у нее на пути. Но в первую очередь от всеохватывающей любви мамы пострадает тот, на кого она направлена, – обожаемый сынуля.

Анна закашлялась, вместо нее поводя беседы подхватила маменька. И я узнал, что госпожа Дюпре позвонила Николетте, с которой познакомилась в те годы, когда звалась Нюшей Семеновой, а ее подруга только-только удачно выскочила замуж за писателя Павла Подушкина. Услышав эту часть повествования, я постарался скрыть удивление. Значит, общению Николетты и Анны много лет. Маменька явно старше подружки, извините, не могу вам сообщить ее точный возраст, поскольку госпожа Адилье столько раз его в паспорте уменьшала, что сама не помнит, когда в реальности явилась на свет божий. Интересно, сколько годков «малышу»? Лет двадцать с небольшим, наверное, раз отец хочет наконец-то отнять его от материнской груди. Анна, похоже, произвела отпрыска на свет далеко не в юном возрасте. Позднего ребенка часто безудержно опекает мамаша, вот

папенька и решил приучить отпрыска к самостоятельности.

– Николетта любезно пригласила Генри пожить у себя! – сообщила Анна. – Дорогая, это поступок настоящего друга. Теперь я перестану нервничать.

– Пустяки, ангел мой, – отмахнулась маменька. – Борис!

Секретарь возник в гостиной.

– Слушаю вас.

– Немедленно приготовь гостевую комнату, – скомандовала маменька, – туда послезавтра въедет Генри. Новый матрас купи, белье! Все по высшему разряду! Начинай.

Борис скосил взгляд на меня, потом тихо произнес:

– Госпожа Адилье, дайте, пожалуйста, ключи от апартаментов Ивана... то есть от квартиры, где вы сейчас проживаете.

Мне стало грустно. Не так давно Николетте попала в очередной раз шлея под хвост, она бросила своего мужа Владимира и сошлась с человеком по имени Безумный Фред^[2]. Матушка хотела оформить развод, но Владимир со слезами на глазах уговорил взбалмошную супругу не принимать резких решений, попросил Николетту остаться в их загородном доме, не заблокировал ее кредитки. Мне всегда казалось, что Владимир мазохист, чем хуже с ним обращается женушка, тем сильнее он ее обожает. Мне отчим очень нравится, я на его стороне, поэтому посоветовал ему:

– Забудь Николетту. Обеспеченный мужчина в расцвете лет легко найдет новую спутницу жизни.

– Нет, Ваня, – грустно произнес Владимир, – кроме Никки, мне никто не нужен. Я отлично изучил характер жены, долго она с этим Безумным не выдержит, у нас опять все будет как прежде.

Я выдохнул.

– Понимаю, – засмеялся отчим, – ты испугался, что они приедут жить в твою квартиру.

– Да, – честно ответил я, – хотя ничего страшного нет. Если это произойдет, я уйду в апартаменты, которые мне достались по наследству от Элеоноры. Не очень далекий путь, только улицу перейти.

– У тебя там офис, – напомнил Владимир.

Я махнул рукой.

– Ерунда. В хоромах пять комнат. Одна отведена под кабинет, вторая – гостиная, три свободны. Мы с Борисом и Демьянкой прекрасно там разместимся.

– Не переживай, парень. Никки никуда из нашего особняка не денется, – заверил Владимир, – себе я уже снял дом в соседнем поселке.

Но отчим ошибся, он не принял в расчет Безумного Фреда, который заорал:

– Я не альфонс, чтобы спать в той же кровати, где ты с Володькой обнималась. Деньги его тратить тебе запрещаю.

И завертелась карусель. Маменька с Фредом переехали в мою квартиру, мы с Борисом и Демьянкой перебрались в дом напротив. Николетта торжественно порезала ножницами все свои пластиковые карточки. Безумный радостно объявил:

– Шикарно. Теперь я не чувствую себя жиголо.

И больше не заговаривал о деньгах. Николетте Фред ни копейки не дает, маменька, как встарь, велит мне покупать ей все желаемое. А господин Подушкин ни в чем не отказывает Николетте, потому что у него в руках платежный документ, выданный Владимиром для того, чтобы я исполнял любой каприз его жены. Единственная моя неприятность – переезд в офис детективного агентства. Живу теперь в спальне, которую занимал много лет, будучи секретарем Элеоноры.

– Зачем тебе ключи? – опешила маменька.

– Вы велели приготовить гостевую комнату для господина Дюпре, – терпеливо объяснил Борис.

– Вот и начинай! – рявкнула маменька.

– Генри появится только послезавтра, – быстро уточнила Анна, – рано утром, около полудня. Дружочек, вы успеете сделать комфортную комнатку для ребенка. Дайте номер своего телефона, я вышлю вам интерьер его детской дома. Ничего не придумывайте, просто повторите.

– Устроим вашего мальчика с полным комфортом, – заверил я Анну и протянул руку к Николетте: – Дай ключи, пожалуйста.

– Да зачем? – возмутилась госпожа Адилье.

Жизнь с Николеттой развивает терпение.

– Надо оборудовать комнату, – улыбнулся я, – для этого необходимо...

Николетта не дала мне договорить:

– Отлично! Борис! Генри поселится в бывшей спальне Норы.

Я напрягся.

– Парень будет жить у меня?

– Конечно, – подтвердила Николетта. – А что, есть иной вариант? У тебя вполне удобно, поэтому я спокойно предоставила Анне комнату для ее мальчика. Кстати, надо куда-то деть собаку, она все время громко топает, у Генри от этих ужасных звуков начнется депрессия.

– Что делать? – поинтересовался Борис, когда гости ушли.

– Готовить комнату, – вздохнул я.

– Боюсь, дело связано с большими расходами, – заметил секретарь.
– Сейчас звякну Владимиру, – пообещал я.
– У вас через полчаса, в пять вечера, клиент, – напомнил Борис.
– Как раз успею поговорить, – кивнул я, – в каждой неприятности есть доля хорошего.

Помощник поднял бровь.

– Я сам смотрю на жизнь оптимистично, но иногда теряю это качество. Не вижу ничего положительного в том, что госпожа Адилье теперь живет в ваших апартаментах, а вы, господин Подушкин, ютитесь в офисе.

Я взял телефон.

– Слово «ютиться» не очень уместно. Я обосновался в пятикомнатных апартаментах. Когда-то мы тут прекрасно сосуществовали вместе, я и Элеонора, ничего не мешало нашей работе детективов. Посмотрите в окно. Что вы видите?

– Сегодня с утра льет проливной дождь, – поморщился Борис, – а сейчас еще и гроза началась.

– Вот-вот, – кивнул я, – если бы я остался жить на прежнем месте, бежать бы мне вскорости в офис и промокнуть до нитки. Но благодаря тому, что я живу в старой квартире, никуда бежать нет необходимости. Вот вам и светлая сторона проблемы.

Борис рассмеялся, и тут же раздался писк домофона.

– Клиент пришел раньше, – уходя в спальню, заметил я, – проводите его в кабинет, угостите кофе, я хочу успеть позвонить Владимиру.

Глава 2

– Проблема связана с моей внучкой Ниной пятнадцати лет, – сказала полная женщина в сером платье. – Меня зовут Галина Михайловна Лапина, мой сын Игорь очень рано стал отцом. Я никогда не выходила замуж, поэтому строго воспитывала мальчика, боялась влияния улицы и решила записать сына во все кружки, куда можно ходить бесплатно. К сожалению, советская система досуга детей тогда уже разваливалась, а то, что выросло на ее руинах, требовало больших денег за посещения. Но мне повезло, неподалеку от нашего дома находился спортивный центр, там была одна секция, куда записывали без оплаты. Борьба Карефу.

– Впервые про такую слышу, – признался я.

– Ну а я вообще ничего о драках не знала, – улыбнулась Галина, – но денег-то нет. Игорь придет из школы, она в двух шагах от дома, и как за ним проследить? Уж не помню, были ли в его детстве мобильные. Но я бы точно не смогла сотовый купить. Служила медсестрой в обычной больнице, работа сменная, тяжелая, зарплата – без слез не взглянешь. Клиника скорпомощная, туда обеспеченные люди не идут. Единственная радость – можно еду на кухне взять. Но она такого качества...

Галина Михайловна махнула рукой.

– Чтобы сыну ботинки купить, я хваталась за любую работу, бегала по домам уколы больным делать, мыть лежачих. Уходила в семь утра, возвращалась за полночь. Мужа у меня не было, родила сына в гражданском браке, любовник отношения не оформил. Ох, это неинтересно. Меня страх ел, Игорек растет, как его от дурной компании уберечь? В школе бесплатную продленку отменили, деньги требовали. А где их взять? Если сама сыном займусь, с голода умрем. Тупик! И вдруг! Иду мимо спортцентра, я туда даже не заглядывала, потому что знала: там только платные занятия. А тут! Объявление: «Тренер Поморов приглашает мальчиков на бесплатные занятия борьбой Карефу. Предпочтение детям из неимущих семей». Я подумала: «Карефу, барефу, марефу – все равно, как драка называется, главное, Игорек какое-то время под наблюдением будет». И вошла в здание.

Лапина расплылась в улыбке.

– Андрей Ильич стал нашим добрым ангелом. Я на него молилась. Каждый день сразу после уроков сын бежал, нет, несясь, летел в спортзал. Самым страшным наказанием для него были слова: «Не пущу на

тренировку». Андрей каждый день в центре до ночи сидел, я могла Игорька хоть в одиннадцать забрать. На соревнования он мальчиков возил, они уезжали на несколько дней. Игоречек возвращался счастливый. Сынишка начал побеждать противников, ему за победу давали конверт. Очень нас эти денежки выручали. Еще он подарки притаскивал, один раз даже ковер приволок с восточным сюжетом. Двое всадников гонятся за третьим. Мальчик очень гордился, что ему вручили подарок, я его на стену повесила. До сих пор ковер жив, где-то в кладовке лежит.

К сожалению, Поморов умер, когда Игорь школу заканчивал, выпускные экзамены сдавал. Инфаркт. Мальчик рыдал, я плакала. Остальные спортсмены тоже слезами обливались. Мы с другими родителями в складчину поминки устроили. Хотели стол у Андрея Ильича дома накрыть и выяснили, что он жилья не имел, снимал комнатку у старухи. Совсем одинокий был мужчина. Остался Игорек без присмотра. И через пару лет случилась беда. У меня была знакомая Марина Сиротина, а у нее двое детей: Анастасия и Антон. Увы, она умерла от пьянства. Я ее не осуждала, у женщины сын пропал, она, правда, и до несчастья любила выпить, но, потеряв паренька, совсем вразнос пошла. Настя иногда ко мне забежала чайку попить. Девушка мне не особенно нравилась, но не гнать же ее, сироту, вон? И вдруг! Заявляется красотка ко мне с животом.

— Здравствуйте, Галина Михайловна, я скоро рожу от Игоря.

Я ей не поверила.

— Что за шутки! Настя, тебе скоро тридцать лет, а Игорь на втором курсе художественного училища. Никогда не поверю в любовь между тобой и моим сыном. Наверное, ты залетела от кого-то из своих папиков. Почему Игорька объектом своей аферы сделала? У нас капитала нет, ступай рыбу в другом пруду ловить.

Галина Михайловна сдвинула брови в одну линию.

— Анастасия постоянно с мужчинами в возрасте время проводила. Вечно за ней бодрые старички на машинах заезжали. Ей толстые кошельки нравились, она со всем рынком переспала, с владельцами палаток. А у Игорька денег пшик. Вернулся сын с занятий, я со смешком ему рассказываю: «Приходила Сиротина, живот до носа. Вот не поверишь, что она придумала!» Игорь меня остановил: «Мама! У нас с Настей дочь вот-вот родится». Я где стояла, там и села. Сутки потом проплакала. Это ж надо так себе жизнь исковеркать! Когда младенец на свет появится, Игореша сам еще ребенком будет. Настя сильно старше. Хитрая, расчетливая змеюка. Сообразила, дрянь, что еще пара лет, и она неликвид рынка платной любви. Дедушкам бабушка за деньги не нужна. У них свои старухи дома сидят. И

кто шалаву замуж возьмет? Вот Анастасия и подсуетилась. Мать ее тогда уже спилась и умерла, брат давно не пойми куда пропал.

Галина Михайловна сложила руки на груди.

– Представляете мой восторг? Отличные родственники к нашей семье прибиваются! Расчудесная жена у Игорька намечается. Сын отличник, в школе медаль получил, сразу в институт поступил. Мальчик редкий талант, художник, великолепно рисует. Создал фирму «Красота». Слышали о ней?

– Не довелось, – признался я.

Глава 3

Галина Михайловна расплылась в улыбке.

– Считается, что человек искусства беспомощен в быту. Все эти рассказы про поэтов-писателей, которые из дома в разных ботинках по рассеянности выходят, ключи теряют, чайник вскипятить не способны... Игорь не такой. Он первым додумался соединить вдохновение и бизнес. Многие люди любят шедевры, но кто может их купить? Единицы. И что пришло в голову сыну? Приходите в его мастерскую, говорите, какую картину желаете, и вскоре вам вручают копию, которую от оригинала не отличишь. Полотно состарят, на нем появятся кракелюры, такие трещины, покрывающие старую живопись, сделают любую раму по вашему вкусу.

– Это законно? – усомнился я.

– Абсолютно, – заверила Галина Михайловна, – Игорь никого не обманывает, он предельно честный человек. Сзади на полотне стоит штамп «Копия создана в мастерской «Красота», владелец Лапин». И цена, конечно, за работу не заоблачная. Если пожелаете, можно заказать отличный подарок, например на юбилей. Лицо именинника впишут в известную картину. Правда, оригинально?

– Замечательно, – покривил я душой.

– Игорек создал мастерскую в юные годы, – зачастила Лапина. – Родилась Ниночка, появились немалые расходы. Ну да вы небось знаете, какие деньги в младенца вкладывают. Сколько у вас деток?

– Пока я не стал отцом, – ответил я.

– Ох-ох-ох, – пригорюнилась клиентка, – ну ничего, мужчина не девушка, биологические часы у него не тикают. Еще родятся у вас два сыночка и лапочка дочка.

Я мысленно содрогнулся. Спасибо за пожелание, но я совсем не чадолюбив.

– Мой Игорек... – опять завела Галина.

Я решил остановить бесконечный панегирик.

– Что случилось с Ниной?

Посетительница скривилась.

– Кто мог родиться у шалавы? От крапивы роза не получится. Невестка бросила девочку в младенчестве. Да и до этого не очень-то девица о дочери думала. Приехала из роддома, на следующий вечер миниюбку нацепила и к двери. Я ей: «Ты куда?» А она: «Надо подругу

проведать, не видела ее несколько дней». Я Анастасии вежливо возразила: «Надо дома посидеть. Малышке грудь через каждые три часа нужна». Эта, с позволения сказать, мать бегом на лестницу, крикнула: «Всего на полчаса отлучусь». И заявила под утро. Игорь, когда понял, что женушка не собирается новорожденную кормить, ринулся за бутылочками и смесью. Хорошо, у метро круглосуточная аптека работает. В результате я стала кормящей мамой, шалава гуляла, потом куда-то подевалась. Нина росла без матери.

Галина Михайловна схватила за голову:

– Сколько она у меня крови выпила! Бочку! В пеленках врать начала. Ни слова правды от нее не услышишь. Скажет Нина: «На улице лето», я в окно посмотрю и вижу: за стеклом зима. Девочка лжет как дышит, часто безо всякой надобности, из любви к искусству. Рассказывает охотничьи истории. Правда, учится хорошо, голова ей от отца досталась, а все остальное от матери. Прибежит домой, переоденется и к двери. Я ей:

– Стой, ты куда?

Она в ответ:

– На занятия по живописи.

Рисует хулиганка великолепно, талант от отца унаследовала. Естественно, я отпускаю Нину, а через полчаса вспоминаю: в художественной школе она по понедельникам, средам и пятницам занимается, а сегодня четверг!

От бесконечной болтовни пожилой дамы у меня началась морская болезнь.

– Что вы от меня хотите? – спросил я.

Галина Михайловна открыла дорогую кожаную сумку и вынула самый модный нынче мобильный.

– Игорек улетал во Владивосток. Там образовался заказчик, местный олигарх, он пожелал в своем новом доме потолок, как в Сикстинской капелле, расписать.

– Ну и ну, – вырвалось у меня.

– Масштабная работа, – зачастила Лапина. – Клиент пригласил лично Игоря. Тот взял бригаду, и они отправились. Вернется сын в конце августа. Нина, естественно, на мне. Спасибо Игорьку, теперь у нас никаких проблем с деньгами нет. Живем в двухуровневом пентхаусе, прислуги полно. Но у Нины няни нет.

– Конечно, – согласился я, – в пятнадцать лет мамка уже не нужна.

– Ошибаетесь, голубчик, – возразила бабушка, – в подростковом возрасте за детьми следует в десять глаз смотреть, но Игорек всегда был

против воспитательниц для девочки, он только мне доверяет. Нина на бабушке. Вот читайте!

Я взял протянутую трубку.

– «Если хотите увидеть внучку живой, приготовьте сто шестьдесят тысяч рублей старыми купюрами. Завтра объясним, где их искать. Не будет денег, убьем Нину». Глупая шутка! Сто шестьдесят тысяч?! Похитители такие мелкие суммы не требуют. Они всегда тщательно планируют преступление, должны знать, что отец Нины обеспеченный человек, который отдаст за ее спасение любую сумму. Требование смахивает на дурной розыгрыш.

Галина Михайловна тяжело вздохнула.

– Поэтому я и пришла к вам, а не помчалась в полицию. Пару дней назад я застала Нину, когда она в моей спальне рылась в шкафу. Можете смеяться, но деньги на хозяйственные расходы я держу на полке в банке из-под печенья. Игорь мне давно сейф купил, но в жестянке удобнее. И никто из прислуги на казну ни разу не покушался.

– Внучка решила стянуть наличность? – уточнил я. – Она нечиста на руку?

Галина Михайловна скорчила гримасу.

– Как я уже говорила, Нина врет как дышит, непослушная, вредная... Но красть! Ранее этого за ней не замечалось. А тут! Я собралась в поликлинику, спустилась в подъезд, сообразила, что кошелек забыла, вернулась... Внучка стоит у гардероба, коробка открыта, в руке купюры.

– И как девочка объяснила это? – спросил я.

– Понесла чушь, будто в школе собирают деньги на лечение одноклассницы, не хватает восьмидесяти тысяч, – сердито объяснила Галина, – Нина обещала их принести. Я в присутствии вруньи звякнула классной руководительнице. Та подтвердила мои сомнения – все здоровы, никому помощь не требуется. И как Нина себя повела, когда я ее упрекнула в желании меня ограбить? Заплакала, начала умолять о прощении? Как же! Швырнула деньги на пол, заорала... Не могу повторить ее слова, такие даже мужчине произносить неприлично.

– Восемьдесят тысяч, – повторил я, – а в записке требуют сто шестьдесят. Интересно. Где сейчас девочка?

Галина Михайловна сцепила пальцы в замок.

– Вчера утром ушла в школу и не вернулась. Я до полудня ни о чем дурном не думала, но потом позвонила Ирина Осиповна, классный руководитель, и спросила: «Нина отсутствовала на занятиях. Она заболела?» Гимназия элитная, платная, там за детьми пристально следят,

классы маленькие, по десять-двенадцать человек, каждый ребенок на виду. Я подумала, что нахалка решила прогулять, поэтому ответила: «Легкая простуда».

– Соврали? – улыбнулся я.

Щеки клиентки порозовели.

– Ну... да... понимаю, как это выглядит. Сама упрекаю Нину во лжи, а... Сейчас объясню. Игорь очень строгий отец. Он дочь в ежовых рукавицах держит. За четверки ей здорово влетает, отец говорит: «Я одни пятерки получал, мне дочка-лентяйка не нужна». Как-то раз Нина сбежала с уроков в кино с приятелем. Ирина Осиповна мигом к нам домой трезвонить, и, как на грех, Игорь трубку взял. Вот уж правда, что Господь шельму метит. Сын всегда с утра до ночи на работе, а тут! Два часа дня, а он дома. Учтите психологический момент, Игоречек рос идеальным ребенком, ни слова неправды я от него не слышала, учился прекрасно, занимался спортом, жил по четкому расписанию, никаких дурных компаний. Чтобы Игоряша занятия пропустил? Да он с температурой в класс бежал.

– Неужели в подростковом возрасте он тоже образцово себя вел? – усомнился я.

– Ни малейших проблем, – заверила Галина, – со мной не спорил, по хозяйству помогал, купить себе что-то не требовал, деньги, на соревнованиях полученные, в семейную кассу сдавал.

– Вам достался раритет, – заметил я.

– Знаю, – без тени улыбки согласилась Лапина, – Игорь просто не понимает: как можно удрать с уроков? Сын схватил ремень да так Нину выдрал, что та потом три дня еле ходила. И пообещал ей: «Еще раз услышу, что слиняла из гимназии, отдам в закрытую школу тюремного типа».

– Вы пожалели внучку, – понял я.

Галина Михайловна взяла чашку с остывшим чаем.

– Прекрасно видя изъяны характера Нины, я все равно люблю девочку. Игорь жениться более не собирается, у него даже девушки нет. Сын весь в работе, типичный пример трудоголика. Он очень умный, создал успешный бизнес без стартового капитала и чьей-либо поддержки. Но кое в чем он, как все мужчины, туп. В девочке половина крови шалавы, генетику надо учитывать, исправлять дурные наклонности. Но бить категорически нельзя! Я в экзекуцию не вмешивалась, хотя от криков Нины сердце переворачивалось. Но потом сказала сыну:

– Телесные наказания ни к чему хорошему не приведут.

Он ответил:

– Мама! Не вмешивайся. В отличие от тебя я знаю, что бывает с подростками, которых никогда не лупили. Тинейджеру надо кого-то бояться. Ты добрый полицейский, я злой. Нина врунья, это качество необходимо с корнем выдрать, иначе такие ягодки из цветочков получатся, что мало нам с тобой не покажется.

Двадцать девятого августа у Нины день рождения, внучка лист подарков составила, гостей планировала. И вдруг Ирина Осиповна с вопросом: не больна ли девочка? Да, я солгала. Из жалости. Не хотела, чтобы Игорь дочь в пансионе с суровыми условиями запер, праздника-презентов лишил. Решила сама с ней поговорить, припугнуть словесно.

– Простите, – остановил я клиентку, – на дворе август. У школьников каникулы, о каких занятиях идет речь?

– Нина учится в Европейской гуманитарно-культурной гимназии, – пустилась в объяснения Галина, – у них своя система. Летом дети отдыхают только в июле, июнь и август рабочие. Зато на Пасху и Рождество у них каникулы по месяцу. Понимаете, почему я прибежала к вам?

– Вы заподозрили, что похищение – это спектакль, который устроила сама Нина, – ответил я, – ваша внучка где-то прячется, ждет, что вы ей деньги отдадите. Интересно, зачем ей деньги? А ко мне вы обратились, чтобы Игорь не узнал о поведении дочери, опасаетесь, что Нина тогда до получения аттестата под замком в учебном заведении для малолетних преступников окажется.

Глава 4

– Бить девочку недопустимо! – поморщился Борис, бегая пальцами по клавиатуре.

– Мальчика тоже нельзя с помощью ремня воспитывать, – сказал я, – но, если верить словам Галины Михайловны, ее сын – идеальный человек. Он не понимает, как можно лениться.

– Похоже, он дочери денег мало дает, – заметил Борис, – на имя Нины открыта кредитка, там сейчас двести пятьдесят три рубля семьдесят копеек. Раз в неделю по понедельникам девочке переводят две тысячи. Учитывая, что отец находится в списке «Форбса», правда, в самом конце...

– Игорь не хочет баловать дочь и правильно поступает, – возразил я. – А Нине зачем-то понадобились большие средства, и это встревожило бабушку.

– Наркотики, – пробормотал секретарь, – еще компьютерные игры, на них можно здорово потратиться.

– Сомневаюсь в употреблении запрещенных препаратов, – возразил я, – Нина под колпаком. Дома – бабушка, в школе – классная руководительница, которая мигом бросается звонить родным, если ребенка нет в гимназии. Школьник, подсевший на экстази и иже с ними, становится нервным, плохо спит, теряет аппетит, регулярно ворует деньги-вещи. Странно, что многие матери не сразу замечают изменившееся поведение отпрыска и не бьют тревогу. Основная продажа наркоты идет в двух местах: школах и развлекательных заведениях.

– А в гимназии, которую посещает Лапина, всего шестьдесят детей и тридцать два педагога, – подсказал Борис. – Сомневаюсь, что в коллективе есть дилер.

– По клубам Нина не бегает, – договорил я. – Так зачем ей такая сумма?

Борис прищурился.

– В классе Лапиной учится десять человек, мальчиков и девочек поровну. Я проверил всех. Нормальные семьи, дети хорошо учатся. Нина по успеваемости третья. На первом месте Илья Рыбаков, у него ни одной четверки с первого класса, одаренный мальчик. Родители парня вовсе не богаты. Отец служит водителем в фирме, которая доставляет грузы из России в Европу и наоборот, мать маникюриста в салоне «Опто». У семьи интересная кредитная история. В каждом мае отец берет в банке сумму,

равную годовой оплате за обучение сына, и в течение последующих одиннадцати месяцев гасит ее, а потом снова попадает в плен займа. Платежи вносит в срок. Думаю, семье финансово трудно держать подростка в дорогой гимназии. Семья Рыбаковых самая бедная в классе, остальные значительно богаче.

Я встал и включил чайник.

– Родительское тщеславие безгранично. Зачем выпрыгивать из штанов, платить непомерные суммы? Еще понятно, живи Рыбаковы в провинции, где выбора нет: или отдавай гору денег, или ребенок ходит в плохое, но бесплатное заведение. Но в Москве много нормальных школ. Ну да, если чадо сидит в простом классе, ты соседям-приятелям не скажешь с гордым видом: «Сын занимается в Европейской гимназии».

– Некоторым людям важно продемонстрировать свою успешность, – согласился Борис, – поэтому кое-кто берет в кредит пафосные иномарки, которые ему никак не по карману. Но образование ребенка – другое дело. Гимназия, которую посещает Илья, имеет крепкие связи с колледжами во многих странах мира, она существует более двадцати пяти лет, это одно из первых коммерческих образовательных заведений в России. Основная часть выпускников потом разлетается по известным университетам. Во всех значимых зарубежных вузах открыты программы поддержки талантливых детей. Если выпускник оканчивает Европейскую гимназию первым, вторым или третьим по рейтингу успеваемости, он может претендовать на бесплатное обучение и стипендию в Европе и США. В России мало школ, которые предоставляют своим лучшим выпускникам столь значимый бонус. Родители Ильи борются за будущее сына.

– Ладно, я был неправ. Но зачем нам Рыбаков? – сдался я.

– Дети перешли в очередной класс, – стал объяснять Борис, – учебный год у них с первого августа начался. В июне Рыбаковы впервые задержали выплату кредита. Отец Ильи написал заявление, в котором указал, что в связи с семейными обстоятельствами просит отсрочки на неделю. К его просьбе отнеслись с пониманием, до сих пор Олег Петрович являлся идеальным клиентом. И действительно, через три дня он внес нужную сумму. Думаю, ему не хватало восьмидесяти тысяч, чтобы сделать очередной взнос.

– Почему ты так решил? – удивился я.

Борис показал на экран.

– Поплавал в темном море денег и нашел заем, который Алина Марковна Рыбакова сделала в «Комоинвестфинтрасте». Сия контора выдает под грабительский процент так называемую «быструю ссуду». Ее

можно оформить за час, что женщина и сделала. Взяла она восемьдесят тысяч. На следующие сутки Олег погасил долг перед банком, где не первый год является ответственным заемщиком.

– Восемьдесят тысяч, – протянул я, – столько Нина пыталась утащить из «сейфа» бабушки.

– В сентябре Алина должна вернуть «Комоинвестфинтрасту» сто пятьдесят восемь штук, – продолжал Борис.

– В два раза больше? Форменный грабеж! – возмутился я.

– «Быстрые» деньги не выгодны, – согласился секретарь, – брать их можно только в крайнем случае. Некоторые финансисты наживаются на людской беде.

Я взял ручку и начал рисовать на бумаге схему.

– Восемьдесят тысяч семье парня не хватало в июне, Нина попыталась обокрасть бабушку. Галина Михайловна предотвратила грабеж. Алина Марковна спешно берет кредит. Сейчас ей надо вернуть сто пятьдесят восемь тысяч и... Нину похищают, требуют выкуп, почти совпадающий с суммой долга. Две тысячи можно не учитывать. Вы думаете о том же, о чем и я?

– Дети решили помочь родителям Ильи, – подвел итог секретарь, – теперь об эсэмэс, которое пришло на телефон Галины Михайловны. У Ильи есть мобильный, у Нины тоже, но текст отправлен не с номеров школьников. Его послали с сотового Вениамина Сергеевича Морозова, проживающего по адресу: Тухвинская улица, дом семнадцать, квартира девять. Обратите внимание, семья Рыбаковых живет по тому же адресу, только в квартире двести шестьдесят восемь.

– Кто такой Вениамин? – спросил я. – Место работы, возраст?

– Пятнадцать лет, ученик школы имени Попова, – вскоре ответил Борис, – ни в чем порочном не замечен. Хорошо учится. Отец – Сергей Сергеевич... Ба! Он коллега Олега Петровича, вместе служат в фирме, которая доставляет грузы из России в Европу и наоборот.

Я встал.

– Вы куда? – спросил помощник.

– Дайте телефоны Ильи и Вениамина, – попросил я, – потолкую с ребятами.

– Уже поздно, – попытался остановить меня секретарь.

– Нина не явится домой, пока бабушка не раскошелится на необходимую сумму, – возразил я. – Галина Михайловна понимает, что внучка затеяла аферу, Нина жива-здоровая, просто где-то спряталась. Думаю, подростки могут назвать точное место.

– У Рыбаковых две дачи в Подмоскowie. Одна принадлежит родителям мальчика, другая расположена в заброшенной деревне, где жила его покойная бабушка, – сказал Борис, – возможно, проказница там.

– Проказница, – усмехнулся я, – экое вы слово веселое нашли. Скорей уж девица-аферистка. Найдите номера, буду звонить юным мошенникам.

Глава 5

В течение вечера я несколько раз безуспешно пытался дозвониться до Ильи, на следующее утро парень опять не брал трубку. И я вдруг сообразил: в гимназии, где учится Илья, свое расписание. Ученики в августе сидят за партами, мальчик сегодня освободится не раньше трех-четырех, лучше мне к этому времени ловить его неподалеку от учебного заведения.

Расчет оправдался. В четверть пятого я наконец-то созвонился с Рыбаковым и сказал ему:

– Илья, вас беспокоит владелец детективного агентства Иван Павлович Подушкин. Если не хотите масштабных неприятностей, то подойдите к седану черного цвета, который припаркован у супермаркета неподалеку от вашего дома. Кроме вас в разговоре должен участвовать Вениамин Морозов. Коли не появитесь, поставлю в известность ваших родителей о похищении Нины Лапиной.

Из трубки раздалось ойканье, потом подросток прошептал:

– Пожалуйста! Не надо ничего никому говорить. Буду через полчаса, у нас классное собрание.

– Ладно, подожду, – согласился я.

Минут через сорок к моей машине подошли два подростка и уселись на заднее сиденье.

– Добрый вечер, молодые люди, – сказал я, – давайте познакомимся. Иван Павлович Подушкин. Вот мое служебное удостоверение.

– Блин! – выпалил Морозов. – Во блин!

– Как вы нас вычислили? – хмуро спросил Илья.

– В следующий раз, когда решите обманом выманить у кого-то деньги, не надо пользоваться своим мобильным телефоном, – отрезал я.

Илья толкнул локтем Вениамина.

– Эй, ты же сказал, что купил безадресную симку на Горбушке.

– Ну... бабла не нашлось, – скис приятель, – за нее хотели полторы штуки.

Рыбаков отвесил ему подзатыльник.

Вениамин вернул другу затрещину.

– О ...!

Я похлопал ладонью по подлокотнику водительского кресла.

– Немедленно прекратите. И материться в моем присутствии не стоит.

Где Нина?

– Не знаем, – в один голос заявили оба.

Я отвернулся от хулиганов и завел мотор. Сзади слышался шорох, Илья возмутился:

– Эй! Выпустите нас.

Вениамин принялся бить ногой в дверь.

– Зря стараешься, – спокойно заметил я, – иномарка сделана по спецзаказу, салон заблокирован, открыть его у вас не получится. Двери не вышибить, стекла не разбить. Работает видеосвязь, все, что происходит в салоне, видит на ноутбуке в офисе мой помощник. Если стукнете меня чем-то тяжелым по затылку, получите реальный срок. Сидите смирно, пока до места не доберемся.

– Дяденька, вы куда собрались ехать? – захныкал Веня, мигом превращаясь из наглого подростка в перепуганного детсадовца.

– В полицию, – ответил я.

– Не надо, – заныл Илья.

– Сам не хотел полицию впутывать, – пояснил я, – надеялся установить с вами контакт, но переговоры успеха не имели.

– Я все расскажу, – пообещал Веня, – это Нинкина идея.

– Чес-слово, ни я, ни он ни при чем, – затараторил Илья, – она все придумала. Мы ничего плохого не совершали.

– Вас могут арестовать за убийство девочки, – сгустил я краски.

– Мы никого не трогали, – затрясся Веня.

– Ты сейчас обосрешься, – фыркнул Рыбаков, – хорош дрожать. Он придумывает. Как можно нас задержать, если Нинка распрекрасно жива?

Мне стало смешно.

– Илья, последнее заявление является признанием участия в афере. Если ты не имеешь отношения к мошенничеству, откуда знаешь, что Лапина находится в добром здравии?

– Она не в Здравии, о котором вы сказали, – простонал Веня, – а в деревне Коклюшки, там изба бабки Рыбакова.

– Кретин! – заорал Илья. – Придурок. Заткни пасть.

– Оба замолчите, – велел я, – а насчет убийства... Если Галина Михайловна, которая уверена, что ее внучку похитили, сейчас заработает от стресса инфаркт-инсульт и скончается, то вы станете виновниками ее смерти. И никому не будет дела до того, что лишение жизни пожилой дамы не входило в жизненные планы малолетних разгонщиков.

– Кого? – заморгал Вениамин.

Я не успел объяснить, что в девятнадцатом веке так именовали

пройдох всех мастей.

В дверь машины постучали, я опустил стекло.

– Илья, почему ты сидишь в тачке с незнакомым человеком? – забыв поздороваться со мной, спросил высокий худой мужчина.

– Папа! – испугался паренек. – Э... ну... в общем...

– Сто раз велел: не общайся с Вениамином, – рявкнул отец, – от него одни неприятности.

– А чего? Я ничего, – забубнил Морозов, – мы типа просто... гуляем.

Рыбаков посмотрел на меня.

– Вы кто? Почему мой сын в вашем автомобиле?

Я вынул удостоверение и открыл его.

– Иван Павлович Подушкин? Частное детективное агентство? – занервничал Олег Петрович. – Что происходит?

– Садитесь, – пригласил я, – или, если сочтете лучшим, можем в вашу квартиру подняться.

Старший Рыбаков постоял секунду, потом влез в салон.

– Говорите.

Я в деталях изложил, что сподвигло меня на беседу с Ильей и Вениамином. Не успел я произнести последнее слово, как Олег Петрович перегнулся через переднее сиденье, на котором сидел, отвесил сыну оплеуху и заорал:

– Я пупок на работе рву, из рейсов не вылезаю, мать по клиентам с утра до ночи носится, чтобы дурака в американский колледж взяли. Сто раз предупреждали: стипендию америкосы дадут, только если к отличным отметкам прилагается безупречное поведение! Охренел, да? Потерять то, ради чего семья ни ест, ни пьет... Мать в одном платье пятое лето щеголяет. Сказано четко, не приближайся к Веньке, он тебя дурному научит. С кем поведешься, от того и наберешься! Кретин!

– Че всегда я, – обиделся Венька, – вы с моим папкой поругались, поэтому...

– Твой отец мерзавец, – завопил Олег Петрович, – стукач!

– Полагаю, идея с похищением принадлежит Илье, – остановил я бушующее торнадо, – разве вы не поняли, что сумма выкупа равна взятому Алиной Марковной займу? Мальчик хотел помочь семье, но пошел неправильным путем.

– Галька ..., – захныкал Илья, – маме не заплатила! Восемьдесят кусков зажала! Фигня случилась поэтому.

Я уставился на него.

– Не матерись. Галька – это бабушка Нины?

– Ага, – шмыгнул носом подросток, – она в школе на спектакле, который мы поставили, ныла, что у нее ногти на руках ломаются, пальцы на ногах болят, а в салон на маникюр-педикюр ходить не может, там дорого просят. Рядом сидела моя мама, она супер-пупер-мастер.

– Итить твою в корень, – выпалил Олег, – у Лапиных денег лом! Пентхаус, шикарные машины, прислуги армия. Старуха жаднее всех, ей даже на себя денег жалко.

– Мама Гальке предложила на дому обслуживаться, – уже тише продолжил Илья. – Папа, ты сам говори теперь, мне детектив не поверит.

Олег потер рукой затылок.

– Ну... нам очень деньги нужны. Учеба Илюхи весь бюджет сжирает, но у нас цель. Сами в дерьме сидим, а сына вытащим, он лучшее образование получит, врачом в Америке станет, пластическим хирургом. Вот тогда будет нам счастье! Мой заработок от числа поездок зависит. В апреле я грипп подцепил, десять дней в кровати провалялся, ни встать, ни сесть. Деньги за апрель дают в мае. Я сразу сообразил: не хватит на кредит вскоре! Алинка подсуетилась, взяла «быстрые деньги». Уж я ее ругал! Надумала баба сама решение принять – жди беды. Ссуду под жирный процент можно без согласия мужа или жены оформить. И оказалось у нас из-за глупости Алины не восемьдесят тысяч долга, а сто шестьдесят.

– Не так! – остановил отца Илья. – Ты самое важное упустил. Мама ходила к бабке Нины три месяца, та ей каждый раз не платила, пообещала сначала за пять визитов, потом за десять... Ну и дальше. Набежало восемьдесят тысяч. Мама тогда позвонила Галине Михайловне, а та ей: «Что за чушь вы несете! Вам конверт отдали». Трубку бросила, номер мамульки в игнор.

– Жена поехала к Лапиным, ее охрана завернула, секьюрити пообещали в зубы дать, если еще раз появится, – дополнил Олег, – вот такая ботва. Я из-за гриппа заработка лишился, Алинку бабка кинула. Жена психанула и без согласования со мной за «быстрым кредитом» ломанулась.

– Мы с Нинкой в одном классе сидим, – снова перебил отца Илья, – я ей сказал: твоя бабка ...! Маму обманула ...!

Я хотел снова сделать пареньку замечание по поводу использования нецензурной брани, но промолчал. А Илья говорил дальше:

– Нинка пообещала вернуть старухин долг, хотела деньги из коробки, где они на хозяйство спрятаны, взять, но не получилось. Тогда она придумала похищение. Мы ее с Венькой отвезли в деревню. Там три дома осталось, в двух – бабки психованные, у них телефонов нет. Там вообще мрак. Ни интернета, ни водопровода. Каменный век. Еще и свет

отключили. Мы думали, Галина сто шестьдесят тысяч сразу отдаст. А она даже не чухнулась. Вот...!

– Постой-ка! – удивился я. – Вы бабушке сообщили, что внучку похитили. Объяснили, куда надо деньги привезти?

– Не-а, – возразил Веня.

– Как тогда она может вам их вручить? – вздохнул я. – Кому она тысячи отдаст? И где?

– Нинка сказала: «Парни, не суетитесь. Сама с ней свяжусь. Поплачусь в телефон. Старуха мне точно поверит».

– Так, – протянул я, – если я правильно понял, Морозов и Рыбаков доставили Лапину в заброшенную избу, которая находится в умирающей деревне. И... что? Дальше-то?

– Денег жду, – буркнул Илья.

– Внука связалась с бабушкой? – не успокаивался я.

– Не знаю, – хором продекламировали «похитители».

– Вы ей звонили? – не отставал я.

– Телефон у Нинки выключен, – объявил Морозов.

– Надо паскудницу немедленно к родственникам припереть, – вспыхнул Олег, – я с вами, Иван Павлович. Дорога к тещиному дому простая, один не запутаетесь, но лучше нам вдвоем. А вы марш по домам.

– Пап, мы тоже хотим в деревню, – попытался спорить Илья.

– Домой, – каменным голосом повторил отец, – потом побеседуем. Вениамин, если еще раз тебя с Илюхой увижу, руки с ногами местами поменяю и так жить оставлю!

– Че я сделал плохого? – заныл Морозов. – Нинка помочь попросила. Мы друзья!

– Крыса с помойки тебе кореш, – оборвал Олег, – а Илья тебе не друг. Вали домой. И помни, крепко огребешь, если от моего сына не отстанешь. Он тебе не ровня.

– Ладно, – прошептал Морозов и открыл дверцу, – зря считаете Игоряху белым и пушистым. Такое могу про вашего отличника рассказать! Облысее и ссаться начнете.

Младший Рыбаков ткнул дружка кулаком промеж лопаток, Вениамин вывалился из седана, Игорь выскочил за Морозовым.

– Говорите, куда ехать, – велел я.

– Могу за руль сесть, – предложил Олег.

– Спасибо, если устану, непременно вручу вам баранку, – пообещал я.

– На Дмитровку нам, – вздохнул отец отличника, – не успеете запариться, это рядом совсем.

Я послушно выехал на проспект, и некоторое время мы двигались в тишине.

Олег Петрович решил начать беседу на отвлеченную тему.

– Радио не слушаете? Музыку не любите?

– К сожалению, восхитительный концерт Моцарта ведущий программы прерывает идиотскими шутками, – заметил я, – поэтому в салоне приемник отсутствует, пользуюсь программой в телефоне.

– Дети у вас есть? – спросил Олег.

– Нет, – ответил я, – не женат.

– И не заводите, – посоветовал Рыбаков, – радости от них только до трех лет, далее проблемы водопадом. Денег не напасешься на спиногрыза, весь на мыло изойдешь за него. Хотя некоторые родители спокойны. Вон, мать Вениамина бухает, и плевать ей на то, что сын творит.

– Сергей Сергеевич терпит пьянство жены? – удивился я.

– Серега с ней давно в разводе, – заявил собеседник.

– А по документам Морозовы не разведены, – заметил я.

– Сергей просто ушел, разрыв не оформлял, – уточнил Олег, – если штамп в паспорт шлепнет, алименты на Веньку платить придется. А когда в браке состоишь, то никаких обязательств. У него давно другая баба, он у нее поселился.

– И жена скандал не подняла? – не поверил я. – Не потребовала содержания на ребенка?

– Ей фиолетово, – засмеялся Олег, – утром пиво, вечером водка. Мужика сняла, денег заработала. Понимаете теперь, почему я запрещаю Илье с Венькой дружить? У него мать ...! Налево тут и на проселок.

– Совсем близко дача от Москвы находится. Вы ею не пользуетесь? – полюбопытствовал я.

– Дача? – издал смешок Олег Петрович. – Сейчас полюбуется! Изба убогая. Без удобств. В десяти метрах от села высоковольтная линия тянется. Кто ж хибару купит? Теща моя дура. Лет двадцать назад всем, кто в селе жил, предложили переехать в Нахрапино. Там дом многоэтажный построили. Какой-то бизнесмен хотел на месте деревни полигон для пейнтбола сделать. Бесплатно людям жилье давал, типа обмен: вы мне свой дом плюс участок, а я вам метры с удобствами. Все кинулись в Нахрапино. Теща же, а с ней еще пара идиотов, уперлась: «Огородики наши, куры, козы...» Козы... Сами они козы! Увидите, что получилось! Заборище у полигона огромный, до неба почти, овраг за ним и три сарая, где кретинки остались. Воды-газа нет, электричество с большими перебоями, транспорт до села не ходит. Если на автобус сесть решите, пилите потом пять

километров пехом до шоссе или семь к главным воротам, куда любители шариками пострелять прикатывают. Дом тещи дочери завещала, жене моей. Спасибо бабке! Не съесть, не продать ее подарок. Нет бы ей, козе, на однокомнатную квартиру согласиться. А вот и имущество, бабкой отписанное. Тормозите.

Я припарковался у скособоченного домика.

– Алинкино наследство, – хмыкнул Олег, – развалюха! И рубля за это дерьмо не выручить.

Я молчал. Рыбаков с размаха пнул дверь и заорал:

– Нина! ...! Я все знаю! А ну вылезай!

Ответом послужила тишина.

– Вот ..., – шепнул мне отец Ильи, – ничего, сейчас пробкой из бутылки выскочит.

Потом он набрал полную грудь воздуха и заорал:

– Хорош ховаться! Илюха тебя сдал. Выкупа нет. Галина Михайловна в больницу попала. Инфаркт. Вона чего из-за ваших фокусов вышло. Где прячешься?

Я обогнул вопящего водителя, покинул веранду и стал обходить избу. Кухня оказалась крохотной. Почти всю ее занимала русская печь. Ванной, туалета не было, в единственной комнатке стояли кресло, шкаф и кровать, прикрытая рваным ватным одеялом.

Я глянул на постель и онемел. На ней лежала девочка с длинными светлыми локонами, одетая в розовую футболку с надписью «Ниночка» и джинсы. Руки у нее были некрасивые, ладони широкие, пальцы с красным лаком на ногтях. Часть волос закрывала лицо, которое, судя по большому количеству запекшейся крови, было разбито. Ноги до колен прикрывала какая-то тряпка. Я хотел пощупать у нее пульс, но заметил на лице трупные пятна.

– Надо «Скорую» вызывать, – засуетился Олег, – хорошо, мобильники работают, на полигоне вышку поставили.

Глава 6

На следующий день в начале первого в дверь моей квартиры позвонили. Я сам открыл и увидел высокого стройного мужчину лет сорока, у ног которого громоздился здоровенный баул.

– Доброе утро, – басом произнес он, – разрешите представиться, Генри фон Дюпре. Матушка велела у вас поселиться.

Я, ранее думая, что «мальчику» лет восемнадцать-двадцать, на всякий случай уточнил:

– Вы сын Анны?

– Он самый, – подтвердил «малыш». – Скажите, в вашем пансионе предусмотрен завтрак в комнаты? Не люблю трапезничать в общем зале. Анна предупредила на ресепшен, что мне нужна отдельная ванная?

– Простите, господин Дюпре, вы находитесь в квартире Ивана Павловича Подушкина, – церемонно заметил Борис.

– Прошу извинить, – улыбнулся Генри, – я перепутал номер. Матушка написала...

– Все правильно, – сказал я, – вы попали по нужному адресу. Но я не сдаю внаем жилье.

– Да? – поразился гость. – Как же тогда?

– Иван Павлович пригласил господина Дюпре пожить у себя в качестве гостя, – растолковал секретарь, – бесплатно. Ваша спальня налево. Прошу сюда. Вот. Вуаля!

Борис распахнул дверь, я удержал возглас удивления. Мой помощник постарался изо всех сил. Обои он, правда, не поменял, зато вместо приятных моему глазу темно-коричневых портьер на окне висели светло-голубые. Этот цвет преобладал и в обстановке. Плед на кровати, ковер, скатерть на журнальном столике и куча других предметов были колера летнего итальянского неба.

– Отдельной ванной нет, – пел Борис, – в доме два санузла. Одним пользуется господин Подушкин, другим я. С удовольствием подвину зубную щетку, чтобы вы поставили рядом свою.

Генри поднял бровь.

– Ясно. Спасибо.

В комнату с радостным лаем влетела Демьянка.

– Пес, – поежился Генри.

Я присоединился к беседе.

– Вы боитесь собак?

– Вовсе нет, – протянул господин Дюпре и попытался отпихнуть Демьянку от своего единственного, но здоровенного чемодана.

Псинка, однако, не желала отойти от огромного кофра на колесиках, она скребла его лапой, нюхала, затем попыталась укусить за нижний угол.

– Фу, – строго приказал Борис, – сидеть.

Демьянка завывала. Секретарь схватил ее за ошейник и уволок прочь.

– Сейчас Борис запрет безобразницу, вернется и поможет вам распаковать вещи, – пообещал я.

– Не стоит. Сам прекрасно справлюсь. Не люблю, когда кто-то разбирает мои принадлежности, – отказался фон Дюпре.

– Желание гостя закон, – улыбнулся я, – если передумаете, мой помощник к вашим услугам.

На лице сына Анны появилось задумчивое выражение, потом уголки его губ медленно поползли вверх. Мне стало понятно, что он наконец-то сообразил: я не владелец меблированных комнат, а равный Генри по воспитанию и образованию человек.

– Чудесно, – залопотал гость, – спальня до изумления похожа на мою обитель дома. Благодарен вам за приют. Здесь так уютно. О! Мишка! Точь-в-точь такой же живет в моей комнате дома. Очаровательно! Еще раз примите мое большое спасибо. Оказался в ваших владениях ненадолго, надеюсь вас не обременить.

– Рад помочь, – ответил я ничего не значащей светской фразой и ушел.

Через пару минут из гостевой раздался грохот и бабий визг. Я поспешил назад, постучал в дверь и спросил:

– Генри, вам помощь нужна?

– Нет, спасибо. Извините, я уронил чемодан, – объяснил гость, – право, это ерунда.

– Иван Павлович, вас, – сказал Борис, подходя ко мне с трубкой в руке.

Я взял у помощника телефон, из которого незамедлительно раздался хриплый баритон.

– Господин Подушкин?

– Именно он, – ответил я. – С кем имею честь общаться?

– Бурмакин Василий Федорович, – представился абонент, – следовательно, занимаюсь убийством трупа, обнаруженного в селе Коклюшки. Нам надо поговорить.

– Конечно, – согласился я, меня восхитил оборот «убийство трупа», – говорите, куда приехать.

– А если я сам к вам в агентство заскочу? – неожиданно предложил

Бурмакин.

Я несказанно удивился, но быстро ответил:

– Буду рад встрече в своем скромном офисе. Адрес...

– Через полчаса появлюсь, – перебил Бурмакин, – куда ехать, знаю.

В изумлении я положил трубку в карман. Мы с Олегом вчера вызвали полицию, приезда которой пришлось ждать очень долго. Находиться в избе, где лежало тело, было весьма некомфортно, поэтому мы сидели в машине. Прибывший на место дознаватель не стал нас с Рыбаковым опрашивать, он лишь взял наши координаты и велел уезжать домой. На мой взгляд, это неправильно, но я не стал спорить с толстым одышливым человеком, которому по внешнему виду можно было дать лет сто. Домой так домой. Но когда я уже завел мотор автомобиля, из избы вышел полицейский и крикнул:

– Эй, парни, помогите трупешник перевернуть.

Вот тут я не выдержал:

– Думаю, медэксперт, который сюда приедет, будет очень недоволен нашим поведением.

– Еще чего, – прокряхтел местный «Эркюль Пуаро».

– Вы без перчаток и бахил, – продолжал я, – тело до приезда криминалистов перемещать нельзя. И абсолютно недопустимо просить свидетелей трогать мертвеца.

– Уезжайте, – разозлился полицейский, – нашелся тут специалист, частный детектив, блин! Уж я поумней и поопытней тебя!

И вот теперь сей малоприятный тип едет в офис моего агентства? Более чем странно. Я не успел еще поразмыслить на сей счет, потому что из комнаты, в которой поселился Генри, опять раздался истошный вопль.

– Могу вам чем-то помочь? – спросил Борис из коридора.

Ответа не последовало. Секретарь всунулся в кабинет.

– Иван Павлович! Господин Дюпре...

– Слышал, – остановил я помощника, – сейчас зайду к нему.

– Как-то неудобно, – смутился Борис, – мало ли чем он там занят.

Я двинулся в коридор.

– Генри не в гостинице поселился, а в моей квартире. Он не постоялец. Как хозяин я имею право в любое время войти в каждую комнату своих апартаментов. Сейчас мы слышали крик, это обстоятельство настораживает.

Я остановился у двери и постучал.

– Генри! Что у вас случилось?

Тишина.

Я нажал на ручку и увидел открытый совершенно пустой кофр и парня, который стоял, прижавшись спиной к шкафу.

– Простите за вторжение, – произнес я, – я слегка беспокоился звуком, который донесся из спальни. А вы не реагировали на стук в дверь.

– Мы испугались, вдруг вам плохо, – добавил Борис.

– Я раскладывал вещи и пел, мечтаю стать оперным исполнителем. Сейчас ставлю голос, – ответил Генри.

– Тогда мы более не будем нервничать, услышав громкие звуки, – заверил я, – располагайтесь с комфортом.

– Возможно ли попросить у вас чашечку эспresso и чай, зеленый, – заулыбался Генри, – ни в коем случае не стану обременять вас заботой о себе, намерен питаться сам, но сразу после приезда...

– Сейчас сделаю, – пообещал Борис, – хотите кофе и чай одновременно?

– Да, – подтвердил гость, – люблю сначала выпить эспresso, потом крепкий чай.

– Желаете перекусить? – спросил секретарь. – Омлет на быструю руку?

Генри отвел глаза в сторону.

– Благодарствую. Я бы съел болтушку из одного яйца и глазунью из двух.

– Омлет и яичницу разом? – повторил секретарь.

– Да, в две тарелки и кари прибавь, – подтвердил гость, – люблю разнообразие вкусов.

– Минут через десять в столовой накрою завтрак, – заверил Борис.

Генри сконфузился.

– Хочу вам объяснить... Вероятно, моя просьба выглядит странно... но прошу понять некоторые особенности семьи Дюпре. Наш семейный замок имеет площадь шесть тысяч квадратных метров. Я обитаю в правом флигеле, зал для вкушения пищи расположен в центральной части. Мне туда идти четверть часа, не меньше. Матушка позволила мне питаться в детской. Исключительно ради сбережения моих физических сил и времени, коего у меня мало, а в гимназические годы совсем не было. Кроме того, в зале над камином висит пугающая картина. «Саломея с головой Иоанна Крестителя». Я ее боялся, и до сих пор дискомфортно на нее смотреть.

– Тициан, – кивнул я, – великое произведение, но, соглашусь с вами, мрачное, жестокое. Если не ошибаюсь, оно хранится в Риме, в галерее Дориа-Памфили.

– Там копия, – возразил Генри, – подлинник у нас дома.

Я не стал спорить, гость продолжил:

– Посему с молодых ногтей я привык трапезничать в одиночестве. На людях кусок в горло не лезет.

– Сервирую завтрак в спальне, – согласился Борис.

Мы с секретарем вышли из комнаты и взглянули друг на друга.

– У каждого свои привычки, – вздохнул Борис, – гостя надо окружить комфортом.

– Согласен, – кивнул я, – отнесите Генри поднос в спальню. Хорошо, что в моей квартире не шесть тысяч квадратных метров. Бедняга парень! Наверное, он, живя в замке, всегда пьет холодный чай и ест остывшие блюда. Пока из кухни кушанья доставят, они замерзнуть успеют.

– В крупных отелях на тележках для доставки заказа в номер предусмотрены маленькие горелки, – растолковал Борис. – Возможно, Дюпре такие используют.

И тут раздался звонок в дверь.

Глава 7

– Вчера на месте происшествия я видел другого сотрудника, – заметил я, когда мы с гостем устроились в кабинете. – Чай, кофе? Бутерброды?

– С удовольствием угощусь капучино, – потер руки парень в джинсах и светло-голубой рубашке, – если честно, я проголодался.

Я позвал Бориса, тот пообещал сделать свои фирменные сэндвичи с курицей. Бурмакин пришел в восторг, рассыпался в благодарностях. Минут десять мы занимались пустыми разговорами, в конце концов я решил, что хватит зря тратить время.

– Василий Федорович, зачем я вам пригодился?

Юноша откашлялся.

– Никак не привыкну к отчеству, если обращаются так, как вы сейчас, то я вздрагиваю и начинаю оглядываться: где тут старичок Федорович?

– Ваша профессия обязывает к официальности, – предупредил я, – господин Бурмакин государев человек.

– Кто? – удивился юнец.

– Чиновник, – перевел я выражение на современный язык. – Посетители должны вас по батюшке величать.

– Но с вами мы коллеги, – возразил парень.

Я удивился еще сильнее. Не секрет, что в частные сыщики идет много бывших сотрудников МВД. Но действующие полицейские не преминут заметить, что гусь свинье не товарищ, мало кто из них назовет сотрудника детективного агентства «коллегой». А уж я, никогда не служивший «на земле», и вовсе не достоин уважения. Правда, я, став владельцем конторы «Шерлок», обзавелся приятелями в рядах борцов с преступностью на окладе у государства. Вот они ценят мои профессиональные качества по достоинству. Жаль только, что Макса Воронова больше нет.

– Дело об убийстве неизвестного трупа поручили мне нарочно, – вздохнул Василий. – Уверен, без Ренаты Глебовны тут не обошлось.

– Минуточку, – остановил я гостя. – Почему неизвестного? Я полагал, что в избе тело Нины Игоревны Лапиной пятнадцати лет. По словам Ильи Рыбакова и Вениамина Морозова, приятелей жертвы, бабушка Нины не заплатила деньги за работу матери Ильи. У семьи из-за этого случился финансовый коллапс. Школьники решили исправить ситуацию, разыграли похищение Нины. Девочка спряталась в доме покойной бабушки Рыбакова. Я понял, что киднеппинга не было, мы с отцом Ильи отправились за Ниной

и нашли несчастную с разбитым лицом на кровати.

– Ну нет, – возразил Василий, – все не так.

– Я не успел еще побеседовать с Галиной Михайловной, вчера приехал поздно, не счел нужным сообщать даме ночью трагическое известие. Сегодня с утра пока не смог до нее дозвониться, – кивнул я. – Возможно, вы правы. Все не так. Вероятно, деньги Алине Марковне передали, а она их куда-то дела, соврала, что ее обманули. У женщин свои секреты. Понимаю, внешность человека не всегда соответствует его сущности, но Лапина не похожа на мошенницу, она мать богатого бизнесмена, для нее восемьдесят тысяч рублей не составят проблему.

– Я про другое говорил, – протянул Бурмакин, – жертва идентифицируется как Лариса Михайловна Бумагина девятнадцати лет. Но это предположительно. Поэтому я и сказал: неопознанный труп.

– Но на теле была футболка с надписью «Ниночка», – напомнил я. – Почему девушка в одежде с чужим именем?

– Фиг его знает, – вздохнул Бурмакин, – Рената небось постаралась, чтобы мне стремное дельце подбросили. Она надеется, что я не справлюсь. И в стоматологии подамся.

– Василий Федорович, не понимаю, о ком вы ведете речь, – остановил я парня, – если вас интересует, что знаю я, то в общих чертах сообщил сведения вчера полицейскому, который прибыл по вызову. Могу их дополнить. С Ренатой я никогда не встречался, среди моих знакомых дамы с таким именем нет.

– Это моя мама, – пояснил Бурмакин, – владелица частной зубной клиники. Я младший сын. Есть еще Юра – старший, вот он радость мамули, дантист, женат, отец двух детей. А я решил следователем стать. Год сижу в отделе, зарплата пустяковая, интересных дел не поручают. В основном у телефона дежурю или в интернете копаюсь. Мама мою карьеру порушить надеется, ждет, когда мне осточертеет бумажки туда-сюда перекладывать. Уверен, муттер Федору Петровичу, моему начальнику, велела меня на приколе держать. Я поступил в мединститут, выполнил приказ матери. Но не собирался провести жизнь рядом с бормашиной. Мне другое интересно: перестрелки, погони, преследование преступника на самолетах...

– Друг мой, вы насмотрелись сериалов, – улыбнулся я, – в жизни следователя, слава богу, мало событий, о которых вы сейчас упомянули. Большую часть рабочего времени он проводит за изучением бумаг или за болтовней с разными, чаще всего неприятными людьми. Прибавьте сюда профессиональную болезнь полицейских гастрит, недостаток сна,

маленькую зарплату, требовательное сверх меры начальство, ненормированный рабочий день... Может, ваша маменька права? Дантисты хорошо зарабатывают, у них крепкие семьи. А у полицейских распадается каждый второй брак.

– Нет, – отрезал Василий, – у меня другие жизненные планы. Мать решила младшего сына измором взять. Она велела Федору Петровичу меня к стулу в кабинете прибить, думает, я от тоски-безделья офигею и в клинику ее сдаваться побегу.

Василий стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Фигу ей. До маман дошло – у меня упорства через край, и она придумала другой ход. Уверен, это ее идея мне висяк с трупом в избе подкинуть. Федор Петрович так мерзко утром улыбался, говорил: «Василий, застоялся ты, как поросенок в хлеву. Пора плавать начинать. Работай по убийству». Я сначала обрадовался, а как материалы почитал! Ё-моё!

– Полагаете, ваша маменька настолько значима, что может управлять начальником отделения? – улыбнулся я.

Бурмакин хихикнул.

– Мамаша до того, как своей клиникой обзавестись, в ведомственной пахала. Да у нее все полицейское начальство пломбы ставило, и до сих пор они к матери рулят. Эмвэдэшников она у себя бесплатно обслуживает. Да у нее сам Николай Львович с разинутым ртом в кресле сидит. Соображаете?

Я понятия не имел, кто такой Николай Львович, но ответил:

– О! Сие меняет дело.

Василий хлопнул ладонью по коленке.

– Ну, вот так! По плану мамаша я дело завалю, и меня выгонят. Куда деваться? Ползти к бормашине.

– Зачем вы приехали? – не выдержал я. – Хотите услышать мой наиподробнее́йший рассказ о том, что я знаю?

– Хочу вас нанять, – выпалил гость.

Я подумал, что ослышался.

– Кто-то из ваших знакомых нуждается в моих услугах?

– Ага, я, – уточнил Василий, – лично.

Похоже, мне не удалось справиться с удивлением, которое явно отразилось на моем лице.

– Не волнуйтесь, – затараторил Бурмакин, – я в средствах не стеснен, могу заплатить сколько потребуется. Наликом. Аванс я принес!

На мой стол шлепнулась пачка купюр.

– Хватит? – поинтересовался посетитель.

– Прежде чем дойдем до денег, необходимо составить договор, – пояснил я, – я выставлю счет, вы перечислите сумму в банк. Наличку я не принимаю. Но, простите, Василий Федорович, вы сами служите следователем. Зачем вам понадобился частный детектив?

– Вот те на, – удивился Бурмакин, – я уже объяснял: дело глухарь, его раскрыть надо.

Я уставился на посетителя, в такую ситуацию я попал впервые. В мой кабинет приходят разные люди со всякими, подчас странными, проблемами. Один раз мне пришлось искать болонку с ошейником, украшенным крупным бриллиантом. Но следователь, который хочет, чтобы я вместо него кинулся по следу убийцы?! С таким я еще не сталкивался.

– Я полазил в интернете, почитал про детектива Подушкина, вы профи, – с легкой завистью в голосе заметил посетитель, – а я с глухарем не справлюсь. Помогите. А? Будем вместе пахать, только главный вы! Очень прошу, никак мне нельзя облажаться. Если накосячу, Федор Петрович кому надо доложит, представит меня балластом и отправит малолетними преступниками заниматься. Такой у них план, у матери и у моего начальника. Вчера я ее телефонный разговор подслушал. Она прямо говорила: «Федюня, постарайся». И о чем мамахен ныла? Явно обо мне. Не оставьте меня в беде. Заплачу вам.

Я посмотрел на румяные пухлые щеки посетителя.

– Простите, сколько вам лет?

– Двадцать пять, – отрапортовал Бурмакин, – школу окончил, мамахен в медвуз запихнула, год отучился, сбежал на юрфак, получил диплом, попал в отделение. Знаете, как меня мать поедом жрала, пока я на юридическом учился?! У вас же в молодости, наверное, тоже мечта была. Сейчас, в старости, вам уже ничего не надо, а вы вспомните свою юность и поймете меня.

Дверь тихо скрипнула, появилась Демьянка, в зубах она несла красный лифчик с устрашающе торчащим в разные стороны черным кружевом.

– Вау, – хихикнул Василий, – вы, несмотря на возраст, зажигаете!

– Борис, – крикнул я.

Секретарь незамедлительно возник в комнате.

– Слушаю вас!

Я показал глазами на собаку.

– Что это?

– Демьянка, – ответил помощник.

– Не кто, а что, – вздохнул я, – у нее из пасти свисает.

– Матерь Божья! – подпрыгнул Борис. – Фу! Где ты это взяла?

– Сейчас она ответит, – захохотал Василий, – я вам вместо пса доложу: стянула у бабы, которая тут живет.

– Иван Павлович не женат, – быстро заметил секретарь.

– Чтобы спать с кем-то, штамп не требуется, – возразил Бурмакин.

Из коридора послышался грохот, потом раздался голос Генри.

– Господа, я временно покидаю ваш гостеприимный дом.

Я встал.

– Борис, развлеките пока Василия Федоровича, я провожу господина Дюпре.

Глава 8

Я вышел в прихожую и опешил. На Генри красовалась белая косоворотка с вышитыми повсюду красными петухами. Брюками служили темно-синие шаровары с оранжевым кушаком. На голове гостя сидел картуз, слева в него был воткнут искусственный цветок мака. Сбоку на длинном шнуре висела балалайка. Сын Анны натягивал черные сапоги.

– Уезжаете? – только и смог сказать я.

– Ухожу, – уточнил «малыш».

– С кофром? – продолжил я, разглядывая чемодан, который стоял у вешалки. – Можете смело оставить его в комнате, никто его не возьмет.

– Там шубы мамы, – сообщил Дюпре, – она просила их ей доставить. Срочно.

Я кивнул. меховые манто – это именно то, без чего в раскаленной Москве в августе точно не обойтись.

– Когда вы отходите ко сну? – уточнил гость, поправляя съехавший картуз. – Не хочется разбудить вас и прислугу.

– До полуночи в доме никто не укладывается, – объяснил я и снял с крючка связку. – Возьмите ключи и приходите когда удобно.

– Прекрасно, – обрадовался «балалаечник», – крайне любезно с вашей стороны.

Гость схватил чемодан за торчащую вверх ручку...

– Подождите, – остановил я его. – Генри, вы часто посещаете Москву?

– Впервые прибыл, – улыбнулся он, – мама не ездила и мне не разрешала. В СССР опасно, на улицах стреляют, повсюду бандиты и голодные жители, которые хлеб из рук прохожих вырывают, много воровства, грабежей. Не испытывал особого желания посетить родину предков, но мамуля вбила себе в голову, что мне нужно посмотреть на страну ее детства и познакомиться с дворянским кругом.

– Вы прекрасно говорите на русском языке, – похвалил я Дюпре, – ни малейшего акцента.

Генри усмехнулся.

– С Анной не поспоришь, она наняла для меня няню из обедневшего рода Неустроевых. А та заставила меня с матерью только с помощью ее родной речи общаться. Я и кухню вашу знаю. Щи, борщ, ячневая каша с ливером, квас с изюмом, блины с икрой, сбитень, кисели.

– Генри, почему вы так оделись? – задал я наиболее интересный

вопрос.

– Ошибка в выборе образа? – смутился гость. – Это исконно русский наряд. Специально приобрел его в магазине, где торгуют советскими швейными изделиями. Я уважаю родину мамы, однако я лишь наполовину советский и не ощущаю глубокую эмоциональную связь со страной предков. Но мне не хочется оскорблять взгляды прохожих, как говорят в Стране Советов, капиталистическими джинсами, поэтому...

Я кашлянул.

– СССР давно нет.

– Как? – изумился гость.

– В девяносто первом году Союз развалился, – уточнил я, – теперь мы живем в России.

Генри помолчал, потом протянул:

– Газет я не читаю, телевизор не люблю, интернетом не пользуюсь, а в книгах, которые есть в домашней библиотеке, речь только об СССР идет. Извините, если я совершил бестактность.

– Что вы, – улыбнулся я, – просто я решил на всякий случай вас предупредить. Генри, вы так оделись...

– Вам не нравится мой костюм, – опечалился Дюпре. – Скажите откровенно: что вам не по душе? Коренное население страны, в которую я приехал гостем, нужно уважать. Когда мы с мамой посещаем Шотландию, я всегда надеваю килт. В Париже хожу в красном берете и шарфе. В Америке – в джинсах, кожаном жилете с бахромой, сапогах до бедер из того же материала. Мама моя желание проявлять дружеские чувства к разным народам поддерживает.

– И что она сказала по поводу косоворотки, картуза с цветком и прочего? – поинтересовался я.

– Ничего, – ответил Генри, – это для нее сюрприз. Во всех странах прохожие на улицах меня приветствуют, делают фотографии.

– В Москве душно, – заметил я, – советую использовать легкие льняные брюки, футболку и сандалии. В сапогах вы далеко не прошагаете.

– Сандалии? – повторил Генри. – Это не моя обувь. И в СССР, ох, простите, в России их не носят. У вас лапти. Но я их не смог достать, поэтому пришлось натянуть эту обувь. Я строго соблюл соответствующий внешний вид. Дома внимательно изучил по картинам художников прошлых лет, как выглядел народ. Не хочу подчеркивать свою аристократичность. Мечтаю окунуться в массы. Получить бесценный опыт общения с простолюдинами, честными, прекрасными, наивными российскими крестьянами. Сожалею, что лапти не нашел. Отсутствие обуви из лыка –

боль моего сердца. Представляю, как мамочка обрадуется, увидев меня одетым как мужчины ее детства.

– Ну да, Анна забьется в восторге, – пробормотал я. – Господин Дюпре...

– Простите, мне пора, – заторопился ряженный.

– Лучше переоденьтесь, – попытался я остановить Генри, – современные москвичи мало чем отличаются от жителей Нью-Йорка или Парижа.

– Понимаю, – кивнул Генри, – исторический костюм уже не в фаворе. Но для выражения респекта гражданам он необходим. Я пошел! Подскажите, где ближайшая стоянка извозчиков?

– Такси можно поймать на улице или вызвать по телефону, – объяснил я, – давайте организуем вам наемный экипаж.

– Хочется самому окунуться в гущу жизни родины предков, – возразил недоросль и покати́л чемодан к выходу.

– Генри, – окликнул я его, – простите мое беспардонное любопытство, чем вы занимаетесь?

Он оглянулся.

– Составляю каталог картин нашего замка, параллельно пишу книгу о музее искусств Дюпре, он открыт в нашем имении, по выходным вожу группы экскурсантов. Работы по горло. Я искусствовед. А вы? Надеюсь, мой вопрос вас не оскорбил.

– По образованию я редактор, – начал я, – окончил некогда Литературный институт, а сейчас...

– О-о-о-о! – восхитился сын Анны. – Приятно встретить человека, с которым сразу ощущаешь общность взглядов. Восхищен вашей библиотекой, она не такая большая, как в замке, но подобрана с тонким вкусом, во многих томах закладки. Глубоко впечатлен вашей эрудированностью. И...

Из кабинета вышла Демьянка.

Генри запнулся на полуслове.

Я увидел, что изо рта псинки по-прежнему свисает красный с черными кружевами лифчик, и быстро произнес:

– Понятия не имею, где собака сие нашла, в доме нет женщин. Возможно, отрыла на помойке и тайком в дом притащила.

Демьянка приблизилась к гостю, села у его ног и завиляла хвостом.

– Вы ей понравились, – улыбнулся я.

Псинка встала и, тихо повизгивая, начала скрести лапой чемодан. Бюстгальтер она выплюнула.

– Удаляюсь, пошел искать остановку конки!^[3] – воскликнул Генри и скрылся на лестничной клетке.

Я вернулся в кабинет и обнаружил там Василия и Бориса в процессе увлекательной, но непонятной мне беседы.

– Следует отбить, – велел мой секретарь.

– Никогда, – отрезал Бурмакин, – нарушится структура листа, на выходе будет тряпка.

– Нет, – заспорил Борис, – если пренебречь молотком, получится жестко.

– Можно потяпать серединку, – согласился Вася, – но по бокам конкретно не трогать.

– Без муки жарить.

– Невозможно. Сухо будет.

– Масла побольше.

– Несъедобно.

– Хотите покажу, как правильно делать?

– Давайте, – согласился Борис и встал из кресла.

Василий поднялся следом.

– Вы куда? – не понял я. – О чем шла речь?

– Василий Федорович знатный кулинар, – восхитился Борис, – поделился со мной парой потрясающих рецептов, простых в исполнении, но, полагаю, очень вкусных. Террин из курицы с фисташками. Полкило куриной грудки, сто граммов ветчины, горсть очищенных фисташек, сливки двадцатипроцентные семь столовых ложек, бекон – двести граммов, соль, перец по вкусу, одна столовая ложка сливочного масла. Сырое куриное мясо делим пополам. Одну часть пропускаем через блендер, вторую мелко-мелко нарезаем. Ветчину тоже режем крошечными кусочками. Все мясо, плюс фисташки, сливки, специи смешиваем. Сковородку...

– О нет! – перебил Василий. – Фу! Разъемную форму, прямоугольную, можно воспользоваться той, что для кекса, застилаем фольгой так, чтобы снаружи осталось побольше железной бумаги.

– Железная бумага, – повторил я, – впервые слышу такое словосочетание.

– Потом выстилаем ее беконом, – не обращая внимания на мое замечание, продолжал горе-следователь, – и опять надо сделать так, чтобы часть полосок салца свисала за форму. На бекончик кладем фарш, прикрываем его сверху оставшимися полосками, фольгой. Если последней не хватает, можно еще оторвать от рулона, и в духовку. Я готовлю террин

один час при температуре сто семьдесят. Но все зависит от духовки.

– Не особо люблю фисташки, – заметил Борис.

– Так не кладите их, – воскликнул Бурмакин, – это дело вкуса.

– Завтра же попробую, – азартно заявил Борис.

– Могу помочь, – предложил Василий, – а насчет отбивания капустного шницеля, о котором мы беседовали ранее...

Я кашлянул.

– Господа! Я люблю вкусно поесть, но сейчас у нас не гастрономическая проблема. Если в избе обнаружено тело Ларисы Михайловны Бумагиной, то где Нина?

Глава 9

– Хороший вопрос, – сказал Борис и вышел из комнаты.
– Как вы определили личность жертвы? – продолжал я.
– За креслом валялась сумка, в ней лежал студенческий билет на имя Бумагиной, – пояснил Василий, – она занималась в художественном училище на факультете хореографии.

– Поэтому худенькая, похожая на подростка, – кивнул я. – Футболка с именем «Ниночка». Мы с Олегом ожидали найти Лапину. Поэтому майка нас ввела в заблуждение. Давайте поступим так. Съезжу сейчас к Галине Михайловне, которая трубку не берет, выясню, правда ли она не заплатила маникюруше деньги. Может, она знает Бумагину? Вероятно, Нина дружила с Ларисой. Девочка побоялась одна ночевать в деревне, где из жителей две лишенные ума пенсионерки, да и в пустом доме одной жутко. Нина и позвала Бумагину.

– У них большая разница в возрасте, – мигом затеял спор Василий.
– Не так уж она велика, – возразил я, – всего четыре года.
– Пятнадцать и девятнадцать разные миры, – уперся любитель террина из курицы.

– У вас есть другая версия? – осведомился я.
– Нет, – смутился Василий.
– Тогда давайте отработаем эту, – мирно предложил я. – В процессе непременно возникнут новые идеи.

– Лариса Михайловна Бумагина сейчас на занятиях, – сказал Борис, входя в кабинет, – только что беседовал с учебной частью училища. И девушка совершенно не похожа на жертву. Вот.

Секретарь поставил передо мной ноутбук.

– Да уж, – вздохнул я, – женщина на фото выглядит на хорошие тридцать лет.

– Это впечатление из-за лишнего веса, – добавил Василий, который смотрел на экран из-за моей спины. – И как такого бомбовоза на факультет хореографии взяли? Реально бегемотиха!

– Возможно, Лариса больна диабетом, – предположил я, – или у нее гормональный дисбаланс. Не все толстяки неуправляемые обжоры. Кое-кто вынужден лечиться преднизолоном и распухает как на дрожжах от обычной воды из крана, имеющей нулевую калорийность.

– Вода вовсе не такая безобидная вещь, как все думают, – начал

Василий, – если выпить одним махом двадцать литров, то умрешь.

– Интересно посмотреть на того, кто способен мигом осушить три полных ведра, – усмехнулся Борис.

– Влегкую! – воскликнул Василий.

– Это невозможно, – заспорил секретарь.

– Элементарно!

– Нет.

– Да! На что спорим? – азартно спросил Бурмакин. – Пошли на кухню. Сейчас продемонстрирую!

– Прекратите, – потребовал я. – Василий, если вы решили покончить жизнь самоубийством, предпринимайте это за пределами моего офиса.

– Я собирался просто доказать ему, что за минуту выпью сорок литров! – воскликнул Бурмакин.

– Только что вы говорили о двадцати, которые являются смертельной дозой, – вздохнул я.

– Что это играет в коридоре? – удивился Борис. – Жуткая какофония. Ба-ха, да-ха, оха-оха...

Я прислушался.

– Странный текст. «Ваха-каха-бобаха» и не менее удивительная музыка.

– Телефон! – хлопнул себя ладонью по лбу Василий и бросился в коридор. – У меня любимая песня вместо звонка заряжена.

– Лариса Бумагина не балерина, – сказал секретарь.

– Внешне девушка на танцовщицу не очень похожа, – согласился я, – хотя те, кто профессионально исполняет танец живота, достаточно корпулентны. Чтобы работать в данном жанре, надо обладать брюшком.

– Я не успел договорить, Василий сразу меня перебил. Она натурщица, – предположил секретарь, – училище не имеет ставок для тех, кто позирует будущим художникам. Учащиеся скидываются, и педагог приглашает в зал обнаженную натуру. У преподавателя есть несколько моделей, чтобы они могли беспрепятственно проходить в образовательное учреждение, натурщикам, а их пятеро, выдали студенческие билеты, записали их как будущих танцоров.

– И как удостоверение Бумагиной оказалось в сумке, найденной в избе? – пробормотал я. – Чья торбочка? Ларисина? Или Нины?

– Возможно, девушки знакомы, – начал фантазировать Борис, – пропуск учащегося художественного вуза дает право на бесплатное посещение выставок. Вероятно, Нина решила сэкономить.

– И отправилась осматривать почти умершее село, – хмыкнул я.

В кабинет вернулся Василий.

– Придя к вам, я начал снимать ботинки, не хотел напачкать, выронил трубку, поднял, положил на полку у зеркала и забыл про нее. Хорошо, что вы звонок услышали. Патологоанатом меня искал. Ну, попробуйте угадать, что он мне сообщил? Если правильно ответите, с меня мороженка! В вафельном стаканчике.

Я вздохнул. Круглощекому румяному парню стукнуло четверть века? Да быть того не может! Ему семь лет.

– Давайте, попытайтесь, – требовал Бурмакин.

– Жертва на самом деле мужчина, – сказал Борис.

Лицо моего клиента вытянулось.

– Откуда вы знаете? Разговаривали с экспертом?

– Нет, – опешил секретарь, – просто озвучил самый, на мой взгляд, бредовый вариант.

– Убитый не женщина? – уточнил я.

– Нет, – поджал губы Василий, – парень. Лет ему примерно восемнадцать-двадцать. На нем был парик из натуральных белокурых волос.

– Трансвестит? – предположил Борис.

– Возможно, выступал в каком-то шоу, – предположил Василий, – на теле есть следы тонального крема и золотой пудры.

– Этим стриптизеры пользуются, – пробормотал я. – Василий, попросите, чтобы вам прислали фото жертвы. Два вида. В парике и без оного. Пусть ваш компьютерщик снимки обработает так, чтобы бедняга не внушал ужас.

– Отличная идея, – хмыкнул Бурмакин. – Забыли, что ему лицо в кашу превратили?

– Хочу показать изображение Илье Рыбакову и Вениамину Морозову, – пояснил я, – боюсь, дети в истерику впадут.

– Не всякий взрослый без содроганий на изуродованный труп взглянет, – вздохнул Борис.

Я принял решение.

– Поступим так. Боря, езжайте к Бумагиной, узнайте у нее, каким образом ее сумка вместе с пропуском оказалась у паренька. Натурщице девятнадцать лет, жертве предположительно двадцать, возможно, они знакомы.

– Давайте это я сделаю, – вдруг сказал Василий.

– Нам не помешает ваша помощь, – кивнул я, – но вы наняли нас.

Круглые щеки клиента из румяных стали красными.

– До сих пор я только бумаги подшивал, впервые мне дело вести поручили. Сам точно не справлюсь, но надо же учиться. Примите меня стажером!

– Неужели вас ни разу не взяли в поле старшие коллеги? – удивился Борис.

Василий сдвинул брови.

– Объяснял же! Мать велела меня игнорировать, а потом сделать так, чтобы я работу завалил! Я сто раз просился, а мужики отвечали: «Нет времени у тебя соску изо рта вынимать».

– Хорошие, однако, люди, – покачал головой секретарь.

– Мы с Борисом привыкли работать вдвоем, – пробормотал я, – и вы платите агентству.

– Не собираюсь лишать вас денег, охота опыт приобрести, – заканючил Василий, – ей-богу, буду стараться, как Буратино!

– Если я правильно помню детскую книгу, у деревянного мальчика с обучением были немалые проблемы, – сдерживая смех, заметил Борис, – он Мальвину до обморока довел. Иван Павлович, что скажете?

– Хорошо, давайте попробуем поработать втроем, – согласился я. – Василий, вы побеседуете с Бумагиной. Борис пороется в интернете, соберет там информацию о Нине и ее приятелях, изучит соцсети, в них о подростках можно много полезного найти. Сам я отправлюсь к Галине Михайловне и попробую разобраться в истории с деньгами, которые пожилая дама не заплатила матери Ильи.

Глава 10

– Что?! – закричала Галина Михайловна. – Это бред! Придумать похищение, чтобы я отдала деньги Алине? С ума сойти! Как такое могло Нине в голову прийти? Хотя... Я уверена, внучка тут ни при чем. Стопроцентно вдохновитель проекта Илья. Мальчишка несколько раз к нам приходил. Я не против, если к девочке друзья заглядывают, но этот подросток! Он говорил только о деньгах. Я предложила чаю попить, он отказался. Я решила, что он стесняется, сказала: «Попробуй конфеты, чернослив в шоколаде, вместо косточки там орех, очень вкусные». Он в ответ: «Спасибо. Наверное, очень дорогие, я не привык к таким». Нина его в библиотеку повела, слышу разговор. Девочка: «Смотри, папа очень любит комиксы. У него есть первые издания Микки-Мауса. Хочешь взглянуть?» Илья: «Нет. Они небось жутко дорогие, еще испачкаю». Рыбаков безостановочно напоминал Нине: Лапины богатые, а его семья бедная. Прозрачно намекал, что мой сын ничего особенного не сделал, просто Лапину повезло, а его папе нет, хотя тот работает в разы больше Игоря. Поставьте себя на мое место, вам понравится такое поведение?

– Думаю, нет, – честно ответил я, – стараюсь держаться подальше от завистливых людей.

– Я попросила Нину не общаться с Рыбаковым, – продолжала Галина, – объяснила внучке: мальчик ей не друг. Она плечом дернула, промолчала. Но парень у нас более не появлялся. Что же касемо денег... Минуточку.

Хозяйка взяла трубку городского телефона.

– Маргарита Львовна, зайдите в гостиную на первом этаже.

Потом посмотрела на меня.

– Безусловно, пентхаус намного лучше маленькой тесной квартирки, где мы с Игорьком жили во времена его детства. Высокие потолки, большие комнаты, веранда на крыше, собственный лифт. Но докричаться до кого-либо невозможно. Некоторые владельцы домов ставят переговорные устройства, но нам это не понравилось. Когда выбирали способ связи между комнатами, специалист предупредил: нечто вроде интеркома не очень красиво выглядит в интерьере, такие белые коробки. Они только в офисах хороши, а у нас классический дизайн. Слава богу, Игорю не по вкусу современный стиль. Вот мы и остановились на телефонах, которые переключаются на внутреннюю связь...

В комнату, прервав бесцельную беседу, вошла худощавая женщина лет сорока.

– Добрый день. Звали, Галина Михайловна?

Хозяйка кивнула.

– Знакомьтесь, Иван Павлович, Маргарита Львовна, моя правая рука, а еще глаза и уши.

– Плюс розга, – улыбнулась управляющая. – Галина Михайловна слишком добрая, поэтому до моего появления прислуга тут канкан отплясывала. Госпожа Лапина не может никого уволить, она всегда пытается ласково объяснить человеку: «Нехорошо воровать, голубчик. Подумай над своим поведением, исправься». А потом, боясь, что обидела нечистого на руку человека, предлагает ему чаю с пирожными выпить. У меня же беседа с тем, кто грязную лапу в хозяйский кошелек запустил, короткая – пошел вон. Не верю я в исправление карманолюбцев.

– Карманолюбец, – восхитился я, – забытое ныне слово, у Лескова оно часто встречается, и у Мельникова-Печерского. Думал, сей оборот сегодня не в ходу.

– Фамилия Маргариты Львовны Короленко, она родственница великого писателя, – похвасталась Галина, – преподавала русскую литературу.

– Очень и очень дальняя, – уточнила управляющая, – фамилия осталась, а кровь сильно разбавлена. Педагогическую деятельность пришлось оставить из-за нищенской зарплаты.

– И слава богу, – подхватила хозяйка, – теперь у нас в доме порядок. Вся прислуга почти новая, честная. Дорогая, вы помните мастера по маникюру, которая ко мне ходила на дом?

Маргарита вынула из кармана черного шелкового платья телефон.

– Алина Марковна Рыбакова?

– Да, – подтвердила хозяйка, – я вам передала конверт с деньгами для нее.

Управляющая постучала пальцем по экрану.

– Да. Сумма восемьдесят тысяч ровно. Оплату Рыбакова получила.

Галина Михайловна нахмурилась.

– Слышали, Иван Павлович?

– Галина Михайловна очень аккуратна, – добавила Маргарита, – я служу в доме второй год, и ни разу не было задержки с выплатами. Тридцатого числа каждого месяца госпожа Лапина вызывает меня, чтобы служащим деньги выдать.

– Вы раздаете деньги? – уточнил я.

Управляющая кивнула:

– Да. Хозяевам не стоит общаться с горничными и прочими.

– Просто деньги в руки, и все? – не успокаивался я.

– Беру расписку, – объяснила Маргарита.

– И у Алины Рыбаковой тоже? – не утихал я.

– Конечно, – кивнула Короленко, – денежный вопрос требует строгой отчетности. Если Галина Михайловна позволит, я покажу документ.

– Конечно, дорогая, принесите, – разрешила мать Игоря.

Управляющая ушла.

– Гениальная женщина, – начала нахваливать Короленко хозяйка, – до ее появления в доме порядка не было. Я постоянно злилась. Домработницы ничего на место не ставили, один шофер мой хорошо работал, к нему претензий нет... А сейчас! Все идеально! Каждая копейка на учете!

– Вот расчетная книжка Рыбаковой, – сказала Маргарита, возвращаясь.

Я взял небольшую книжечку и открыл ее.

– На первой странице паспортные данные, – пустилась в объяснения Маргарита, – Алина не на окладе, поэтому в ее случае указаны дни визитов.

– Вижу, – кивнул я.

– И вот на последней странице...

– Получено восемьдесят тысяч рублей, – прочитал я, – подпись и печать.

– Штамп мой, – кивнула Маргарита Львовна. – А в чем проблема?

– Алина сказала, что ей не заплатили денег, – разозлилась хозяйка, – наглая врунья!

Управляющая опустила уголки рта.

– Вот поэтому я и завела расчетные книжки. Они в таких случаях свидетельство честности хозяев. Могу идти?

– Конечно, ступайте, – разрешила Галина Михайловна, подождала, пока Короленко скрылась за дверью, и возмутилась:

– Рыбакова дрянь! Решила оболгать меня. Я весьма удивилась, когда маникюрша перестала появляться. Велела Маргарите позвонить ей, управляющая потом объяснила: мастер очень занята, перестала ходить по домам. Ах ты, господи! Нина считает меня жадной особой, которая не заплатила Рыбаковой честно заработанное?

– Да, – кивнул я, – поэтому девочка решила помочь другу Илье Рыбакову. Вот по какой причине она полезла в вашу коробку с запасом на хозрасходы.

– Я запретила внучке с пакостником общаться, – взвилась бабка, – а та

плевать хотела на мои слова.

– Галина Михайловна, – сказал я, – у меня нет детей, но помню себя в подростковом возрасте. Я в принципе был спокойным, управляемым ребенком. Меня не тянуло на подвиги. Но даже у тихого, хорошо воспитанного Вани нет-нет да и просыпалось желание поступить наперекор матери. И у меня были секреты от родителей.

Галина Михайловна схватила со стола трубку и нажала пальцем на экран.

– Ну, сейчас Алина все про своего сыночка услышит! Оболгал меня! Это как понять?

Я взял протянутый мобильный и услышал голос: «Абонент не обслуживается».

– Наверное, Алина поменяла номер.

– Ничего, узнать новый телефон мерзавки легко, – кипела бабушка Нины, – да он у меня через полчаса будет. Да я ей...

– Галина Михайловна, – сказал я, – понимаю ваш справедливый гнев, но он плохой советчик. Возможно, Илья не виноват.

Пожилая дама вскочила.

– Правда? А кто сказал, что его матери денег не дали? Кто Нину против меня настроил? Из-за кого девочка историю с собственным похищением придумала? И как только додумалась! Робин Гуд!

– То, что мать лишилась зарплаты, сообщил Илья, – остановил я впадающую в гнев Лапину. – Фантазия мальчика...

– Фантазия? – заорала хозяйка, не давая мне докончить фразу. – Наглое, мерзкое, бессовестное вранье! Сейчас, сейчас...

Галина Михайловна снова схватила свой телефон, который я успел положить на стол.

Я быстро отобрал у нее трубку.

– Что вы собрались делать?

– Соединиться с отцом поганца! – закричала хозяйка.

– Давайте черновой работой займется нанятый вами детектив, – попросил я, – не следует вам самой общаться с Рыбаковыми. Только нервы трепать. Я все выясню и доложу. Главное сейчас понять, куда делась Нина. Можете составить список ее друзей?

Галина Михайловна выдохнула и села.

– Нина занята, ей не до гулянок. Несколько раз к нам Илья приходил. И еще на день рождения она ребят из класса приглашает. Но праздник всегда в ресторане устраивается. Игорек не любит домашних сборищ, поэтому я с детьми близко не знакомилась. Внешне все аккуратные, хорошо

одеты, нормально разговаривают, вежливые, воспитанные.

– Среди ее друзей нет юноши лет двадцати? – осторожно спросил я. – Возможно, он танцор или натурщик?

– Упаси господь! Конечно, нет, – отрезала Галина Михайловна, – девочке всего пятнадцать. Зачем ей взрослый парень?

– Ну... – протянул я, – всякое случается.

– Боже! – ахнула бабушка. – Конечно, нет! Нина о сексе не думает. Она маленькая. Играет в куклы. Увлекается плюшевыми игрушками, собирает пазлы. Девочка постоянно на виду. Утром в гимназию, потом или в художественную школу, или к репетитору по английскому, или еще куда на допзанятия. У нее только вечер среды свободен. Выходные Нина чаще всего проводит у отца в офисе, Игорь дочь к бизнесу приставил, она в багетной мастерской трудится.

Я встал.

– Можно посмотреть комнату Нины?

Глава 11

Открывая дверь спальни Нины, я ожидал увидеть большую комнату с розовой кроватью под балдахином, горы плюшевых игрушек, полки с книгами, массу всякой ерунды, которую обожают девочки. Но меня ожидало немалое удивление. Я оказался в небольшой прямоугольной комнате, более похожей на келью, чем на спальню подростка из богатой семьи.

У стены вытянулась узкая кровать под клетчатым пледом, около нее обнаружился небольшой столик с ночником, рядом с лампой лежала книга. Я взял ее. «Хрестоматия по русской литературе». Напротив окна находился дешевый двухтумбовый письменный стол, к нему прилагался крутящийся стул. Я несколько раз повернул его. Он не из дорогих, продается в большом сетевом магазине. В стене, которая прилегала к окошку, белели две узкие двери. Я распахнул одну. Санузел. Вместо ванны тут была потолочная лейка и стеклянные дверцы. В крохотное пространство еще с трудом ухитрились воткнуть унитаз и мини-раковину. Над последней висела полочка и круглое зеркало.

Я не часто заглядываю в ванные девочек-подростков, но во всех, которые я видел, на любом свободном месте тянулись шеренги шампуней, гелей для мытья тела, всякие баночки-скляночки-флаконы-пульверизаторы. И лежало много косметики. Юные леди обожают скупать ненужные им пока пудры, румяна, тональные кремы, тушь. Почему-то большинство женщин считает, что, разрисовав лицо на манер африканского воина, который решил загрызть насмерть всех соседей, они станут невероятно привлекательны для мужчин. Лично мне больше по нраву спокойный естественный макияж.

Вторая дверь вела в утопленный в стене шкаф. Я подвигал вешалки. Уже говорил, что редко посещаю дома, где живут пятнадцатилетние модницы, и уж точно не роюсь у них в гардеробной. Но, даже на мой взгляд, пара простых платьев, несколько футболок, джинсы и одни балетки не очень большой выбор нарядов. Я мог бы заподозрить отца и бабушку Нины в скаредности, однако интерьер пентхауса, армия прислуги, посуда, из которой я пил чай, – все говорит о том, что хозяева тратят деньги на себя любимых. Они не любят вычурность, не стелют скатерть со стразами, предпочитают веками проверенную классику. Но мебель из массива дуба в гостиной явно сделана на заказ, сахар лежал в серебряной «лодочке»,

чашки просвечивали, настолько тонок оказался фарфор, мне предложили фужер очень дорогого коньяка... А у Нины в комнате дешевая мебель, один кусок мыла и несколько тряпочек? Идя в гостиную, я миновал огромную библиотеку, все стены которой занимают шкафы, забитые книгами. Я не удержался, притормозил и увидел старые, потрепанные, еще советские собрания сочинений. Среди них были хорошо знакомые мне по детским годам многотомники Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, Александра Дюма и других. Нина могла взять любой роман, а она читает на ночь хрестоматию? Да я в ее возрасте кривился при виде этого учебника. Зачем он мне, когда в квартире находились куда более интересные книги. Например, «Яма» Куприна, «Декамерон» Боккаччо. Оно понятно, что сегодня подросток найдет в интернете что угодно...

Я замер. Минуточку. Где компьютер? На столе его нет. На тумбочке у кровати тоже.

Я сел на вертящийся стул. Галина Михайловна объяснила, что Нину похитили, когда она ушла утром в гимназию. Классная руководительница позвонила после второго урока и поинтересовалась, не заболела ли ученица. Ноутбук может находиться в портфеле Нины или он все же в комнате?

Я открыл левую часть тумбы стола. Ну и ну! Просто личное пространство солдата в казарме или заключенного. В бараке идеальный порядок. В одном ящике карандаши, фломастеры, в другом – бумага, краски, в третьем – трафареты букв. За правой створкой были две пустые полки. Отсек посередине стола Нина отвела под свои рисунки. Я открыл одну папку и был шокирован. До сих пор я наивно полагал, что девочки, даже войдя в суровый подростковый возраст и начиная конфликтовать с окружающим миром, любят изображения умильных котят, единорогов, принцесс... И в скоросшивателях на самом деле были черно-белые, сделанные тушью композиции с упомянутыми мною персонажами. Но кошек расчленили на части, у милых сказочных животных художница отсекала конечности, головы, а тела девушек с коронами на головах разметало в разные стороны взрывами. Бомбы живописица изобразила с особым тщанием. Найди я подобное «творчество» у своего отпрыска, в тот же день потащил бы его к психиатру. Хотя социопатия не лечится. Впрочем, мне не стоит ставить Нине заочный диагноз, я не дипломированный врач, прав на наклеивание ярлыков не имею. Но почему Галина Михайловна не забеспокоилась, рассматривая рисунки внучки? Пожилая дама не хотела кое-что рассказать частному детективу? Она не видела «творчества» девочки?

Я еще раз окинул взором комнату. Те, кто лечился в психиатрических клиниках, приучены поддерживать идеальный порядок во всем и обходиться минимумом вещей. И если учесть отвратительные рисунки... Я начал укладывать листы в папку, уронил один, он упал на пол обратной стороной вверх, там была надпись. «Стенотношение». Это слово было написано от руки, и я его не понял. «Стенотношение». Возможно, это сленг подростков, в котором я не мастак. Я начал изучать другие работы, но более никаких надписей не увидел.

– Что-то вас заинтересовало? – спросила Галина Михайловна, входя в детскую.

Я заставил себя улыбнуться.

– Думал, у Нины полно игрушек.

– Она их выбросила, – махнула рукой Галина, – чего только у девочки не было. Игорек даже сказал: «Надо перестать покупать ей кукол, мебель и все остальное, в спальне свободного места нет».

– Она не велика, – заметил я.

– Раньше Нина занимала самую большую комнату в квартире, – вздохнула бабушка, – метров пятьдесят-шестьдесят там. А потом взбрыкнула и перебралась сюда. Здесь ранее было помещение для прислуги, которая вынуждена оставаться ночевать. Нужно Игорю в пять утра уехать? Шофер домой не отправляется, тут спать ляжет.

– Взбрыкнула? – повторил я.

– Это вам неинтересно, – попыталась увильнуть от ответа хозяйка.

Я решил выложить карты на стол.

– В морге находится тело незнакомого юноши, его обнаружили в избе, где мы предполагали найти Нину.

Галина Михайловна закрыла рот рукой.

– Ой! Кто он?

– Пока не выяснили, – повторил я.

– Если у вас есть фотография, я могу сказать, видела ли когда-нибудь несчастного, – предложила хозяйка.

– Снимка нет, – соврал я.

– Он точно есть, – возразила Галина, – просто вы не хотите мне его показать. Все так плохо?

Я вынул телефон.

– Боже! – выкрикнула пожилая дама. – Что с беднягой сделали! Вы его имели в виду, когда спрашивали, есть ли у Нины двадцатилетний приятель?

Я кивнул и спрятал трубку.

– Кошмар, – простонала госпожа Лапина, опускаясь на кровать. – Что

Нина придумала? Умоляю, не говорите никому ни слова об ее исчезновении! Найдите глупую девчонку. О!

Галина замерла, схватилась за щеки.

– О чем вы подумали? – быстро спросил я.

Хозяйка вздрогнула.

– Ну... так...

– Ваша внучка лечилась в психиатрической клинике? – прямо спросил я.

– Конечно, нет! – воскликнула Галина Михайловна. – Она врунья, но совершенно нормальная. Все проблемы Нины обычны для подростков, ничего выходящего за рамки.

– Что вы имели в виду, говоря «когда она взбрыкнула»? – наседал я на женщину.

Галина издала стон.

– Игорь в возрасте тринадцати-четырнадцати лет вел себя прекрасно. Можете не верить, но мальчик отлично учился, занимался спортом.

Я молча слушал, как мать уже не первый раз нахваливает сына, в конце концов Галина Михайловна перешла к содержательной части сообщения.

Как-то раз Игорь заявил матери, что надо поменьше покупать девочке игрушек. Бабушка не успела отреагировать, в комнату вошла Нина и каменным голосом заявила:

– Отец, ты прав. Куклы и прочая лабуда мне более не нужны.

Игорь не смутился и решил высказать свое мнение дочери прямо в лицо.

– Зачем тебе тьма Барби?

– Верно, – кивнула Нина.

– Гора мебели для них?

– Правильно.

Игоря стала раздражать покорность дочери.

– Миллион коробок с косметикой!

– Согласна.

– И армия платьев, многие из которых ты ни разу не надевала.

– Не надо иметь лишнюю одежду.

И тут Игоря понесло:

– Мало у кого из девочек такое количество туфель.

– Согласна.

– У тебя самая большая комната в доме. Но это не означает, что ее нужно забивать барахлом до потолка.

– Ясно.

– Немедленно наведи порядок!

– Прямо сейчас начну. Можно идти?

– Ступай! – заорал отец. – Исчезни с глаз моих, хамка!

Девочка спокойно пошла к двери.

– Вырастили на свою голову нахалку, – бушевал Игорь, – устроила скандал!

Нина обернулась.

– Отец! Я не сказала ни одного плохого слова. Согласилась полностью с твоим мнением. Прошу прощения, если мое поведение тебя разволновало. Не хотела причинить беспокойство.

Потом она удалилась походкой императрицы, а Игорь с такой силой стукнул кулаком по журнальному столику, что сломал его.

Разговор происходил в девять вечера, у Галины Михайловны началась мигрень, она легла спать. Утром Нина, как всегда, ушла в школу. Через час после того, как девочка отправилась на занятия, к хозяйке обратилась Маргарита Львовна.

– Галина Михайловна, вас не затруднит зайти в детскую?

Бабушка поспешила на территорию внучки, вошла в спальню и приросла ногами к полу.

Глава 12

Огромное помещение оказалось пустым. Исчезли игрушки, книги, занавески, косметика, постельное белье, пледы, подушки, одежда, обувь, прикроватный коврик – все, кроме люстр и мебели.

– Что это? – спросила Галина Михайловна.

Маргарита Львовна тихо кашлянула.

– На видео охраны записано, как Нина ночью безостановочно ходит к мусорным контейнерам во дворе. Девочка до утра таскала туда туго набитые мешки для отходов.

– Секьюрити разрешили ей это? – пришла в негодование хозяйка. – Ребенок тащит вещи из дома, а стража смотрит сквозь пальцы на это безобразие?

Маргарита Львовна опустила голос до шепота.

– Секьюрити не имеют права делать замечание жильцам, тем более кому-либо из членов семьи Лапиных, которые занимают пентхаус. Когда Нина в очередной раз волокла мимо парня в форме мешок, тот спросил:

– Вам помочь?

– Спасибо, ноша легкая, – вежливо сказала девочка, – я разбираю свою комнату, избавляюсь от ненужных вещей.

– Она спала на голом матрасе? – растерялась бабушка.

– Нина ночевала не здесь, – объяснила управляющая.

Галина Михайловна схватилась за сердце.

– А где?

Маргарита отвела хозяйку в гостевую спальню прислуги на первом этаже, расположенную в отдельном тупиковом коридоре.

– Тут. Постелила себе белье, которым давно не пользуются. Утром сказала мне: «Теперь я живу в комнате для водителей, с прежней детской делайте что хотите».

Когда девочка вернулась домой, бабушка налетела на нее с вопросами. Внучка спокойно, подчеркнуто вежливо сказала:

– Я выполнила требование отца. Игрушек, лишней одежды и всего другого нет. Самая большая комната в квартире младшему члену семьи не нужна. Я ее не заслужила пока.

Вечером опять случился скандал. С работы приехал Игорь и начал орать на дочь...

Галина Михайловна потеряла виски.

– Скажу откровенно. Мне хотелось схватить Нину за волосы и стукнуть ее лбом о стену.

– Почему? – удивился я. – Девочка не хамила. Вещи выкинула, потому что обиделась на отца. Подростковый демарш. Полагаю, Нина не впервые со старшими ругалась.

– Ключевое слово «ругалась», – рассердилась Галина, – вы правы. Как только внучке исполнилось двенадцать, она стала невыносима. Нагрубит мне, через пять минут бежит: «Бабулечка, прости, люблю тебя». Отец замечание сделает, она огрызнется, получит от Игоря выговор, зарыдает, крикнет: «Ненавижу всех», улетит в ванную. И, глядь, опять в гостиной. «Папочка, ты самый лучший». Сын кипел, я ему объясняла:

– Обычное поведение подростка. Гормоны бушуют.

Он мне:

– Я так себя не вел.

Галина Михайловна вздохнула.

– Шумный скандал никого бы из колеи не выбил. Но в тот раз иначе было. Нина разговаривала спокойным, ровным тоном, полностью держала себя в руках. Улыбалась. Не хамила в ответ на вопли отца. Это невероятно бесило. И меня, и сына. Поведение внучки выглядело издевательством. После того дня она начала вести себя с нами, ну... слов не подобрать. Как будто кающаяся грешница. Смиренная. Глаза в пол. На губах заискивающая улыбочка, и ведь переменялась в одно мгновение. Почему Игорь тогда сказал про слишком большое количество игрушек? Нина у меня в тот день выпрашивала швейную машинку, я ей возразила: «Хватит, более не собираюсь зря деньги выкидывать. Побалуешься день и забудешь про шитье. Всегда бросаешь дело на полпути. Начала складывать пазл – недоделала, решила картинку вышить – кинула через полчаса пальцы. Не клянчи машинку. Нет!» Она разрыдалась, обозвала меня жадиной, убежала... По привычному сценарию действие разыгрывалось. И вдруг! Через полчаса в комнате появляется другой человек. Пойдемте лучше в гостиную.

Я последовал за хозяйкой, услышал трель мобильного и вынул телефон.

– Иван Павлович, нет мне прощения, – воскликнул Борис.

– Что случилось? – тихо спросил я.

– Новая электробритва, которую вы на днях купили! Я разбил ее!

Я испытал облегчение.

– Ерунда.

– Нет, – чуть не зарыдал секретарь. – Не понимаю, как это получилось.

Домработница сегодня не пришла, у нее ребенок заболел, я отправился сам порядок наводить и... уронил прибор. В моей практике это первый случай. Никогда за все годы работы батлером я ни разу не портил ваших вещей.

Галина Михайловна вошла в гостиную, я остался в коридоре.

– Перестаньте. Бритвенная принадлежность была крайне неудобной, я хотел ее выкинуть, но жадничал. Вы совершили благое дело, избавили меня от плохой вещи.

– Понимаю, что вы меня утешаете, – вздохнул Борис, – но на душе легче стало.

– Вот и ладно, – завершил я разговор и двинулся следом за хозяйкой.

– Иван Павлович! – завела Лапина. – Я не хочу, чтобы сын узнал, какой спектакль устроила Нина. Знаете, что я думаю по поводу этой истории? Девочка оказалась под дурным влиянием Ильи Рыбакова. Подозреваю, что она влюбилась в парня. Как я ни стараюсь, но кровь шалавы-матери бурлит в венах девочки. Генетику пальцем не сотрешь. Девочка пала жертвой первого острого чувства, а отвратительный мальчишка воспользовался этим. Ему понадобились деньги. Наверное, на наркотики или водку. Вот мерзавец и наврал, что его матери не заплатили. Нина не меня хотела ограбить, она думала, что помогает Рыбакову, считала меня кем-то вроде Салтычихи. Подонки уже сообщили Нине: афера с похищением раскрылась, денег не дадут, что-то ей еще солгал, девочка спряталась, потому что боится домой идти, наказания опасается. Я уверена: Илья ее научил издевательски вежливо с бабушкой и отцом беседовать. Ступайте к Рыбаковым, заставьте гаденыша сказать правду. Нина должна побыстрее вернуться домой. Хочу по душам поговорить с внучкой, наладить с ней отношения. Категорически не желаю, чтобы сын правду узнал. Тогда он точно Нину в школу для детей-преступников запишет, дочь отца почти до инфаркта своим поведением в последнее время довела.

– В ваших словах есть рациональное зерно, – согласился я, – юноша мог ввести в заблуждение Нину. Но Алина Марковна брала в банке кредит, равный восьмидесяти тысячам. Похоже, она не получила зарплату.

Галина Михайловна рассмеялась.

– Если бы мне не рассказали, как господин Подушкин ловко дела расследует, могла бы сейчас от ваших услуг отказаться. Вы эту особу видели?

– Не довелось, – ответил я.

Галина Михайловна закатила глаза.

– Мини-юбка, кофта в обтяг с вырезом до пупка, хитрый взгляд. Такую вечером у ресторана встретишь, и ни малейших сомнений по поводу ее

профессии не возникнет. Фея дороги. Но буду объективна, баба прекрасный мастер. Первый раз она сюда заявила в полупрозрачном платье с вызывающим декольте. Я ей вежливо сказала:

– Алина! В доме много прислуги, среди них молодые мужчины. При виде вас у них могут зародиться некие желания. Дом Лапиных не бордель. Если хотите регулярно меня обслуживать, вам следует принять приличествующий мастеру вид.

И велела ей халат принести. После прямого замечания красotka, заявляясь сюда, набрасывала болеро, кофту. Такая развратная дамочка могла и соврать. Короче. Не важно, кто кого обманул: Алина мужа и сына, или Илья решил пожить за чужой счет. Режиссер спектакля «Маме не заплатили деньги» точно член семьи Рыбаковых. И он в курсе, куда Нина подевалась.

Глава 13

Завершив беседу с Галиной Михайловной, я спустился в паркинг, сел в машину, выехал на шоссе, мигом угодил в пробку и приуныл. Может, оставить автомобиль на стоянке возле супермаркета, который раскинулся по левую руку, и пробежаться пешком до дома Рыбаковых? Путь недалек.

Внезапно сзади послышалось тихое «апчхи». Я резко обернулся.

– Кто здесь?

Раздался шорох, над сиденьем показалась голова с длинными растрепанными кудрями.

– Только не кричите, пожалуйста, – взмолилась незнакомка.

– И не собираюсь, – ответил я. – Что вы делаете в моем автомобиле? Как попали внутрь?

– Меня зовут Елена, – защебетала девушка, – Федина. Дверь была не заперта...

– Неправда, – резко перебил я, – лучше не врать. Что вам угодно?

– Ой, вы куда поехали? – испугалась девица.

– На парковку, – уточнил я.

– Не надо!

– Почему?

– Вдруг нас Маргарита увидит, – захныкала Елена, – мне не жить тогда! Она меня убьет!

Я направил свой седан в самый дальний угол площадки и притормозил.

– Вы говорите об управляющей Лапиных?

– Да, да, да, – закивала девушка, – сучонка страшная. Могу все-все про нее рассказать. Врет! Постоянно!

– Стоп, – скомандовал я, – отвечаете на мои вопросы. Как попали в мою машину? Лгать о незакрытой двери не стоит.

– Я открыла автомобиль, – призналась Елена, – с детства умею любую тачку взламывать. Папа научил.

– Ваш отец профессиональный угонщик? – уточнил я.

– Нет, – возмутилась Федина, – сотрудник ГИБДД. Матвеем Михайловичем иногда приходится вскрывать чужие «колеса». Он объяснил приемчики мне.

– Хорошо, когда отец ум в голову ребенка вкладывает, – съязвил я. – Зачем я вам понадобился?

– Когда вы разговаривали с Маргаритой, я террасу пентхауса подметала, – зашептала Елена, – окно открытым было. Слышала вашу беседу.

Я молча внимал девушке, похоже, она многогранно талантлива. Сумела взломать автомобиль, снабженный хорошей сигнализацией, а еще у востроносенькой нимфы длинные уши.

– Пообещайте рассказать правду Галине Михайловне, – потребовала Елена, – пусть хозяйка Маргариту выпрет. Все вам спасибо скажут. Брешет она. Не отдавала денег Алине. Забрала конверт себе.

– Маргарита Львовна присвоила зарплату мастера по маникюру? – уточнил я.

– Да! – с жаром подтвердила Елена.

– Обвинение в воровстве серьезная вещь, – продолжал я, – у вашей начальницы есть расчетная книжка с подписью Алины. Если последняя не держала в руках восемьдесят тысяч, значит, автограф поддельный. Странно, что воровка спокойно демонстрирует фальшивый росчерк. Еще большее недоумение вызывает поведение маникюрши. У нее отняли зарплату, а она молча уходит. Следовало прямым путем идти к Галине Михайловне.

– Все подходы к старухе закрыты баррикадами Маргариты, – пригорюнилась Елена, – она так устроила, что мать господина Лапина только с управляющей разговаривает, распоряжения через нее передает. А мы все заразе деньги платим. Алина отказалась делиться, Марго ее наказала и...

– Остановитесь, – попросил я, – давайте выпьем чаю, вы расскажете спокойно, что происходит.

– Только не в кафе при супермаркете, – затряслась Федина, – вдруг Марго припрется туда. Столики стоят на первом этаже в центре холла, кто мимо идет, всех посетителей видит. Поверните налево, по улице вперед и направо. Там кафе «Дом цыпленка», Короленко туда никогда не заглянет, она в плебейские заведения не суется.

Я молча поехал в указанном направлении и, войдя в кафе, оказался приятно удивлен. В небольшом зале было уютно и не пахло ничем дурным.

– Тут очень вкусные куриные кексы, – облизнулась моя спутница, – из белого мяса.

Я поманил официантку, сделал заказ и велел Елене:

– Рассказывайте.

– Дайте честное слово, что выполните нашу просьбу, – потребовала девушка.

– Если она будет разумной, то подумаю, каким образом вам помочь, – увернулся я.

Елена набрала полную грудь воздуха и затараторила без остановки. Нет ни малейшего смысла цитировать ее речь полностью, выделю суть.

Маргарита Львовна пришла на смену Ирине Михайловне, милой, доброй женщине, которая не гнушалась пить с прислугой чай на кухне и всегда шла навстречу подчиненным, давала лишний выходной, не проверяла чеки на покупки. Сотрудники были честными людьми, но, увы, в любой семье не без уroda. Галина Михайловна наняла новую повариху, а заодно взяла на работу водителем ее мужа. Ольга и Семен казались приличными людьми, ни в чем дурном их никто не подозревал. Но потом в пентхаусе появилась Маргарита Львовна, а Ирину Михайловну уволили. И началось! Новая управляющая живо уличила Ольгу и Сеню в махинациях с деньгами, оказалось, что они вытаскивали из мусора у касс чеки на большие суммы, а на самом деле мужик брал продукты на рынке в палатке, где торговали просроченным товаром. Не успела Галина Михайловна выставить вон ворюг, как Маргарита опустила карающий меч на голову горничной Кати, которую поймали у лифта с сумкой, где лежали бумажные полотенца, туалетная бумага и средства для мытья полов, раковины...

Не прошло и трех месяцев, как весь состав прислуги полностью обновился. Из «старичков» остались лишь Елена, которая убирала нежилые помещения, в личные комнаты хозяев ее не допускали. И шофер Алексей, но он служит в доме с незапамятных времен, считается кем-то вроде родственника Лапиных.

Елена знает, как трудно устроиться в приличный дом, где зарплату аккуратно выдают по тридцатым числам, кормят обедом и нет мужиков, которые пристают к горничным. За такое место надо держаться зубами, ногтями, угождать хозяевам. Лена старалась изо всех сил, лишний раз не попадалась на глаза Марго, но гром все равно грянул.

Маргарита Львовна вызвала Елену в свой кабинет и сурово сказала:

- Ты разбила зеркало в ванной для сотрудников.
 - Нет, – испугалась Федина.
 - Не спорь, – зашипела злобная баба, – все записано у охраны.
 - Ей-богу, это не я, – заплакала Лена, – когда я уходила, зеркало целым было. Честное слово, поверьте.
 - Ты уволена, – процедила Марго.
 - Ой, не надо, – зарыдала Федина.
- Девушка надеялась разжалобить начальницу, и ей это удалось.
- Ладно, – смиростивилась управляющая, – останешься в доме. Но

придется заплатить за урон.

– Хорошо, – обрадовалась Лена, – из зарплаты вычтите, пожалуйста.

Лена знала, что ничего не испортила, но спорить с Маргаритой в этом случае себе дороже.

Начальница ухмыльнулась.

– Из оклада? Ты в курсе, сколько зеркало стоит?

– Тысяч пять? – назвала, на ее взгляд, запредельную для маленького зеркала сумму Лена.

Маргарита расхохоталась.

– Полтора миллиона. В доме Лапиных барахла не держат.

Лена едва устояла на ногах.

– Сколько?

– Буду изымать у тебя из каждой зарплаты двадцать тысяч, – деловито объяснила баба.

– Я получаю сорок, – проямлила Лена, – тогда уж лучше увольняйте.

– Как хочешь, – буркнула Короленко, – приноси миллион пятьсот тысяч рублей, и попросаемся. Если убежишь, как от Антоновых, где разбила коллекционный фарфор, сразу поймем. В отличие от Надежды Сергеевны, которая у Антоновых за хозяйством бдит, мне жалко не криворукую прислугу, а владельцев имущества.

– Откуда вы знаете? – оторопела Елена. – Я не нарочно сервиз кокнула. Нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно, – отрезала управляющая, – ступай прочь. Завтра жду деньги.

Елена осталась на работе, и теперь Маргарита отламывает у полумойки ползарплаты. Федина абсолютно уверена, что остальные служащие поставлены в те же условия. Елена несколько раз видела, как другие горничные еле сдерживали слезы, выходя в день зарплаты из кабинета гримзы. Потом Лена случайно стала свидетельницей беседы Марго и Алины Рыбаковой. Елене велели помыть кабинет начальницы, сделать уборку следовало, пока управляющая куда-то уехала. А Лена обедала, она подумала, что Марго не узнает, когда в ее рабочей комнате елозили шваброй по полу, спокойно доела суп-котлеты, выпила чай, поболтала с коллегами. Кошка из дома, мыши пляшут. Едва Марго отлучалась из пентхауса, подчиненные расслаблялись и вели себя как им заблагорассудится. В конце концов Лена отправилась в кабинет Короленко, начала протирать подоконник и услышала голос начальницы:

– Алина, входи!

Елена перепугалась до полусмерти. Стояло послеобеденное время,

солнце изо всей силы било с неба. Марго ненавидит яркий свет, за что заработала от подчиненных кличку Дракула. Начальница с наступлением теплого времени года всегда держит занавески в своей комнате закрытыми. Федина затаилась за тяжелыми драпировками, она боялась шелохнуться и стала невидимой свидетельницей разговора, который никак не предназначался для чужих ушей.

– Распишись за конверт, – велела Маргарита.

– Хорошо.

– Держи зарплату.

– Спасибо.

Послышался тихий шелест.

– Здесь всего сорок тысяч.

– И что?

– Мне положено восемьдесят.

– Вычет сделан.

– По какой причине?

– Разбита антикварная фарфоровая миска, в которой хозяйка руки парила.

– Вранье. Я все с собой приношу. Отдавай все деньги.

– Вручаю то, что госпожа Лапина велела. Эй, что ты делаешь?

– Хочу позвонить Галине Михайловне. Чего посерела? Думала, у меня ее мобильного нет? Ошиблась! Сейчас спрошу, сколько она мне денег в конверт положила.

– Поинтересуйся. Кстати! Твой Олег знает про квартиру на Осипова, где его баба с мужиками встречается?

– ...!

– Ну? Чего не набираешь номерок хозяйки? Давай! А я твоему мужику расскажу, чем его жена с некоторыми клиентами занимается. Что за педикюр с маникюром она в переулке Осипова в доме десять, квартире один, делает. Так как, забираешь сороковку, и мы в расчете?

– Да пошла ты! ...! Подавись! ...!

Послышался звук шагов и хлопок двери.

– Какие мы гордые, – пропела Маргарита, – не захотела денежки взять? И не надо.

Раздалось бодрое треньканье.

– Алло! Бегу, Галина Михайловна, – скороговоркой выпалила управляющая.

По паркету снова застучали каблуки, и наступила тишина.

Елена легла грудью на стол и зашептала:

– Маргарита Львовна шантажистка. Она узнает все чужие грешки и потом отнимает у служащих их кровные.

– Судя по процитированному вами диалогу, Алина Рыбакова вольно ведет себя с клиентами мужского пола. Это порочащие ее сведения. Но вы-то просто разбили у прежних хозяев посуду. Неприятно, но не преступно. Отчего испугались и стали платить управляющей? – не понял я.

– Ну... э... э... – забубнила Федина, – сервиз погиб при таких... обстоятельствах... Я вам никогда всю правду не расскажу. Мне стыдно за свое поведение, сейчас так никогда не поступлю. Но когда сервиз разбила, мне только восемнадцать исполнилось. Откуда ум?

– Вам следовало уволиться, и конец неприятностям, – посоветовал я.

– Ага, – протянула Елена, – как же! Выпустит кошка из когтей мышку. Когда Марго внаглую про полтора миллиона наврала, я заявила: «Ухожу от вас». Марго гаденько засмеялась: «Скатертью дорога. Думаю, твой отец обрадуется, узнав, по какой причине его дочь Антоновы выперли. Твоего папу вроде инсульт в прошлом году долбанул? Или я ошибаюсь?» Понимаете?

Я кивнул.

– Что вы от меня хотите?

– Расскажите Галине Михайловне правду про Маргариту, – заныла Елена, – никому из служащих к ней не подходить. А вам ничего не стоит старухе позвонить. Или дайте мне ее мобильный телефон. Все хотят от шантажистки избавиться.

– И шофер Алексей тоже? – спросил я.

– Он всегда молчит, – надулась Елена. – На медведя похож. К нему прямо подойти страшно.

– Вы хорошо знаете членов семьи? – поинтересовался я.

– Никогда не встречаюсь с ними, – грустно заметила Елена.

– Кто, кроме Маргариты Львовны, имеет доступ к хозяевам? – продолжал я.

– Так, чтобы поговорить с ними? – уточнила девушка. – Типа пообщаться по-человечески? Марго всех отодвинула. Комнаты убирают, когда владельцы отсутствуют. А все остальное: еду подать, чай принести, Маргарита делает. Господа с нами напрямую не беседуют, они управляющей задание дадут, а та его прислуге передает. Только водитель лично с Галиной Михайловной общается. Но он на нас, простых людей, не смотрит, через раз здоровается, сквозь дорогие коронки цедит: «Привет».

Глава 14

– Вкусно пахнет, – отметил я, входя в столовую. – Борис, на ужин что-то монументальное?

– Сам теряюсь в догадках, – крикнул из коридора секретарь. – Василий кухарничает и секретничает.

– Хочу, чтобы вы догадались, из чего основное блюдо и десерт приготовлены, – заявил Бурмакин, появляясь в зоне видимости. – Предлагаю пари: если правильно назовете все ингредиенты, получите приз. Замечательную вещь!

– Пойду помою руки, – сказал я, зашел в свою спальню и позвонил Борису со словами: – Зайдите ко мне побыстрей.

Через пару секунд секретарь вошел в комнату.

– Уже тут.

– Почему здесь Василий? – спросил я.

– Он пришел поделиться информацией, которую раздобыл, но услышал, что я собрался готовить ужин, и отодвинул меня от плиты, – смущенно объяснил помощник. – Кулинария – хобби Бурмакина.

– Ясно, – вздохнул я, – надеюсь, у следователя не войдет в привычку кашеварить каждый день в моем доме.

– Простите, Иван Павлович, – расстроился Борис, – знаю, вы устаете от людей, хотите вечером посидеть в одиночестве.

– Все в порядке, – остановил я секретаря, – вы же не могли прогнать прочь человека, с которым мы временно одна команда. Но я на самом деле устал, поэтому просьба. Давайте проведем небольшое совещание, потом я быстро попробую ужин, похвалю его и уйду к себе. А вы займетесь Василием и Генри, когда тот вернется.

– Конечно, – кивнул Борис, – еще раз прошу прощения за то, что допустил Василия к сковородкам.

Я встал из кресла.

– Надеюсь, он соорудит нечто мало-мальски съедобное. Совершенно не хочется мяса. И рыбы тоже. На улице очень душно. Дожди идут постоянно, а жарко.

– Август, – вздохнул Борис, – краем глаза видел, что Василий сотворил нечто и поставил это не на плиту, а поместил в холодильник.

– Хорошая информация, – обрадовался я, – значит, не придется жевать жирную свинину с картофелем.

– Через пятнадцать минут прошу к столу, – закричал Бурмакин.

Я быстрым шагом направился в свою ванную и увидел там на раковинке розовую коробку с надписью: «Самонаправляемая беспроводная электробритва». Борис таки купил новый электроприбор вместо разбитого.

Если у меня нет никаких планов на вечер, то, как правило, я бреюсь по утрам. Но сейчас любопытство одержало верх над привычкой. Я взял упаковку, она оказалась открытой, вынул из коробки розовую сумочку из плюша, вытащил из нее нечто круглое на ножках и поставил на раковину. Предмет напоминал паука размером со спичечный коробок.

Я обзрел приспособление. Почему секретарю пришла в голову идея купить бритву цвета поросенка, больного краснухой? Ну, возможно, в магазине остались лишь такие приборы. Где инструкция? Небольшая книжечка нашлась в кармане чехла, я начал изучать текст. Конечно же производители на все лады расхвалили свой товар, приврали, что им пользуется несколько миллионов человек. Пользоваться агрегатом оказалось предельно просто. Из руководства следовало, что «паучка» необходимо поставить на щеку или другую часть лица, нажать на кнопку, которая была сверху, и дальше бритва все сама сделает.

Я повертел диковину в руках и решил ее испробовать. В душе зрело сомнение. Коим образом агрегат удержится на моем лице? Понятно, что слово «самопередвигаемая», которое большими буквами напечатано на коробке, всего лишь маркетинговый ход. Естественно, розовую штуковину должен направлять владелец.

Я поднес «паука» к левой щеке, прислонил его к коже, нажал на кнопку. Лапки слегка завибрировали, прицепились к моему лицу, и розовая хрень поползла вперед. Я изумился. Ну и ну! Она на самом деле «ходит» самостоятельно! Оригинальная новинка, забавная. Однако, далеко зашел прогресс!

Пока я дивился на аппарат, тот медленно дополз до моего уха, замер, зажужжал и произнес «бархатыным» мужским голосом:

– Включена программа полного обезволосяния, время действия не установлено.

Так она еще и разговаривает! Наверное, следовало тщательно изучить всю инструкцию, а не останавливаться на первой странице.

– Включен режим А, – с придыханием пропел «паук».

Что-то дернуло меня за кожу, раз, другой, третий... Ощущения оказались не из приятных. «Паучок» шагнул чуть-чуть вперед и снова стал щипаться. Через пару секунд я сообразил: сей агрегат не срезает щетину, он

ее выдергивает. Не скажу, что у меня не было сил терпеть боль, которую причинял механизм, по недоразумению названный бритвой. Я испытывал дискомфорт и решил прекратить эксперимент, нажал на кнопку.

– Включен режим Б, – томно объяснил бас.

Я взвизгнул. На этот раз электроприбор, похоже, стукнул меня током. Я попытался снять розовое безобразие, но маленькие ножки крепко впились в скулу и не собирались ее отпускать. Я догадался, что бритву надо отключить, тогда она свалится со своей жертвы. Но как осуществить задуманное? Любой электроприбор мигом перестанет работать, если выдернуть шнур из розетки. Но Борис купил беспроводное устройство.

Бритва вгрызлась в меня с удвоенной силой. Я открыл дверь в ванную и крикнул:

– Борис!

– Уже тут, – ответил секретарь, показываясь в другом конце коридора. – Что случилось? Принести еще полотенце?

– Зайдите, закройте дверь, – попросил я. – Ой!

– Что случилось? – повторил помощник.

– Ох, – выдохнул я.

– Вам нехорошо? – спросил Борис.

– Ай, просто неприятно, – объяснил я, – весьма ощутимо дергает. Ух. Кому могло прийти в голову придумать столь странное орудие?

– Что у вас на лице? – удивился секретарь, подходя ко мне вплотную.

– Ужин через семь минут, – завопил Василий, – не опаздывайте. А то невкусно будет.

– Остановите эту пакость, – не выдержал я.

– Что? – уточнил Борис.

– Бритву, – пояснил я.

– Какую? – не сообразил помощник.

– Ту, что вы купили взамен разбитой. Ай! – тихо взвизгнул я.

– Она ползет! – поразился секретарь. – Розовое... э... не знаю, как правильно назвать... нечто. Само движется. Интересно, почему оно не падает? Наверное, на лапках расположены присоски. Иван Павлович, простите мое любопытство, для какой цели создан сей предмет? Это массажер?

– Борис, вы сами приобрели бритву, – напомнил я и поежился, – я благодарен за заботу, но работает удалитель щетины странно. Не срезает волосы, а, похоже, выщипывает их. Не могу назвать себя слабым созданием, не способным терпеть боль, но ощущения самые негативные. Остановите, пожалуйста, брадобрейный аксессуар. Сам не рискую более

нажимать на кнопку. После того, как один раз это сделал, стало только хуже.

– Простите, Иван Павлович, – произнес секретарь, – мне очень неудобно из-за того, что лишил жизни вашу электробритву, но... я не ходил в магазин. Просто не успел, сидел у компьютера, собирал все что можно про Лапиных.

Глава 15

– На раковине лежала коробка с этим электроприбором, – опешил я. – Откуда она?

Борис заморгал.

– Ума не приложу. Может, Генри туда ее поместил?

Бритва сползла к носу и что есть силы ущипнула меня за ноздрю.

– Ой-ой! – вздрогнул я и тут же получил удар током. – Генри? С какой стати ему мне подарки делать? И господин Дюпре ушел.

– Он вернулся часа два тому назад, – пояснил секретарь, – притащил полный чемодан и опять удалился.

– Ай! – не удержался я от очередного вскрика. – Борис, пожалуйста, попытайтесь выяснить, как лишить сие чудище подвижности. Я, как все люди, не дочитал инструкцию до конца.

– Жду вас! – проорал Василий.

Помощник впился взглядом в текст.

– Так... ясно. Иван Павлович, разрешите, я нажму на выключатель, он с правой стороны.

– Пожалуйста, – простонал я.

Борис поднял руку.

– Готово. Сейчас остановится, здесь написано: фаза обездвиживания занимает тридцать секунд, устройство надо придерживать, иначе оно упадет. И...

Секретарь не успел договорить, агрегат издал душераздирающий писк и помчался по моему лицу со скоростью взбесившейся белки. По дороге адская машинка выдирала попадающуюся ей на пути растительность, через короткие промежутки времени била током, а еще она стала горячей и обжигалась. В ванной повеяло знакомым ароматом. В моей голове ожило воспоминание. Вот маленький Ваня с ужасом смотрит на домработницу Никоветты, которая держит над зажженной газовой горелкой тушку курицы, приговаривая:

– Сейчас опалю тебя, а Ванечка съест.

Решив, что мне вскоре предстоит сгрызть обгоревший труп птицы, я убегаю в детскую и забиваюсь под кровать. Вас еще удивляет, почему я с тех пор не люблю куриное мясо?

– Ух ты! – вытаращил глаза Борис. – По щеке проехала, по шее пролетела и под рубашку к вам залезла.

– Да! Ай! – воскликнул я. – Сейчас она самозабвенно выдирает волосы, которые на груди растут!

– Сколько вас ждать можно? – спросил Василий, входя без стука в ванную. – Ужин потеряет вкус.

– Ох, – вздрогнул я.

– Что случилось? – удивился Бурмакин.

– Бритва, – сдавленным голосом произнес я, – просто кара Господня, а не электроприбор. Как ее остановить?

Борис, быстро листая инструкцию, начал читать вслух:

– «Процесс обезвоlosивания площади зависит от качества волос, их чистоты, распределения на местности обезвоlosения. В зависимости от желаемого эффекта нужно выбрать программу, активировать самодвижущееся устройство, внедрить его в нужную часть обезвоlosиваемого организма и спокойно заниматься своими делами, так как бритва самодвижущаяся».

– Ай-ай, – взвизгнул я, – теперь эта пакость по животу ползает. Боря! Как ее выключить?!

– Тут сказано, что бритва остановится сама, когда завершит обезвоlosивание, – пробормотал секретарь, – самая короткая программа по телу на четыре часа. Извините, Иван Павлович, Христа ради. Сразу не разобрался. Сбоку-то не выключатель, а переключатель программ, я поставил его в положение: «Очищение тела целиком». Ей-богу, не нарочно. Но тут путано написано.

Мне захотелось сказать крепкое словцо.

– Ваня, зачем ты у своей бабы эпилятор взял? – захихикал Василий, перейдя со мной на панибратский тон. – Не надо у девок на поводу идти.

– Что? – не понял я.

– Сегодня она тебя излишне волосатым посчитала, – продолжал Бурмакин, – ты ей угодить решил, но, понимаешь...

– Ой, ой, ой, – простонал я и начал перебирать ногами.

– Ваня, это тупиковый путь, – вещал Василий, – потом ее станут твои зубы раздражать, брекетy велит нацепить. Нос уродливым покажется, ринопластику сделаешь... Лично я, как только очередная девушка объявляет: «Твой одеколон мерзко воняет», мигом открываю дверь и говорю: «Была без радости любовь, разлука будет без печали. Досвидос!» Не позволяй садиться себе на макушку. И не разрешай бабе с комфортом в твоей квартире устроиваться.

Бритва замерла, я обрел способность излагать мысли словами:

– Василий, в этих апартаментах женщин нет. Что такое эпилятор?

– Машинка для удаления волос с тела, – объяснил горе-следователь, – она их не срезает, а выщипывает. Есть модификации, которые при этом током луковицу убивают или светом ее разрушают. Ваня, ну чего ты врешь про бабу? Живешь с кем-то и что? Глупо лгать! Сразу же понятно: ванной девка пользуется!

Мерзкое изобретение оживилось и ринулось вниз по моему телу.

– Ох, – воскликнул я.

– В апартаментах живем только мы с Иваном Павловичем и временно Генри. Почему ты решил, что тут какая-то дама еще находится? – удивился Борис.

Василий рассмеялся.

– Боря! Младенцу понятно! Эпилятор! Розовая зубная щетка в стакане! Губка в виде собачки! Гель для тела «Шоколадно-кокосовое секси». Только не говори, что этим Ваня пользуется. И вон те чулки, сетчатые, черные, с красной резинкой, тоже его?

– Где они? – завертел в разные стороны головой секретарь.

– На полу валяются, слева от унитаза, – объяснил Бурмакин.

Бритва остановилась.

– Откуда эта ерунда в моем санузле? – растерялся я.

– Ваня, – заржал Василий, – ты же не девятиклассник, который от мамы девочку прячет. Чего передо мной кривляешься?

Дверь в ванной медленно приоткрылась.

Василий расхохотался.

– Спалился. Сейчас увижу красоту неопишемую!

Во мне не к месту проснулся редактор.

– Красавицу неписаную.

В санузле появилась Демьянка.

– Вот она, единственная представительница слабого пола в квартире, – заулыбался секретарь.

Я же в полном недоумении смотрел на розовую зубную щетку, у которой ручка была сделана в виде кошки, потом перевел взгляд на чулки. И как я не заметил этого безобразия, едва войдя в ванную? Ответ прост: сразу увидел коробку с агрегатом и стал ее изучать.

Прибор, замерший возле моего пупка, затрясся и ринулся вниз. Я сообразил, чем он вознамерился заняться, поэтому с криком:

– Вот это никогда, – начал прыгать на месте, одновременно пытаюсь оторвать рукой «паука» от кожи.

На секунду мне стало так больно, что глаза сами собой закрылись, потом неприятные ощущения прекратились. Я услышал тихий стук,

распахнул глаза, заметил на полу розового «паука» и со скоростью бешеного зайца ринулся в коридор. Следующие минут десять я пытался прийти в себя. Тело и лицо горели так, словно я день напролет голышом носился сквозь мощные заросли крапивы, периодически падая в них. Василий изнемогал от смеха.

– Ваня! Ну ты зажег! Гони вон дуру с эпилятором. Умираю! Нереальная ржача! У тебя вид! Давно так не веселился.

В конце концов ко мне вернулось самообладание вкупе с воспитанием и воспоминанием, что я хозяин дома.

– Пойдемте ужинать.

И тут входная дверь распахнулась, появился Генри.

– Добрый вечер, Иван Павлович, – сказал Дюпре, снимая ботинки.

Я понял, что стою перед гостем в расхристанном виде, и стал запихивать рубашку в брюки.

– Здравствуйте.

– У вас аллергия, – сочувственно заметил гость, – половина лица бордовая, сейчас принесу прекрасные гомеопатические таблетки...

Из комнаты, которую временно занимал сын Анны, раздались грохот и визг. Генри бросился в коридор, я поспешил за ним, за мной скакали Василий и Борис.

Дюпре первым ухитрился прошмыгнуть в спальню, я, забыв о вежливости, ворвался за ним и оцепенел. На кровати стояла пухленькая девица, одетая только в крохотные трусики.

– Там! – закричала она. – Крыса!

– А вот и баба, – обрадовался Бурмакин, – говорил же: не ври, Ваня!

– Кто вы? – выпалил я. – Как попали в мой дом?

– Ну, Ваня, ты прямо крейсер «Варяг», тону, но не сдаюсь, – еще сильней развеселился Бурмакин, – успокойся, мне плевать, с кем ты спишь. И, ей-богу, лучше, что у тебя девка, а то уж я решил, что вы с Борей сладкие персики.

– Крыса, крыса, крыса, – перешла в диапазон ультразвука незнакомка, – она меня сожрет! А-а-а-а! Милый! Убей ее!

– Кого, дорогая? – уточнил Генри.

– Вы знакомы с девушкой? – уточнил Борис.

«Милый» отвел глаза в сторону.

– Господа! Надеюсь, вы отнесетесь с пониманием. Разрешите представить вам...

– Крыса! Крыса! – верещала девица.

– В нашем доме грызунов нет, – отрезал секретарь.

Толстушка показала пальцем на пол у окна:

– Там, значит, бабочка сидит?

Я повернул голову.

– Крыса!

– Сами вы шушеры, – с обидой в голосе заявил Василий, приблизился к грызуну и взял его на руки, – это Мотя, шиншилла. Она одна дома оставаться не любит, поэтому если мне не надо на работу, то я стараюсь носить ее с собой. Мотя обычно спит в сумке, а сегодня проснулась и вылезла.

– Она меня сожрет, – уже тише повторила девушка.

Бурмакин смерил незнакомку взглядом.

– Не, Мотя столько мяса за раз не схочмячит, в тебе, похоже, килограммов семьдесят веса. И вообще, она вегетарианка.

Я почувствовал приближение приступа мигрени и решил навести хоть какой порядок в доме.

– Господа! Пойдемте в столовую. Дама оденется и присоединится к нам.

Девушка прикрылась руками и заорала:

– Не смотрите на меня!

– Была бы охота, – фыркнул Василий, – не очень привлекательное зрелище! Не люблю жирных.

Я глянул на Генри.

– Соблаговолите разъяснить происходящее.

– Сейчас, – смутился Дюпре, – перед вами моя невеста, Мотя.

Крыса, возлежавшая на руках Бурмакина, подняла голову и пискнула. Василий нежно погладил ее по спине.

– Понимаю твое волнение. Не нервничай. Я люблю только тебя. Видишь, как бывает, ты Мотя, и она тоже. Фигня, однако.

Глава 16

Через полчаса, когда Генри замолчал, я целиком и полностью разобрался в ситуации.

Господин Дюпре не птица говорун, и он совсем не ловелас. С ходу заводить знакомство с девушками у сына Анны не получается, он конфузится, начинает спотыкаться на каждом слове. А еще Генри хочет, чтобы его полюбили просто как мужчину, а не как представителя древнего, богатого рода Дюпре. В последнем случае не понятно, что привлекло женщину: ты сам или твой капитал. Дочери подруг матери Генри абсолютно не нравятся, они манерны, слишком хорошо воспитаны, скорее всего, укладываются спать в перчатках и шляпках с вуалью. Господину Дюпре по душе простые веселые девушки, его не смущает, что они режут ножом рубленую котлету и не могут по каждому поводу цитировать Шекспира. Генри неоднократно пытался познакомиться с представительницами низшего класса общества, но все они через пять-десять минут общения с незнакомцем, который угостил их в баре бокалом вина, корчили рожи и убегали. Один раз Дюпре схватил за руку симпатичную девушку, когда та собралась уходить, и спросил:

– Объясни, почему я тебе не понравился?

Блондинка фыркнула.

– Сразу понятно, ищешь развлечение на вечерок. И ведешь себя странно, молчишь, улыбаешься. Реально маньяк. По телику таких в сериалах показывают.

– У меня серьезные намерения, – возразил Дюпре, – я хочу жениться на хорошей девушке.

– Так тебе, богатому, родня и разрешит бедную в дом привести, – отрезала девица.

– С чего вы взяли, что у меня много денег? – изумился сын Анны, который специально приобрел для таких свиданий одежду в дешевом магазине.

– Шмотье дерьмовое, – кивнула девушка, – а ботинки дорогие, пахнешь одеколоном ценой в мою зарплату, зубы у крутого дантиста сделаны, стрижка не за копейки... Лучше не устраивай цирк с рубашкой и брюками. Хочешь совет? Ищи бабу в Сети, там хоть обовришь, поймать трудно. Обычно все мужики брешут, что они султаны Брунея. Нищего парня в обмане не заподозрят! Подумают: честный кретин!

И Генри стал осваивать темный мир интернета. Именно там он познакомился с москвичкой Мотей и через полгода общения понял: наконец-то нашел любимую. Матрена ни разу не спросила Дюпре о его доходах. Ее волновало другое: какие книги он любит, что за фильмы смотрит, как относится к животным, верит ли в Бога... У Моти были схожие интересы: она проводила свободное время с книгой, помогала раздавать обеды в столовой для бездомных. В конце концов Генри признался, что он член семьи Дюпре, и получил в ответ:

– Простите, впервые о вас слышу. А я пиар-специалист, работала в компании, производящей одеяла, она разорилась, сейчас бегаю в кафе официанткой, мне нравится кормить людей, развлекать их.

В конце концов они решили встретиться. Генри пригласил Мотю в свою страну, но та отказалась: нет денег на поездку, и визу ей, одинокой молодой девушке, без родни, собственного жилья и хорошей зарплаты, не дадут.

– Я все устрою, – пообещал Генри, – гостиница и билеты за мой счет.

– Не обижайся, но нет! – написала Матрена. – У меня жизненный принцип: сама себе на конфеты зарабатываю. Нет денег? Нет шоколадок. Отсутствие их только моя проблема. Если приедешь сам в Москву, буду счастлива.

Генри стал размышлять, каким образом уговорить Анну отпустить его в Россию, и тут вдруг мать сама велела:

– Милый, собирайся, летим на мою родину. Хочу выбрать в невестки хорошую русскую девушку.

Генри замолчал.

– Так почему ты матери правду не сообщил? – удивился Василий. – Не объявил: есть одна на примете.

Дюпре молчал, вместо него ответил я.

– Потому что она официантка, а те, кто подает людям еду, презираемы Анной.

Генри повернулся к девушке:

– Дорогая, прости, мама прекрасный человек, но что делать с ее снобизмом, я понятия не имею. И еще... видишь ли... э... э... она... ну... как бы лучше объяснить... слов не подберу...

Я пришел на помощь Генри:

– Анна с предубеждением относится к женщинам в теле.

– Мне очень нравится приятная полнота, – быстро добавил Дюпре.

Мотя улыбнулась.

– Я не обидчива и понимаю: всем не угодишь. Даже Иисус Христос

многим не нравился.

– Верно, – пробормотал я, впервые услышавший такой аргумент.

– Вы притащили Матрену к нам в чемодане! – воскликнул Борис. – Вот почему Демьянка на кофр лаяла!

– Да, – смутился гость.

– Отчего не сказали, что хотите провести время с любимой? – удивился я.

Генри замялся.

– Иван Павлович, Николетта подруга Анны! Я опасался, что сын тоже... ну...

– Сноб, – договорил я, – и поэтому катали Мотю в багаже. Не пожалели девушку, хоть понимаете, как ей некомфортно разъезжать в чемодане.

– Ерунда, – улыбнулась толстушка, – я гибкая, легко в калачик срулечиваюсь.

– Круто, – хмыкнул Василий. – А дальше как? Потусовался Генри в Москве, повеселился с Мотей, и адью. Домой смылся. А девушка осталась? Некрасиво, однако!

– Я готов жениться! – азартно воскликнул мой временный жилец.

– Так тебе мамашка и разрешит, – фыркнул Бурмакин.

– Что-нибудь придумаю, – пообещал Генри, – увезу Матрену к себе.

– Да ну? – прищурился следователь. – И всю жизнь свою бабу в чемодане возить будешь?

– Розовая бритва, зубная щетка, губка, чулки в моей ванной, – перечислил я, – они ваши?

– Да, – заморгала Мотя, – я слышала ваш громкий разговор. Простите, не знала, что это санузел хозяина. Генри сказал: эту баньку ему отвели.

– Он ошибся дверью, – уточнил Борис, – санузел для меня и гостей последний по коридору.

Дюпре приложил ладонь к груди:

– Простите великодушно.

Матрена показала на шиншиллу, которая мирно дремала на руках Бурмакина:

– Она милая. Я закричала от неожиданности.

– Больше так не ори, – велел следователь, – Мотя заболит, она тебя испугалась. Стоит чудище на кровати и орет!

– Вы москвичка? – поинтересовался я.

– Родилась в столице, – кивнула девушка.

– Почему тогда Генри решил вас здесь контрабандно поселить? – не

понял я. – Отчего вы дома не остались?

– Своей квартиры у меня нет, со съемной хозяйка за день до приезда Генри выгнала, – честно ответила Мотя, – я сутки на вокзале просидела. Вроде в столице много предложений снять жилье. А начнешь искать и понимаешь: в объявлениях сплошной обман. И цену ниже той, за которую реально сдают, указали, и квартира грязная, и хозяйка алкоголичка или зануда обезумевшая. Я непременно устроюсь, просто сразу не получилось.

– Иван Павлович, разрешите нам пока пожить у вас, – взмолился Дюпре, – я готов заплатить любую цену.

– Уже говорил один раз, я не зарабатываю сдачей комнат, – улыбнулся я, – готов оказать вам гостеприимство. Обещаю ничего не рассказывать ни Николетте, ни Анне.

– Нет предела моей благодарности, – начал кланяться Генри. – Не хотел вас оскорбить предложением денег. Оцените наше сложное положение. Мы с Мотей...

– Эй, дома есть кто? – раздался из прихожей бас Безумного Фреда. – Ваня! Никки здесь?

Я не успел ответить, в столовую, распространяя аромат мужского одеколона и коньяка, вошел любовник Николетты.

– Привет честной компании, – загремел он. – Никки тут?

– Нет, – быстро сказал я, – вероятно, она в другой квартире.

– Обещала приехать сюда с минуты на минуту, – потер руки Фред. – Чем балуетесь? О! Девушка! Здравствуйте. Вы прекрасны, как майская роза. Я продюсер, композитор, музыкант. Не желаете поучаствовать в съемках нового клипа группы «Семь слонов»? Мы с Никки их сейчас продвигаем на американском рынке.

– Спасибо, – вежливо ответила Мотя, – шоу-бизнес меня не привлекает.

– Вау! – заржал Фред. – Чего вы такие скучные? Боря, тащи кастрюлю, сварим жженку!

– Не надо, – испугался я, памятуя, что в последний раз употребление сего напитка продолжалось три дня и привело к массе неприятных событий^[4].

Фред стукнул меня по плечу.

– Ваняша! Натяни памперс и сиди спокойно.

– Как вы попали в мою квартиру? – опомнился я.

– Никки мне дубликат своего ключа сделала, – заявил продюсер.

Я не нашелся, что ответить.

– Вава, – зазвенел из холла голос маменьки, – что за жуть? Немедленно

объясни!

– Дорогая, не нервничай, – прозвучало контральто Анны.

– Мама, – прошептал Генри. – Что нам делать?

Мотя скатилась со стула и полезла под стол.

– Эй, герла, ты куда? – загремел Фред.

– Тише, – шикнул я.

– А что? – заорал кавалер маменьки.

– Вава! Сюда! – завопила Николетта.

Я поспешил на зов. Последнее, что уловили мои уши, была реплика Фреда:

– Говорите, что случилось, я решу любую проблему, я мастер утаптывания неприятностей.

– Ужас просто, – возмутилась маменька, когда я оказался в поле ее зрения, – стою тут целый час, а ты даже не...

Николетта замолчала.

– Was ist das? – почему-то по-немецки пролепетала Анна, показывая пальцем за мою спину.

Я оглянулся и вздрогнул. Из коридора вышел некто, смахивающий на... Подобрать сравнение невозможно. Талантливый Господь не мог создать такого зверя. Длинное розовое тело, тонкие ножки, хвост, напоминающий шнурок, одна половина морды безволосая, вторая покрыта шерстью. Между ушами странного создания стоял розовый «паук». Я выдохнул. Демьянка! Когда я, испугавшись, что бритва снова вцепится в меня, позорно удрал из ванной, Борис последовал за мной. В санузле осталась собака, прибор залез на псинку и начал старательно «обезволосивать» новую жертву. Но, похоже, у агрегата закончился заряд. Человечество пока не изобрело вечный двигатель, где-то в теле розового агрессора таится батарейка. Мое сердце переполнилось жалостью к несчастному двортерьеру. Представляю, каково пришлось Демьянке! Надо ей дать двойную порцию паштета на ужин и угостить сыром.

– У нее СПИД, – заверещала маменька, которая панически боится заболеть.

Анна попятилась к двери.

– Я видела на картинах средневековых ведьм с чумой! Похожи на это чудище! Или нет, проказа.

– СПИД, – повторила Николетта, – свиной грипп.

– Тиф и лишай, – не согласилась Анна.

– А-а-а-а, – завизжала маменька.

– О-о-о-о, – закричала Анна.

Демьянка упала на пол и закрыла лапами уши. Розовая пакость свалилась с ее головы, встала на ножки и, покачиваясь, тихо направилась к маменьке. Николетта развернулась и понеслась на лестницу, за ней ринулась госпожа Дюпре. Я тщательно запер за дамами дверь, решил прямо завтра сменить замок и погладил Демьянку.

– Спасибо, дорогая. Извини, что тебе пришлось перенести неприятности, но благодаря твоему оригинальному виду дамы удрали. Пошли в столовую, угощу тебя от души. Желаете сыра «Фоль Эпи»? Или предпочитаете «Шеф Савье»?

– Ты один? – удивился Фред. – Куда Никки подевалась? Вау! Что с Демьянкой? Собака, ты заболела? Иди, поцелую, тогда все пройдет.

– Она совершенно здорова, – заверил я, – но Николетта и Анна решили, что у нее СПИД, проказа, чума, и удрали.

Глава 17

На следующий день в районе обеда мы с Борисом и приехавшим Василием устроили в моем кабинете совещание.

– Семья Лапиных образцово-показательная, – вздохнул Вася, – ни Игорь Андреевич, ни Галина Михайловна ни в чем дурном не замешаны. Правда, от кого женщина сына родила, не ясно. В метрике у него прочерк в графе «отец» стоит. Но это не преступление.

– К Игорю ни малейших претензий нет, со стороны налоговой он чист, как слеза новорожденного. Платежи делает вовремя, отчетность прозрачная. Бизнес успешен. Лишь один момент. Некоторое время назад на господина Лапина написала заявление Стеклова Фаина Григорьевна. Она обвинила владельца фирмы «Красота» в использовании некачественных материалов, которые стали причиной гибели ее зятя Егора Виско. Вероника, дочь Фаины, заказала для супруга в фирме Лапина подарок на юбилей: картину «Кошечка Хаврошечка», копию работы какого-то известного примитивиста. Супруг собирал такого рода полотна. Виско пришел в восторг от презента, повесил его у себя в спальне. И вскоре скончался от инфаркта. К сожалению, семейная пара спала в разных комнатах, жена не слышала, что мужу плохо, не вызвала «Скорую». Фаина очень любила зятя, горевала по нему и, как ей показалось, нашла виновного в смерти Егора. Понятно, что у тетки заявление брать не собирались, но она ходила в отделение как на работу, довела местного начальника до икоты, он велел сотрудникам прекратить это безобразие. Участковый поговорил с Игорем. Тот совершенно не разозлился, представил сертификаты качества на краски, холст, лак и прочее, сам доставил бумаги в отделение, произвел самое приятное впечатление на сотрудников. А к Новому году он преподнес полицейскому участку неожиданный подарок: копию картины Давида «Коронация Наполеона и императрицы Жозефины». Фигура императора была с лицом начальника отделения, а все гости – с лицами сотрудников.

Фаина Григорьевна, которой показали бумаги, предоставленные владельцем фирмы, не утешилась. Наоборот, она только разозлилась, сказала, что ее дочь наняла Лапина, чтобы убить мужа и получить все его деньги. Потом Стеклова пробила на телевидение в шоу, где объявила, что полиция довела до смерти Егора Виско, и за это получила взятку – групповой портрет. Неизвестно, чем бы закончилась эта история. Донельзя

активная Фаина могла добраться до президента России, а потом до Генерального секретаря ООН, но она более не возникала. Предполагаю, что начальник отделения смог припугнуть явно психически нездоровую женщину, которая постоянно говорила в подопечном ему учреждении гадости про свою дочь Веронику.

– Что тут сказать, бедная дама, – пожалел я незнакомую Фаину Григорьевну.

– У меня все, – пожал плечами Василий.

– Я тоже не могу похвастаться наваристым бульоном из топора, но кое-что интересно, – вздохнул Борис. – Нина активный пользователь нескольких соцсетей. Среди ее подписчиков есть девочки из разных городов и Мирон Стен, парень, который справил двадцатилетие. Он сын педагога Филиппа Стена, репетитора английского языка. У папаши тоже есть аккаунты в соцсетях, я их проверил и понял, что мужик нам никак не интересен. Стен балуется прозой, пишет рассказы, публикует у себя на странице, любит посещать громкие премьеры. Среди его друзей есть актеры, художники, поэты. Кроме того, Филипп использует свой профиль для поиска новых детей-клиентов. Старший Стен зарабатывает репетиторством.

Борис перевел дух.

– А вот Мирон, сын педагога, двадцати одного года, меня очень заинтересовал. Он живет отдельно от отца, снимает квартиру, – пояснил секретарь. – Полгода назад был вынужден переехать: хозяевам понадобилось их жилье, мальчик с юмором рассказывал, как он новые апартаменты искал. С отцом у него, похоже, отношения нормальные. Где мать – неизвестно, она развелась с Филиппом, когда Мирон совсем маленьким был. Юноша говорит об отце в своих сообщениях. Мать он никогда не упоминает, интересуется искусством. Закончил театральное училище, не попал ни в одну труппу. Симпатичный паренек, и думаю, он при деньгах, неплохо зарабатывает.

– Чем, если ни в один коллектив его не приняли? – скривился Василий. – Вот не пойму, что заставляет мужика раскрашивать лицо, натягивать чужую одежду и кривляться перед сидящими в темноте людьми? Ходил несколько раз в театр, и прямо неудобно за артистов становилось. Такие они насквозь фальшивые, глаза закатывают, руками размахивают...

– Мирон устраивает тематические вечеринки, – уточнил Борис, – примерно два-три раза в месяц сообщает на своей странице тему и количество участников. Ну, например. «Нападение инопланетян, спасаемся

в канализации. Десять участников, по пятьдесят тысяч с каждого». Юноша очень активно рекламирует подобные развлечения.

– Офигеть, – вытаращил глаза Василий.

Борис повернул ноутбук экраном ко мне.

– Вот фотоотчет.

– Чума! – протянул Бурмакин, который тоже смотрел на экран. – Они идут по трубе?

– Да, – кивнул Борис, – полагаю, находится это в заброшенной системе отвода фекалий или в какой-то части ливневой канализации. Сюжет вечеринки таков. На Землю высадились инопланетяне, убили всех, выжили десять человек, они ищут, где им теперь поселиться, спустились под землю.

– Ух ты! Зал большой, – восхитился Василий, – вау! Чудовище!

– Судя по отзывам участников, которые они потом разместили в своих аккаунтах, развлечение вышло на славу. Мирон тщательно готовит спектакль, пишет сценарии. В данном случае на людей во время похода напали два инопланетянина, но земляне победили нечисть. Они стреляли друг в друга из детских пистолетов шариками. Потом в честь разгрома существ с планеты ЦО устроили пир.

– Угощение фиговое, – поморщился Василий, – на столе кола, печенье дешевое, бутеры с сыром... Неужели кто-то ведется на такую развлекуху? Шлепать в комбезах и резиновых сапогах по трубам, где дерьмо течет, пулять друг в друга из игрушечного оружия, пить и жрать барахло? Да еще заплатить кучу денег? В чем радость-то?

– У каждого свой интерес, – вздохнул я, – потому и существуют клубы по интересам.

– Идиоты сбиваются в стаи, – подвел итог Бурмакин.

Глава 18

– Мирон устраивает разные мероприятия, – продолжал секретарь, – были среди них и гламурные воздушно-зефирные в парках среди кустов роз. Но клиентам Стена-младшего больше нравятся невероятные места, фантастические сценарии. И вот вам кусок сочной информации. Накануне того дня, как Иван Павлович и отец Рыбакова поехали в заброшенную деревеньку и там нашли тело, как мы думали, Нины, а потом выяснилось, что парня в парике, Мирон устраивал игру «Римский пир». Внимание на экран. Что вы видите?

– Фото участников, – заговорил я, – все в тогах. Наверное, сами сшили одеяния.

– Скорее напрокат их взяли, – подсказал Борис, – сейчас легко любой театральный костюм найти. Внимание на того, кто изображал Цезаря. Он сидит на троне.

Я улыбнулся.

– Не уверен, что правители Римской империи пользовались таким стулом. И, если вспомнить работы Авмросия Феодосия Макробия, древнеримского философа, который описывал в том числе и пиры, то...

– Людям не нужна историческая правда, – засмеялся Борис, – Мирон сидит на троне, который использовали русские самодержцы. И что? Всем весело. Но! Обратите внимание на внешний вид устроителя тусовки и участников.

– Они в париках, и парни, и девушки, – пробормотал Василий, – волосы завиты локонами, падают на плечи.

– Изучите руки-ноги-торс у парней, – попросил секретарь, – вот на этом снимке лучше видно, когда народ пляшет, у мальчишек тоги в разные стороны разошлись.

– Подростки покрыты золотой пудрой, – воскликнул я, – фальшивая прическа, следы дисперсного порошка... Жертва, найденная в избе, могла принимать участие в этом пире!

Борис постучал пальцем по столу.

– Вот! Участников было восемь человек, четыре пары. Плюс Мирон, который изображал императора, и двое его помощников. Имена тех, кто платил деньги, я вычислил легко, они все выложили фото в соцсети. Я поговорил с каждым. И юноши, и девушки живы-здоровы. Вечеринка началась в десять вечера, продлилась до шести утра, потом гости спокойно

разошлись. Мирон, по их словам, весьма бодрый, остался. Действо происходило в санатории, который давным-давно прекратил свое существование, он расположен в Московской области.

– Если участники живы, то кто покойник в избе? – задал я сам собой напросившийся вопрос.

Борис приподнял бровь.

– У Мирона есть команда, которая выполняет техническую работу, готовит площадку. Ну и потом исполняет разные роли, слуг например. Два парня по двадцать с небольшим лет и девушка, которой пятнадцать.

– Только не говори, что это Нина! – воскликнул Василий.

– Угадали. Именно Лапина, – подтвердил Борис.

– Это невозможно, – уверенно возразил я, – если внучка Галины Михайловны не явится домой ночевать, бабушка на ноги всю Москву поставит.

Борис увеличил один снимок.

– Изучите внимательно рабыню, которая вносит поднос с фруктами.

Василий прищурился.

– Да у нее лицо сильно загримировано, его и не видно. Черный парик, челка до бровей, на веках тени цвета волос, они так намалеваны, что девушка как из танка выглядывает, ресницы щеткой, губы типа ярко-оранжевые ватрушки.

– С макияжем она переборщила, – согласился я, – думаю, «рабыня» в курсе, что фото выставят в соцсетях, и не желает светиться. И грим скорее подходит для Клеопатры, которая была последней царицей эллинистического Египта из династии Птолемеев. Хотя связь с Римской империей у нее существовала, Клеопатра страстно любила римского полководца Марка Антония.

– Посмотрите на руку рабыни, правую, – вмешался секретарь, – на внутреннем сгибе локтевого сустава невус. Редкое место для родинки.

Я вынул телефон.

– Галина Михайловна, извините, если помешал. У Нины есть родимые пятна? Не мелкие, как у всех. На руке? Там, где локоть? Спасибо. Нет. Просто мы смотрим фото девушки, возникло предположение, что это Нина. Вам пока волноваться не стоит. Мне кажется, что ваша внучка жива.

Я положил трубку на стол и изумился.

– Как девочка умудрялась удирать из дома?

Секретарь взял мышку.

– Я изучил в соцсетях снимки всех участников пира, отделил те, где есть Нина, разложил их в хронологическом порядке. Что получилось?

Сначала девочка пару раз раздает какие-то булочки. Потом ее долго нет, пир обслуживают два парня, и... апофеоз. Нина, вся закутанная в тряпки, танцует и потом выносит блюдо, на котором лежит отрубленная голова мужчины.

– Она изображала Саломею, – сообразил я. – Но при чем тут Рим?

– Кто такая Саломея? – заморгал Василий.

Я пустился в объяснения:

– Дочь Иродиады, жена тетрарха Иудеи Ирода Антипы. Последний отнял Иродиаду у своего брата Агриппы. Даже в те темные времена это считалось большим грехом. Иоанн Креститель публично осуждал и безжалостно обличал кощунственную связь, за что его смертельно ненавидела Иродиада. Она подговорила свою дочь Саломею исполнить перед Иродом на его дне рождения танец. Тетрарх Иудеи пришел в восторг от искусства девы и сказал, что выполнит любое желание Саломеи. Девушка, наученная матерью, попросила голову Иоанна Крестителя. Ирод обезглавил пророка. История изложена в Новом Завете.

– Ума у тебя, Ваня, на десятерых, – засмеялся Василий. – И когда все это случилось?

– Точную дату никто назвать не может. Примерно тридцатый год нашей эры, – пояснил я. – И к Риму произошедшее никакого отношения не имеет.

– К нашему делу Саломея тоже отношения не имеет, – отрезал Бурмакин, – она давно умерла. Есть соображения, как Нина из дома исчезала?

– Пока нет, – признался я. – Если в морге труп Мирона, то почему Филипп Стен не стал волноваться, когда его сын перестал выходить на связь? Надо бы поговорить с Филиппом.

– И пообщаться с Ларисой Бумагиной, – предложил Борис. – Лариса раньше была среди тех, кто помогал парню устраивать сборища, но полгода тому назад в команде появляется Нина, а Бумагиной там более нет.

– Я с ней уже говорил, – зачастил Василий, – Иван Павлович, вы же мне велели к ней скататься. Сегодня утром, ничего интересного. Натурщица утверждает, что у нее украли студенческий билет, утащили вместе с сумкой, в которой еще кошелек был. Очень расстраивалась, злилась на вора. Стырили ридикюль в институте. Лариса его на подоконнике оставила. На минут пять отошла в туалет, там крючка в кабинке нет. Вернулась... Упс! В избе, где нашли сумку, она никогда не бывала. Я ей поверил. Но теперь, когда мы решили, что в морге находится тело Мирона Стена, вырисовывается иная картина.

– Ваши мысли по этому поводу? – осведомился Борис.

Бурмакин резко оживился.

– И думать нечего! Мирон крутил роман с Ларисой, потом переметнулся на Нину, Бумагину вон послал. Натурщица затаила злобу, приехала в избу, убила Стена и удрала. Сумку она потеряла. Мне убедительно соврала. Я поверил. История простая, как валенок. Конец.

Я сделал глоток капучино.

– Наблюдал один раз, как валяют русскую национальную обувь. Непростое, очень тяжелое занятие.

Послышалось гудение домофона.

– Кто там? – напрягся я.

Борис поднялся.

– Иван Павлович, прошу меня простить, я принял самостоятельное решение. Оставил вчера на сайте Мирона заявку на проведение мероприятия. Мне ответил некто Гремлин, в миру Роман Очагов: «Могу встретиться только завтра в промежуток с тринадцати до пятнадцати».

Домофон снова загудел.

– Впускайте Гремлина, – распорядился я. – Вы все правильно сделали.

Секретарь ушел и быстро вернулся назад в сопровождении очень серьезного юноши, который, к моему изумлению, был одет в дорогой летний светлый костюм. В руках парень держал совсем не дешевый портфель, а на его ботинках из кожи крокодила не было ни единой пылинки.

– Знакомьтесь, господа, – представил Борис, – Гремлин.

– Роман Николаевич Очагов, – представился гость, – упомянутое прозвище является ником для страницы в интернете и не используется в реальной жизни. Извините, что поставил вас в жесткие временные рамки, но у меня в пятнадцать тридцать слушание о разводе.

– Жаль, что вам не удалось сохранить брак, – посочувствовал я, – распад семьи всегда трагедия.

– Я холост, – коротко уточнил Роман, – являюсь адвокатом на процессе. Давайте сразу приступим к интересующей вас проблеме. Тема праздника? Состав участников? Возраст? Мы не обычное эвент-агентство, не хватаемся за любое мероприятие. И совет директоров агентства предпочитает иметь дело с молодежью.

– Иван Павлович не пенсионер, – сказал Борис, – он любит шутки. Нас впечатлили отчеты о прогулках в канализации. Да и действо в деревне Коклюшки было отлично организовано.

Гремлин положил ногу на ногу.

– Путешествия по подземельям столицы всегда вызывают интерес. У нас хорошие связи с диггерами. Но село Коклюшки? Мы там никогда ничего не устраивали. Деревенские избы не привлекают внимания нашей целевой аудитории. За долгие годы существования агентства мы всего один раз собирались в деревне. Есть народ, который тащится от изб-развалюх. Но организовать там сюрпризы сложно, места мало. Не расслышал ваших имен, господа.

– Иван Павлович Подушкин, Василий Бурмакин и я, Борис, – назвал присутствующих секретарь.

– Мы готовы сделать заказ, бюджет несколько миллионов, – влез в разговор Вася, – но иметь дело с мошенником не станем.

Глаза юноши вспыхнули огнем.

– Тысячи клиентов подтвердят респектабельность нашего агентства. Полагаю, вы слышали имя Михаила Гробаренко?

Мы с Борисом переглянулись.

– Имеете в виду известного киноактера, ведущего одного из самых рейтинговых шоу на Первом канале телевидения? – уточнил секретарь.

– Да. На днях ему устраивали вечеринку, – беззастенчиво соврал гость. – Хотите побеседовать с Михаилом?

– Почту за честь, – согласился я. – Но удобно ли отвлекать звезду ради такого пустяка?

– Всегда просим знаменитостей, которых часто обслуживаем, дать рекомендацию агентства новому клиенту, – в очередной раз понес небывальщину парень, вытащил дорогой телефон, потыкал пальцем в экран и завел беседу:

– Михаил Юрьевич, Роман Очагов беспокоит. Нахожусь у потенциального заказчика, не могли бы вы... да... секунду.

Лгун включил громкую связь и протянул мне трубку.

– Добрый день, – произнес я.

– Здравствуйте, здрасте, здрасте, – прохрипел бас, – не сомневайтесь, ребята молодцы. Я от них в восторге. Весело, креативно, не особенно дорого... Сейчас я нахожусь в Курске, снимаюсь в новом фильме, но, как только вернусь, снова обращусь к ним...

Минут пять собеседник пел осанну устроителям вечеринок, а я не мешал ему витийствовать. Наконец на том конце провода распрощались со мной.

– Теперь, когда все сомнения в нашем профессионализме отпали, – завел Очагов, – мы...

– Какую программу он использует? – спросил я, взяв со стола свой

мобильный и набрав номер.

– Их несколько, – объяснил секретарь, – поэтому точно не назову.

Я включил громкую связь.

– Алло! Это Иван Павлович. Как дела? Нога сильно болит?

Глава 19

– Чтоб она сгорела! – воскликнул в сердцах густой бас, который только что звучал из трубки гостя. – В первой половине дня еще ничего, а во второй будто гвозди в нее вбивают.

– Михаил, добрый день, включите фейстайм, – попросил секретарь.

– Здорово, Боря, как там Демьянка, больше никому не ссыт в ботинки? – захохотал собеседник.

– Нет, вы один удостоились сей чести, – ответил Борис.

Экран моего телефона мигнул, появилось изображение лица.

– Вижу вас! – улыбнулся абонент.

– Михаил, у меня несколько вопросов, не затруднит ответить? – попросил я.

– Все равно в клинике от скуки с ума схожу, начинай, – разрешил бородач.

– Вы в Москве?

– Во дает! – восхитился Михаил. – А то ты не знаешь, что я на вытяжке с гирей парюсь.

– Когда-нибудь имели дело с этим человеком? – продолжал я, ловя телефоном лицо Гремлина.

Из трубки послышался кашель.

– Вроде нет, хотя всех, с кем я общаюсь, не упомяну. Парень, если ты шофер или стул-чай мне на съемках подавал, то прости! Забыл тебя.

– Роман серьезный бизнесмен, он уверяет, что вы в его агентстве на днях заказывали веселую вечеринку, – не утихал я.

– Врет! Гони дурака в шею, – заорали из трубки. – Какие на ... гулянки? Да моя нога ...! Чтоб ей ...!

– Извините, Михаил, – улыбнулся я, – Очагов выглядит прилично, он адвокат. И не подумай, что он вульгарный лгун.

– Ваня, а ты всегда думай, что вокруг полно ..., которые брешут, будто они Гробаренко квартиру ремонтировали, зубы лечили, щи варили. Пинка ему под зад и привет от меня, – прогремело в комнате.

Я поблагодарил собеседника и вернул мобильный на стол.

– Роман, очевидно, большинство людей, услышав знакомый голос Михаила, мигом вам верят. Но с нами вам не повезло. Кумир миллионов мой добрый знакомый, ложь открылась сразу.

– Вы воспользовались программой, с помощью которой можно

изменить речь, – подхватил Борис, – сделать голос похожим на голос известного человека. Кстати, ваш дорогой с виду телефон фейковый. Я хорошо разбираюсь в гаджетах, оригинал стоит в районе ста тысяч, подделка менее пяти. Но эрзац-вариант выглядит убедительно, дает понять, что его владелец успешен. И в списке адвокатов Романа Очагова нет. Вы врунишка, однако.

Гремлин молча встал.

– Сядьте, – велел Василий, – и честно отвечайте на вопросы, если не хотите крупных неприятностей.

– Вы кто? – испугался Роман.

– Иван Павлович Подушкин, владелец детективного агентства, Василий Федорович Бурмакин, сотрудник МВД, следователь, – представил нас по полной программе Борис, – я занимаюсь разными проблемами, в частности поиском информации в Сети.

– Частный детектив, следователь? – окончательно струсил Гремлин. – Че случилось-то?

– Успокойтесь, мы не имеем отношения к налоговой инспекции, не станем брать вас за жабры и обвинять в занятии бизнесом без уплаты денег государству, – усмехнулся Василий.

– Где Мирон Стен? – спросил я.

– Вопрос на миллион долларов, – вздохнул Очагов, – наверное, с бабой кувыркается. Не видел его со дня последнего сейшена.

Я сложил руки на груди.

– И не забеспокоились?

– Так чего дергаться? – проямлил Гремлин. – Мирон предупредил, что отдохнуть собрался, небось полетел к морю, и не один.

– С кем? – быстро задал вопрос Василий.

– С бабой, – предположил Роман.

Я решил не давать вруну передышки.

– С Ниной Лапиной?

Очагов захихикал.

– Да вы чего! Она еще в школу ходит. Стен с малолетками не связывается. Это плохо закончиться может.

– Но к работе он девочку привлек, – заметил Борис, – тут юный возраст ему не помешал.

– Бизнес одно, а спать вместе другое, – начал отбиваться Гремлин, – Мирон любит курочек постарше, чтобы с деньгами, замужем. Такая хипеж не поднимет, когда Стен ее на фиг пошлет. Он с одной и той же больше двух месяцев не возится. Надоедает ему одна и та же.

– Что Мирон делал в деревне Коклюшки? – продолжил я опрос.

– Он там был? У него поинтересуйтесь, – огрызнулся Очагов, – я в чужую личную жизнь не лезу. У нас только бизнес общий. Может, Мирку на крестьянок потянуло. Ради разнообразия. Я всех его телок не знаю. И на фиг они мне?

Василий потянулся к бутылке с водой.

– С Ларисой Бумагиной знакомы?

– Вообще про нее не слышал, – с самым честным видом заверил Гремлин.

Борис поднял глаза к потолку и показал на ноутбук.

– Пора уже вам понять, что врать в эпоху интернета глупо. Вот фото Ларисы на одной вашей тусовке, на другой, третьей...

– А-а-а-а, – протянул Роман, – фамилию ее не знаю. Ну есть такая. А чего?

Я решил проигнорировать его вопрос.

– У Мирона есть какие-то приметы? Татуировки на теле, шрамы?

– Вам зачем? – опять занервничал парень.

– Просто ответь, – велел Василий.

– Нет татушек, – неохотно объяснил Очагов, – хотя голым я его не видел. Может, на ... бабочку набил! Шутка. Год назад он наступил босой ногой на разбитую бутылку, кровищи хлестало! Наверное, рубец остался.

Бурмакин открыл свой ноутбук.

– Какая конечность?

– Вроде левая.

– Пятку травмировал? – уточнил следователь.

– Да. А что?

Василий поставил компьютер перед Очаговым.

– Узнаете?

– ...! – выругался парень. – Как это узнать можно? Жуть! Что у него с лицом?

– Разбито, – объяснил Бурмакин, – гляньте на другое фото, Иван Павлович, я только сегодня его увидел, тебе сказать не успел. Ступня, на пятке неаккуратный келоид. Патологоанатом считает, что жертва сильно порезалась, но не обращалась к врачу, поэтому рану не зашивали, она сама кое-как затянулась.

Лицо Гремлина заострилось.

– Мирон!

– Вы уверены? – спросил Борис.

– Да, – прошептал Роман, – на соседнем снимке щиколотка... синяк

здоровенный, на груди еще два!

– Верно, – согласился Василий, – по заключению эксперта, незадолго до смерти Стен с кем-то подрался.

– Со мной, – еле слышно признался Очагов, – я ему пару раз кулаком повыше солнечного сплетения врезал, потом ботинком по щиколотке заехал. А он мне вот...

Парень задрал майку.

– Красивый бланш, – восхитился Бурмакин. – Чем это он вас? Не похоже на ручную работу.

– Где туалет? – пролепетал Гремлин. – Мне надо... туда... скорей.

Глава 20

– Почему вы повздорили? – спросил я у Романа, когда тот, вернувшись из санузла, попросил кофе.

– Из-за денег, – шмыгнул носом Очагов, – идея вечеринки устраивать родилась у Мирона еще в институте. Мы с ним в одной группе учились, считались перспективными, педагоги нас хвалили. Да вышла ерунда. Ни Стена, ни меня ни разу на съемки не позвали. Зато те, кого постоянно отчислять собирались, в гору поперли, со второго курса на сериалах заняты, квартиры себе уже купили. А у нас с Мироном фига! Дошло до того, что ему приятелей не на что в день рождения пивасиком угостить было.

– Неужели Филипп не подбрасывал отпрыску денег? – задал провокационный вопрос Борис.

– Нет, – поморщился парень, – отец у него с виду приятный, улыбается, кофе тебе сварит, бутербродов нарежет. И все. Если чего Мирошка у папахена просил, тот отвечал: «Я с десяти лет деньги зарабатывал, мать содержал, на соревнованиях побеждал. Тебе не стыдно клянчить? Сам крутись». Наоборот, Филипп с Мирона бабло брал.

– За что? – удивился я.

– Свет, газ, вода, коммуналка, – начал загибать пальцы Гремлин, – отец пополам расходы делил. Продукты. Он Мирошке конкретно сказал: «Или себе сам жратву покупай, или жду деньги на холодильник. Полагаешь, я должен на тебя горбатиться? Любые прихоти твои оплачивать? Тратить по2том и кровью добытое на лентяя? Ошибаешься». Мирошка ему ответил: «Папа, у меня работы нет пока, я учусь в институте. Вот получу диплом, начнутся съемки...» Филипп ему в ответ: «Не пойдет. Я заботился о тебе до восемнадцати лет, выполнил свой отцовский долг. Или мне до твоей пенсии на хлебника на закорках переть? Не ленись, ищи службу». Хорошо ему советы давать. Актер зависимая профессия, придешь на кастинг, весь выложишься, покажешь, что можешь, прямо ясно – твоя роль. А помреж рожу корчит: «Спасибо. Мы вам непременно позвоним». И тишина. Мне тоже не особенно весело жилось, мать больная, с диабетом. Она никогда меня не попрекала, что на трех работах пашет, чтобы мы с голоду не померли. Да мне самому стыдно было. Чем я только не зарабатывал. «Сэндвичем» по улице ходил, в костюме Микки-Мауса листовки раздавал. Стою в идиотском костюме, он табаком, чесноком, потом воняет, а я себя

мотивирую: «Брэд Питт тоже в обличье цыпленка рассекал. А теперь меньше чем за десять миллионов долларов с дивана не встанет». Ну а потом в середине апреля подходит ко мне Мирон и говорит: «Мы с тобой родились в один день. Давай вместе отметим. Позовем народ в кафешку. С тебя жрачка-выпивка. С меня развлекательная программа». Я ему объяснил, что бабла даже на самые простые гамбургеры не хватит. На следующий день Мирошка мне позвонил: «Оповести приятелей, что устраиваем праздник в стиле «Конкурс красоты». Девочкам надо взять купальники. Будет дефиле в них. В качестве подарка нам с каждого пятьсот рубликов». Я ему начал вопросы задавать, а он: «На месте сообразишь. Начало в десять вечера, Дом культуры завода МИЛЗ». Адрес запиши и всем раздай». Такая гульба вышла! Мирон нас в клуб предприятия отвел, все парни в зале в креслах уселись. Девчонки под музыку на сцене вышагивали, Мирон их в разные тряпки заворачивал, типа платья. Потом в купальниках ходили, затем их подбили лифчики снять. Из угощения: колбаса, хлеб, пара бутылок пивка, канистра дешевого вина. Не знаю, где Мирошка пластиковую тару с бормотухой надыбал, но есть никто не хотел. Такая развлекуха вышла, лучший мой день рождения. Гулять начали вечером в пятницу, гудели до утра субботы. В понедельник подходит ко мне в институте Мирон.

– Ну как тебе тусня?

Я ему:

– Супер.

А он:

– Другим тоже понравилось. Ольга Панюшкина просит ей что-нибудь такое же замутить. Скучно в кафешке сидеть, тупо жрать. Охота драйвить.

Ну и мы начали праздники устраивать. Сначала вдвоем пахали, потом людей наняли. У Мирона фантазия невозможная. Офигенно чумовые места находил. Старый троллейбус! Церковь закрытая. Мы в ней вампирский съезд забацали.

– Из-за чего вы подрались? – перебил парня Василий.

Роман надулся.

– Сказал ему: «Да, ты все первым придумал и вначале больше меня делал, но я уже давно наравне с тобой пашу. А денег имею меньше». Ну, и поспорили немного. Он мне врезал, я ему.

– Почему на Мироне была розовая футболка с именем «Ниночка» и парик с локонами? – спросил я.

– Не знаю, – удивился Очагов, – мы с ним подрались, потом остыли, помирились. Вечером тусню мутили. «Пир во времена Римской империи». Заказала одна девка, постоянная клиентка. У нас есть такие, которые по

четыре-пять раз в году веселятся, она из них. Все просто супер прошло, клиент, как всегда, доволен, гости тоже. Мирон мне деньги отдал, ровно половину от прибыли отсчитал. Я обрадовался, значит, равным признал, не зря мы дрались. Он потом сказал, что отдыхать собрался. Больше мы не виделись. Мирон фишку придумал: во время пира рабы ходят с мисками и на гостей золотую пыль сыплют. Чтобы я еще раз на эту примочку согласился?! Да никогда в жизни. Зараза липучая. Из одежды ее не вытрясти, с тела не стряхнуть. Гости сидели полуголые, мы тоже такие ходили, но я под тогу джинсы поддел. Так потом тряс их, тряс, стирал... Все равно блестят. В душе помылся, начал вытираться, а на полотенце блески.

Я закрыл ноутбук Василия.

– Думаю, вы уже поняли: мы ждем от вас честного рассказа. Основное, что нас сейчас интересует: куда могла спрятаться Нина? Только не надо говорить, что вы с девочкой совсем не знакомы.

Гремлин молчал.

Бурмакин стукнул кулаком по столу.

– Слышь, ты, идиот! Страхни с мозга золотую пыль! Мирона убили. Уби-ли! Понимаешь это слово? Кто-то взял тяжелый предмет, предположительно камень, и разбил твоему приятелю лицо. Эксперт мне сегодня сообщил, что Мирона напоили чаем с большой дозой снотворного. Соображаешь? Он спал! Когда парня лишили жизни, он не мог оказать сопротивление. Стен был в парике, в розовой футболке с надписью «Ниночка». Мирон щуплый, рост у него метр семьдесят. Нина в свои пятнадцать такого же роста, она худая, с фигурой мужского типа: плечи шире бедер. Дошло?

– Н-нет, – прозаикался Роман.

Борис встал и взял джеззу.

– Василий Федорович пытается объяснить вам: младший Стен погиб случайно. Лишить жизни задумали девочку. Сейчас расскажу вам историю.

Мой помощник вкратце изложил, что придумала Лапина, и продолжил:

– Давайте пофантазируем, как могли развиваться события. Некто знает, что затеяли Нина, Илья и Веня, более того, он в курсе: Лапина спряталась в избушке покойной бабушки Ильи. Но одной гимназистке там определенно страшно. Поэтому Лапина просит Мирона переночевать в доме. Она ни на минуту не сомневается: бабушка живо заплатит за нее выкуп. Вот только человек, который задумал лишить жизни девочку, понятия не имеет о том, что в избенке еще находится Мирон, которого напоили чаем со снотворным.

– Эксперт не сразу выяснил, что в желудке Стена было лекарство, – заметил Василий, – анализ времени требует, и о препарате я утром узнал. И представил себе картину. Ночь. В избе нет электричества, оно в деревне отключено. Убийца входит в комнату. Луна светит в незанавешенное окно, ее света хватает, чтобы человек не спотыкался, но деталей не разглядеть. И что предстает пред глазами преступника? Кровать. На ней на спине лежит девочка, белокурые локоны закрывают ее лицо. Но у киллера нет сомнений, что он видит юную Лапину. Прическа, футболка с надписью «Ниночка»... И на жертву опускается камень. Похоже, преступник отчаянно ненавидел Нину, он отправил ее на тот свет сразу, но тем не менее продолжал бить чем-то, похожим на булыжник, много раз. Потом ушел. Орудие убийства унес. В избе его не обнаружили.

Я молча слушал Василия. Он придумал версию событий, но, к сожалению, в ней есть несостыковки. Какие? Да хоть чай со снотворным. Кто дал его Мирону? Нина? Зачем? А если парень сам решил насыпать большую дозу лекарства в напиток, то по какой причине ему это взбрело в голову? Почему устроитель вечеринок натянул парик и оделся как Нина?

– Нам жалко сына Филиппа, – вновь подключился к беседе Василий, – но его уже не вернуть. Нина, вероятно, избежит смерти, если ты расскажешь что знаешь. Твое откровенное сообщение не стукачество. Это спасение жизни девочки.

Роман обхватил голову руками.

– О'кей. У них был роман. У Мирона и Бумагиной. А потом вокруг Стена Нинка завертелась...

Очагов говорил путано, останавливался, повторял уже сказанное, но в конце концов передо мной развернулась ясная картина.

Младший Стен в свои двадцать с небольшим не отличался постоянством в отношениях с девушками, легко укладывал в койку кого ни попадя. Когда Мирон познакомился с Ларисой, та на него впечатления не произвела. Пышечка Бумагина не во вкусе устроителя разудалых вечеринок, ему нравились костлявые девушки, типа супового набора, совсем без мяса. Но Лара оказалась прикольной, легкой на подъем, готовой по первому зову парня сорваться в любое место. Она обожала Мирона. А тот называл ее «зайка на замену». Некоторые фифы, которых Мирон водил в кино, кафе, услышав от него предложение: «Давай поднимемся ко мне, кофейку попьем», корчили рожи, с негодованием восклицали: «Я не такая. И не рассчитывай», а потом уходили. Мирон чесал в затылке и звонил Лариске, которая прилетала на реактивной тяге и с порога прыгала в постель к парню. Наивная Бумагина считала себя девушкой Стена и,

наверное, лелеяла мечту когда-нибудь выйти за него замуж. Но вслух о своем желании никогда не заявляла, вела себя идеально. Лара всегда сама расплачивалась за себя в кафе, спокойно могла погасить счет Мирона, не названивала ему каждые полчаса, не отправляла тучу эсэмэс с дурацкими сердечками и смайликами, не обижалась, если любовник опаздывал или вообще не приходил на свидание, старательно помогала при организации тусовок и не просила за работу больших денег. Идеальный вариант. Мирон относился к Ларе как к резиновой кукле. Появилась необходимость удовлетворить плотское желание? Отлично, вынимаем из коробки, а потом отправляем назад в шкаф. Роман не осуждал друга, он сам считал, что бабы созданы, чтобы ублажать мужчин, все остальное ненужные пуси-муси. Покупка цветов, подарков – глупости, придуманные работниками торговли. Всем девчонкам, которые четырнадцатого февраля обиженно гундосят: «Ты мне даже вялой розочки не подарил», Мирон конкретно отвечает:

– Я безумному Валентину Цветочнику не поклоняюсь.

Один раз приятель произнес фразу в присутствии Гремлина, тот заржал:

– О! Спасибки за идею. Я тоже так говорить стану.

Глава 21

Когда Роман впервые увидел Нину, он подумал, что той лет девятнадцать-двадцать. Высокая худая девушка, спокойная, неистеричная, неболтливая, говорящая только по необходимости, не употребляющая бранных слов, но способная вежливо-конкретно послать того, кто ей не по душе, не капризная в работе, не ленивая, пунктуальная... Так себя ведут лишь взрослые. Разве подростки такие? Гремлину и в голову не мог прийти истинный возраст новой подружки Мирона. Нина начала работать на тусовках, а Ларисе Стен врал, что с заказами плохо, их стало мало. Бумагину Мирон приглашал, когда Нина не могла уйти ночью из дома.

– Она живет с бабкой и отцом, – разоткровенничался один раз приятель. – Со старухой просто, Нинка ей вечером в кефир снотворное подольет и улепетывает. С отцом так не получится, он, если одновременно с матерью вечером пораньше зевать начнет, нехорошее заподозрит. Когда папахен дома, Нинка смирно сидит в квартире. Но мужик часто по командировкам носится.

Мирон рассмеялся.

– Бизнес большой основал, богатый теперь, умный вроде. А дурак. Они в пентхаусе живут, лифт свой. Ни отец, ни бабка не думают, что Нинка уйти может. Как ей это сделать, если внизу круглосуточная охрана? Секьюрити не выпустят девчонку на улицу. Ага! Да только все эти мудрецы забыли про аварийную лестницу, на случай пожара ее хозяин оборудовал. Если в здании огонь вспыхнет, подъемником ни в коем случае пользоваться нельзя, застрянешь в шахте и сгоришь. По ступенькам тогда хозяевам придется бежать, а они выходят не в подъезд, а ведут к маленькой двери в переулок. Лестница только для обитателей пентхауса предназначена, у остальных жильцов выходов на нее нет. Знамо дело, дверь внизу заперта. А где ключи? Так в шкафчике, который на стене у выхода привинчен. Когда пламя полыхнет, все к аварийке полетят. Ба! Связку-то не взяли! Где она? Пока искать станут, в дыму задохнутся. Чтобы этого не случилось, хозяин держит ключи у запасного выхода. Вот Нинка им и пользуется.

– Наверное, прислуга в доме есть, неужели никто не слышит, как Нина по коридору шастает? – удивился Роман.

– У тебя какая площадь квартиры? – вдруг поинтересовался Стен.

– У нас с мамой трешка, – гордо ответил Очагов, – сорок пять квадратов.

– Вот в вашей норе попугай ночью пукнет, а соседи проснутся, – заржал Мирон. – У Нинки пентхаус! В нем пара километров! Челядь, та, что не приходящая, дрыхнет на первом этаже, в помещениях, которые прилично от хозяйских удалены. Нинка на втором жила. Так она специально переселилась в другую комнату, которая прямо около двери на лестницу находится. Круто получилось. Отец скандал замутил, на Нинку навизжал, в пылу упрекнул ее, что игрушек у нее лом, а ей все новые покупают, что живет она в огромной детской. Нинка этим воспользовалась и переехала в маленькую комнатушку в тупиковом коридоре, там дверь есть, а за ней лестница пожарная. Заявила отцу:

– Ты прав, я тебя послушалась, буду жить в скромном месте.

Папенька клюв открыл, да захлопнуть пришлось.

Сам на дочь за здоровенную спальню и плюшевых мишек-заек слюной брызгал, крыть ему нечем было.

– Игрушки? – заморгал Роман. – Она чего, в кукол играет?

В глазах Стена промелькнуло беспокойство, но он заговорил спокойным голосом:

– Под игрушками я имел в виду шмотки, косметику...

Но у Гремлина на душе стало тревожно. Как-то раз, когда Нина развлекала гостей, Роман тайком залез в ее сумочку и в потайном, закрытом на молнию кармашке нашел пропуск в гимназию. На карточке было фото Нины, ее имя, отчество, фамилия, а главное, указывалось, какой класс она посещает.

Вот тут Гремлин перепугался по-настоящему и кинулся к Мирону со словами:

– Нинка нас обманула! Она малолетка.

– Знаю, – ответил друг.

Романа словно дверью по лбу стукнули.

– Ты в курсе, сколько ей лет?

Мирон кивнул, Очагов накинудся на приятеля:

– ...? На зону захотел?

– Не дрожи, все о'кей, – заверил Стен.

– Не смей с ней спать, – пошел вразнос Очагов, – нас посадят.

– Только меня, – развеселился Мирон, – не трясись. Я в любом месте выживу, повеселиться все любят, полицейские тоже. Хорош обсираться.

– Где ты ее откопал? – решил полностью войти в курс дела Гремлин. – Откуда розу к нашему берегу прибило?

– Случайно познакомились, – напустил туману друг, – она первая приставать начала. Ну я и подумал: почему нет?

– Идиот! – не выдержал Роман.

– Дурак дураком, а свои пять копеек в день всегда имею, – засмеялся Стен. – Все о'кей!

Но Гремлин ощущал большое беспокойство. У него был знакомый парень Федя, он жил в соседней квартире, по ночам бомбил на своей машине. Один раз водитель подвез девицу, которая вышла из ночного клуба. У пьяноватой пассажирки не нашлось денег, чтобы дать нелегальному таксисту. Красавица предложила расплатиться натурой, Федя, дурак, согласился. В самый интересный момент автомобиль открыл мужик, начал бить шофера. Выяснилось, что он папаша отвязной симпатяшки, которой... всего четырнадцать лет. Сначала Федька объяснял обозленному родителю, потом в полиции, что пассажирка сама ему предложила. А девчонка кричала:

– Нет, он меня изнасиловал!

Хорошо, что следователь попался понимающий. Семья Феди продала квартиру, заплатила несовершеннолетней, но ушедшей девице, дала денег полицейскому, сосед остался на свободе. Роман категорически не хотел влипнуть в похожую историю, поэтому он старался держаться подальше от Нины.

Когда вечеринка «Пир Римской империи» подошла к концу, Очагов увидел, что Нина и Мирон садятся вместе в машину Стена. Гремлин не выдержал:

– Вы куда?

– У нас планы, – загадочно ответил приятель.

– Какие? – не отстал Роман.

– Разные, – ушел от прямого ответа друг, а Нина нарочно засмеялась: – Едем в деревню Коклюшки, у меня там дом есть. В наследство достался. Суперская избушка, последняя на улице, и...

– Заткнись, – оборвал любовницу Стен.

Нина зажала рот рукой и начала икать.

Очагов сообразил, что девчонка хлебнула спиртного, и потерял последнее самообладание.

– Мирон! Не сходи с ума! Нинка в августе учится, ей на уроки надо.

– ...! – ответил Стен. – Я постоянно прогуливал, и ничего, жив.

– Бабка увидит, что Нинки утром нет, и устроит звон, – не успокаивался Гремлин, – в полицию побежит.

Ниночка показала ему язык.

– А вот и нет! Галина Михайловна в семь никогда не встает, я одна ухожу, не завтракаю. Никто меня до вечера не хватится, а к ужину я

вернусь.

– Домработница настучит, что тебя утром не видела, – нашел новый аргумент Роман.

– Так ее в семь нет, если папа в командировке, – парировала Нина, – удобный момент нам погулять. Старуха давно дрыхнет. Думает, что я в спальне. С утра она не поднимется. Окейки нам.

– Заткнись ты, – рявкнул Стен и завел мотор.

Девочка высунулась в открытое окно.

– Рома! Никому не говори, куда мы поехали. А то кто-нибудь еще припрется и весь кайф сломает.

– Кому вы, уроды, нужны, – обозлился Гремлин.

Нина противно захихикала.

– Если кто попытается нам кайф обломать, голову с задницей местами поменяю, – пообещал Мирон.

Парочка умчалась, Роман поехал домой.

Очагов очень хотел разбить пару Стен – Лапина. Он видел, что Мирон и Нина обнаглели, перестали бояться, что их поймают в койке. До сегодняшнего дня дуэт соблюдал приличия, открыто в машину Мирона Нина на глазах ни Ромы, ни кого-то из посторонних не усаживалась. Надо как-то разрушить противозаконные отношения, пока не случилась беда. Позвонить бабушке Нинки и анонимно сообщить ей, чем занимается внучка? Рассказать про ночные побеги по аварийной лестнице? Растрепать о ее работе на вечеринках? Сказать, что пятнадцатилетка давно не девственница? Заложить только Нинку, про Мирона не докладывать. Но как найти телефон старухи? Нужен хакер, который взлетит в клиентскую базу сотовых операторов. Очагов не знает имя-фамилию бабки. Лапина, как у Нинки? Ладно. А как звать тетку?

Утром Роме позвонила Лариска и засюсюкала:

– Котенок, где Мироша?

Очагов немного удивился, до сих пор Бумагина его по мобильному не беспокоила. Гремлин не предполагал, что у «зайки на замену» есть его контакт.

– Зачем он тебе? – буркнул Рома, которого давно бесило поведение натурщицы.

Ларка что, не понимает, за кого ее держит Стен? Не догадывается, какую роль исполняет при Мироне? На самом деле считает себя невестой устроителя тусовок? Все бабы точно дуры!

– Лена Петрова, преподша рисования, приехала из Милана, – закудахтала Лариска, – привезла на продажу суперские летние рубашки. Их

хватают вмиг. А я не знаю, какую Стен захочет, с птичками или с цветами? Телефон Мирка не берет. Рома, если он рядом, то спроси про сорочку. Одна есть синяя с павлинами, жутко красивенькая.

Очагов вскипел. Влюбленная кретинка решила купить подарок тому, кто ее ни в грош не ставит.

– Нет его здесь.

– Ой, ну куда он подевался, – застонала Бумагина, – сорочка прямо глаз не оторвать. В Москве такой нет. Ленка ничего оставлять не намерена, дала мне десять минут на размышления. Птицы или цветы? А? Рома! Где Мирошка? Он потом переживать будет, что без классной рубашки остался!

– С птицами, – процедил сквозь зубы Очагов.

– Вау! Ты Мирона нашел, – заликовала Лариска, – спасибо, лапуля, дай ему трубку!

– Нет его тут, – по слогам произнес Гремлин, – смылся.

– Зачем тогда про птиц вякнул? – удивилась Бумагина. – Вдруг хапну ее, а Мирончику она не по вкусу придется?

– Себе возьму, – ответил Рома, – давно такую хочу. Купи мне.

– Еще чего! – воскликнула Лариса.

– Не вредничай, – попросил Очагов, – деньги отдам.

– Тебе не по размеру, – фыркнула Бумагина.

– Мы с Мироном одинаковые, – огрызнулся Гремлин, – и у него, и у меня М.

– Ага! У Мирончика плечи широкие и «кубики», а у тебя мышц нет, пузо висит, – заржала Лариса. – Я не стану ради тебя стараться, Ленку упрашивать птичку мне отдать. С чего это я тебе одолжение делать обязана? Ты мне кто? Любимый, как Мирончик?

Кровь бросилась Очагову в голову, он до одури разозлился на Ларису, испытал колючую обиду и решил доставить дуре те же эмоции.

– Сейчас скажу, где и с кем твой обожаемый Мирончик! – заорал он. – Записывай адресок, лети туда. Сама его про дерьмо рубашонку спросишь. Заодно и с Нинкой посоветуешься. Он с ней собрался на море, малолетка тебе подскажет, в чем любовника на закате увидеть хочет!

– Вы сообщили Ларисе название села? – уточнил я.

Гремлин кивнул.

– И сказали, что дом крайний на улице? – задал свой вопрос Василий.

– Угу, – мрачно согласился Гремлин, – но я же не знал, что она его убьет. Думал, вопрется в избу, застанет Стена с Нинкой, драку затеет... Ну, рожу девке расцарапает... И предположить не мог...

– Всегда нужно рассчитывать на худшее, – сказал Борис, – если же

беды не случится, порадуешься, что зря опасался.

Глава 22

Не успела за Романом захлопнуться дверь, как Василий налетел на меня с вопросом:

– Что вы думаете, Иван Павлович?

– Футболка, – ответил за меня Борис, – странно.

– Объясните, – попросил я. – Что вас удивило?

Секретарь повернул ко мне ноутбук.

– Мирон, как и говорил Очагов, носил размер М, но он никак не мог натянуть вещь Нины. Девочка слишком высокая для своего возраста, очень худая. Подобные ей подростки делают карьеру на подиуме. Размер груди нулевой, руки как тростинки. Мирон же спортивный, с развитой мускулатурой, я уверен, что он регулярно посещал тренажерный зал. К розовой майке с надписью «Ниночка» пришит ярлычок с буквой М. Мы решили, что вещь принадлежит девочке...

– Кому же еще? – перебил Василий. – Цвет, надпись и эмка, маленький размер.

– Да нет, – возразил Борис, – есть S, XS. Нине скорее подойдет последний. Та футболка, которая в пору школьнице, будет мала Стену, он в нее в плечах не влезет, на груди у парня ткань треснет. Но гляньте на фото, майка ему по размеру. Она с большой долей вероятности принадлежит самому Мирону.

– После того, что Роман рассказал об отношениях друга с женщинами, у меня создалось впечатление, что Стен, мягко говоря, не испытывает трепета к прекрасному полу, – заметил я. – Очагов пришел в восторг, услышав, как Стен именует четырнадцатое февраля днем безумного Валентина Цветочника. Навряд ли парень, придумавший так назвать святого Валентина, наденет розовую футболку с именем «Ниночка». Ну все мимо. И цвет, и уменьшительно-ласкательная форма...

– Но его нашли в этой майке. И это, Иван Павлович, весьма странно, – продолжал Борис, – но майка не единственная странность. Филипп Стен.

– С ним что? – насторожился я.

Секретарь повернул ноутбук экраном к себе.

– У отца Мирона есть страницы почти во всех соцсетях, но только в одной он ведет рассказ о своей жизни. Куда, с кем ходил, какую книгу прочитал, спектакль посмотрел. На остальных интернет-площадках педагог ищет учеников, там другие фото и тексты, вот слушайте: «Стен Филипп

Эдуардович, родился в Великобритании, в городке Норбери. Родители: отец – Эдуард Стен, преподаватель колледжа в Оксфорде, мать – графиня Ольга Воронцова, русская. Свободно владеет русским и английским. Учился в Кембридже, там же защитил научную степень. Преподавал в Оксфорде. В середине девяностых похоронил престарелую мать, переехал в Москву по приглашению фирмы «Норд», его позвали обучать топ-менеджеров мове Шекспира. В столице он женился, стал отцом. В двухтысячном супруга скончалась от лейкемии. Более в брак не вступал. Сын Мирон служит актером, активно снимается в телесериалах».

Борис посмотрел на меня.

– Дальше идет рассказ о том, какой он прекрасный педагог, приведен список его учеников, которые легко поступили в лучшие университеты мира.

– Приврал чуток, – хмыкнул Василий, – Мирон ни одной роли не исполнил.

– Если б только это, – вздохнул Борис, – все ложь.

– Так, – протянул я. – И кто у нас папа Мирона?

– Федор Эдуардович Стентин, – сказал мой помощник, – хитрый жук. Странно только, что он не понимает: если кто-то захочет проверить его биографию и пошарит в интернете, то любая выдумка мигом откроется.

Борис встал, открыл жестяную банку и начал осторожно насыпать заварку в чайник.

– Мать Федора отнюдь не графиня, Мария Григорьевна Стентина уборщица в музее. Отца нет. Москвич Эдуард Стентин никогда не существовал. Отчество сыну Мария дала, так сказать, от фонаря. Ей показалось, что Эдик звучит очень красиво, намного лучше, чем Петя, Сережа, Саша. Учился Федя в школе на отлично, поступил в институт, преподавал в разных учебных заведениях английский язык и литературу. Решил найти побольше учеников, назначить высокую цену за урок и прикинулся англичанином.

Я взял из рук Бориса чашку, над которой поднимался ароматный пар.

– Стентин стал называть себя Стен. Как это случилось?

– Точно не отвечу, – смутился Боря, – в соцсетях он сообщает, что прибыл в Москву в середине девяностых по приглашению фирмы «Норд». С тех пор живет в России. Точка. Никто из родителей детей, если только они не фээсбэшники или эмвэдэшники, глубоко копать не станут. Люди вообще склонны верить тому, что в интернете написано. Господин Стентин ни разу на брехне не попался, наверное, он на самом деле неплохой преподаватель. Федор Стентин – Филипп Стен указан в метрике отцом

Мирона. А в графе «мать» ничего не стоит. И сведений о браке Стентина я не нашел. Ребенок от любовницы, которая не изъявила желания воспитывать малыша.

– Отлично. Филипп врун, – подвел итог беседе Василий, – не один год обманывает родителей учеников, выдает себя за этнического англичанина. До сих пор не попался, потому что реально хороший учитель. Ну и как эта информация поможет найти, где спряталась Нина? Мы ищем девчонку или хотим разоблачить мелкого лгуна?

– Занимаемся поисками девочки, – ответил я, – но поскольку Нина была в связи с Мироном, а парня убили, информация о том, что его отец пользуется чужой биографией, весьма полезна. Возможно, кто-то хотел наказать педагога за вранье, напал на Мирона и увез его. Нам надо поговорить с Ларисой и со Стентиным. Борис, добудьте мне их адреса и телефоны.

– Уже сделано, – ответил секретарь и положил передо мной лист бумаги.

Глава 23

– Василий, позвоните, пожалуйста, Филиппу-Федору, сообщите ему... – начал я.

– Нет, нет, нет, – испугался Бурмакин, – я не могу принести такую новость отцу. Иван Павлович, пожалуйста, сделайте это сами.

– Вася, тебе в дальнейшем не раз придется общаться с родственниками жертв, – вздохнул Борис, – надо научиться разговаривать с людьми в тяжелой ситуации.

– Не готов я сейчас к этому, – запаниковал следователь. – Ваня, будь человеком!

Я взял трубку домашнего телефона и позвонил.

– Алло, – ответил тихий женский голос.

Я откашлялся.

– Позовите, пожалуйста, господина Стена.

– Кто его спрашивает? – перешла на шепот незнакомка.

– Василий Федорович Бурмакин, – солгал я.

– Филипп не сможет подойти, – медленно ответила дама.

– Когда лучше позвонить? – продолжил я.

– Никогда, – всхлипнули в телефоне, – мой муж умер.

Я растерялся.

– Умер? Когда?

– Сегодня утром, – еле слышно уточнили на том конце провода, – инфаркт. Ночью ему стало плохо, «Скорая» супруга увезла, но врачи оказались бессильны. Вы, наверное, отец кого-то из учеников Фила?

– Нет. Следователь, – снова соврал я. – Простите, как вас зовут?

– Майя Капралова.

– А по отчеству?

– Не надо. Я не старая. Мне двадцать два года.

– Прошу прощения, но в документах господина Стена нет упоминаний о жене, – продолжал я.

– У нас гражданский брак.

– Учитывая ваш возраст, не вы мать Мирона, – произнес я.

– Нет! Стойте. Следователь! Что-то случилось? С Мироном?

– В морге сейчас находится тело молодого человека, – осторожно завел я, – у нас есть подозрение, что погибший – Мирон Стен. К сожалению, состояние трупа не позволяет провести его визуальное опознание, мы

надеялись, что Филипп Эдуардович...

– Вау! Его переехал поезд? Или он попал в камнедробилку? – воскликнула Майя.

В голосе ее звучала такая неприкрытая радость, что я опять на секунду потерял самообладание.

– Надеюсь, подонку было очень больно, – продолжала собеседница, – замечательная новость.

Василий начал чесать нос, Борис опустил взгляд.

– Могу сообщить адрес квартиры, куда мерзавец жить переехал, едва деньги зарабатывать начал, – вещала тем временем любовница Стена, – наверное, там найдется его зубная щетка, расческа с волосами, сделаете анализ ДНК. Очень надеюсь, что вы не ошибаетесь и он на самом деле сдох!

– Мирон чем-то вас обидел? – уточнил я.

– Меня не может оскорбить грязная свинья, – отчеканила Майя, – он пытался убить отца и меня. Я, вопреки его стараниям, жива. А Филиппа ему удалось на тот свет отправить.

– Господин Стен скончался сегодня, а его сын умер до того, как у отца случился инфаркт. Мирон не мог лишиться его жизни, – остановил я Майю.

– Ха! А кто довел Фила до сердечного приступа? Из-за кого мой любимый таблетки глотал? – закричала девушка. – Если хотите узнать правду о ..., приезжайте завтра, я этого ... лучше всех знаю. Он отца ненавидел! Он его на тот свет отправил. Сегодня я не могу с вами встретиться. Завтра. В десять утра. Всю правду про подлеца Мирона расскажу.

– Ну и ну, – протянул Борис, когда я положил трубку на стол. – Иван Павлович, вы прямо побледнели. От женщины такая густая волна ненависти летела, что она вас чуть с ног не сбила.

Слушал ее крик и одновременно исследовал закоулки соцсетей, пытаюсь выяснить, куда Нина спрятаться могла. Мы с вами прервали беседу о тех, с кем Нина дружит в интернете, я ее сейчас продолжу. Девочка хочет обрести друзей в Сети, но у нее это плохо получается. Похоже, в гимназии она не пользуется популярностью. Из одноклассников у нее в подписчиках всего один человек – Илья Рыбаков. Класс не очень дружный, там каждый сам за себя. Нина подписана на знаменитостей, на модные журналы, на магазины, где торгуют одеждой, косметикой. А ее в друзья мало кто зовет. Новостями, которые выкладывает она, интересуются уже упомянутый Илья, Мирон Стен, несколько девочек ее возраста из разных городов, классная руководительница, но та просматривает аккаунты всех своих

подопечных.

– Ответственная дама, – заметил я, – но наивно полагать, что подростки, зная о «недреманом оке», начнут откровенничать в Сети.

– Вы правы, – согласился Борис, – почитать их посты, так все ребята просто ангелы во плоти. В общей сложности на Нину подписано несколько человек. Из них активны четверо. Классная дама, которая регулярно оставляет напоминание о всяких школьных делах, Илья и несколько сверстниц из Ярославля, из Иванова. Они обсуждают модные новинки, телесериалы, эстрадных исполнителей. Остальные подписались, но никак себя не проявляют. Среди «молчунов» несколько тинейджеров из разных мест. Ну да я вам уже рассказывал о жизни Нины в Сети. Но! Интересный момент: одна из ее подписчиц спряталась за ником «Кошечка Хаврошечка». У нее на странице имен нет. В открытом доступе информация «Имя – Фая Стеклова, возраст – 16 лет. Город проживания Москва». Вся активность этой школьницы в закрытой зоне. Я сначала решил, что она из тех, кто подписан на Нику, но не ходит к ней. А потом вдруг вспомнил, где слышал сочетание Кошечка Хаврошечка. Да еще обратил внимание, что девочка Фаечка подписалась всего на двух человек: Нина и Вероника Стеклова. Зашел к последней, у нее все открыто...

– Почему мне знакомы все эти имена? – удивился я. – Фаина Стеклова, Вероника...

Борис потер глаза.

– Помните, я выяснил, что некая весьма активная дама пыталась обвинить Игоря Лапина в смерти своего зятя. Ее дочь заказала мужу в подарок картину «Кошечка Хаврошечка», и Егор вскоре умер, потому что художник спрятал в нее свою злую ауру и взял отравленные краски.

– Бред! – засмеялся Бурмакин. – Тетя тютю.

– Друзья Вероники об этом же ей писали, – кивнул Борис. – «Что за чушь!», «Покажи мать психиатру», «Если аура злая, то и ты должна была отравиться». И так далее. Никакого дела против Лапина не возбуждали, но поскольку Фаина ухитрилась дойти аж до самой верхушки МВД, с Игорем Андреевичем любезно поговорили. Владелец фирмы «Красота» показал сертификаты качества на все материалы, похихикал над своей ядовитой аурой, и госпожу Стеклову отправили лесом.

– Зачем ей понадобился аккаунт Нины? – недоумевал Василий.

– Наверное, хотела там найти какие-нибудь порочащие Игоря Андреевича сведения, – предположил я, – думала, что девочка может рассказать о семейных скандалах, тайнах.

Борис встал и достал из холодильника пузырек с глазными каплями.

– Через восемь месяцев после смерти мужа Вероника уехала жить на Мальдивы.

– Счастливица, – позавидовал вдове Василий, – океан, песок, фрукты.

Борис воспользовался лекарством и снова сел за ноутбук.

– Вдова вступила в права наследства, получила деньги в банке, сдала загородный дом, большую квартиру в центре Москвы, продала три новые иномарки, которые стояли в гараже покойника, и улетела. Обустроилась она на острове, который весьма популярен у россиян, купила гостиницу на двенадцать номеров и, похоже, счастлива. Постоянно демонстрирует фото своего отеля, зазывает клиентов... О! Вошел!

– Куда? – не понял я.

Секретарь потер ладони.

– Подумал, что Фаина Григорьевна могла отправлять Нине сообщения, и подобрал пароль к закрытой от посторонних части аккаунта Лапиной. Если внимательно почитать, о чем человек пишет в интернете, то рано или поздно догадаешься, какой шифр он использует. Уж сколько раз твердили миру: не пользуйтесь кличками домашних животных, годами рождения... Но не в коня овес.

– У Лапиных кошек-собак нет, – вставил свое замечание Василий.

Борис не обратил внимания на слова Бурмакина.

– Нина ярая фанатка сериала «Девушки моды», там несколько героинь, нашему подростку больше всех нравится Аманда, у нее прозвище Веник.

– Очень гламурно, – рассмеялся Василий.

– Я написал «Веник», не вошел, попробовал Venik, тоже мимо, – стал объяснять Борис, – прибавил к словам цифру 15, год рождения... Все не то. И вдруг меня осенило! Нина хорошо учится, но у нее проблемы с грамотностью, и я накропал «Венек». Подумал, она вполне могла это слово с ошибкой написать. И что? Русский вариант не подошел, а Venek открыл ворота. Я оказался прав. За некоторое время до исчезновения девочки Фаина Григорьевна принялась отправлять ей сообщения.

– Добрый вечер, извините, если помешал, – произнес Генри, появляясь в гостиной. – Ох! У вас, наверное, рабочее совещание. Но уже полшестого. Иван Павлович, Василий, Борис, вы же помните, что скоро придут гости?

– Конечно, – ответил я, – временно прерываемся. Борис, накрывайте на стол, пойду вино выберу.

– Что старуха девочке писала? – любопытствовал Василий. – Хоть намекните.

– Ее отец преступник, который убивает людей, в частности зятя Стекловой. В последнем письме она предложила Нине встречу, чтобы

открыть некую семейную тайну, – объяснил Борис, – завтра необходимо во что бы то ни стало пообщаться с госпожой Стекловой.

Глава 24

– Ваня, – кокетливо произнесла Николетта, – познакомь же нас со своей дамой.

– Друзья зовут меня Мотя, – улыбнулась Матрена.

Маменька поджала губы.

– Очень мило, деточка. Прелестное платье. Бархат великолепно подчеркивает ваши пышные формы и э... э...

– И бижутерия к наряду прекрасно подходит, – выпустила змеиное жало Анна, – вот только, на мой взгляд, эрзац-сапфиры слегка великоваты.

– Ну для фальшивых камней они очень милы, – нежно проворковала Николетта. – Как считаешь, Кока?

– Никки, дорогая, – завела закаятая подружка мадам Адилье, – молодой девушке позволительно повесить на шею стекляшки даже вечером.

– Боже! – всплеснула руками мать Генри. – Кока! Что ты говоришь! Это нонсенс! Суаре предполагает блеск лучших камней.

– Анетт, солнце мое, откуда у малышки деньги на бриллианты, как у тебя на шее? Ах, они прелестны!

Мамашка Генри расплылась в улыбке.

– Кока, так мило, что ты похвалила мелкий пустячок, который мой муж Густав подарил мне просто так. Без повода. Мы с ним поехали в Париж, вышли из отеля «Хайатт» на Рю де ла Пэ^[5]. Побрели тихим шагом, и вдруг Густав затащил меня в лавчонку и там купил эту ерунду. Пустячок, а приятно. словно букетик фиалок от супруга получила невзначай. Или шоколадку!

Подруга Генри потянулась к блюду с пирожными, но я, специально севший рядом с ней, был настороже и быстро шепнул:

– Нет. Не брать. Похвалить сладкое.

– Эклеры аппетитно выглядят, – живо сказала Мотя.

Я сделал быстрый жест рукой.

– Не откажитесь попробовать.

Матрена взглянула на меня.

– Теперь о диете, – шепнул я сквозь зубы.

– Теперь о диете, – повторила девушка.

Я кашлянул. Мотя оказалась не такой уж сообразительной, надо спасать положение.

– Ах, Матрена, понимаю, вы тоже пали жертвой моды на ограничение в питании. Но, думаю, красивой женщине, такой, как вы, нет необходимости подсчитывать калории.

Подошедший ко мне официант слегка наклонился.

– Дама хочет эклер, – произнес я.

– Спасибо, – проворковала возлюбленная Генри, взяв из рук официанта тарелку.

Я скрипнул зубами. Трудно объяснить человеку за час все тонкости этикета. Лично меня муштровали с детства, и то я подчас путаю нож для груши с тем, которым полагается резать банан. Чего уж тут ждать от Матрены, которой мы с Генри наспех попытались кое-что рассказать. Но разве можно предусмотреть все ситуации? Лакея не благодарят, посуду у него не берут. Необходимо опять спасать положение.

Я шутливо прикрыл рукой голову.

– Дорогая! Понимаю! Вы впали в гнев из-за моей не очень удачной шутки про диету. До такой степени рассердились, что, язвительно сказав мне спасибо, в порыве бурных эмоций выхватили тарелку у прислуги... Умоляю, не кидайте в вашего покорного слугу Подушкина эклер! Я готов встать на колени!

Быстро произнеся речь, я взял у Матрены тарелку, поставил ее на столик, подал Моте вилку и промурлыкал:

– Чтобы я чувствовал себя прощенным, съешьте пирожное.

Девушка схватила двузубец, воткнула в трубочку из заварного теста, подняла ее, откусила немалый кусок и начала азартно жевать.

– О-о-о! – простонал я. – Кока! Ну что за хулиганка, она меня теперь эпатирует дурными манерами! Не пользуется ножом для гато.

Подружка маменьки потрепала меня ладошкой по щеке.

– Вава! Сам виноват! Почему твоя дама вечером в бижу? Отчего ты не купил ей хоть замухрышистое кольцо? Обидно сидеть со стекляшкой на шее, когда вокруг дамы в украшениях с историей. Вот у Анны эгрет, который на аукционе продала графиня Орлова, ему много лет, он видел еще балы Наполеона.

Мать Генри поправила украшение, прикрепленное к волосам, торчащее из него большое перо затряслось.

– Ах, Кока! У тебя глаз – рентген!

– Не люблю штучки в локоны втыкать, – тут же пнула старую знакомую маменька, – они старческие, нафталиновые. Мне такие пока не по возрасту. Анетта, ты насколько старше меня?

– Никки, – рассмеялась мать Генри, – похоже, в России так и не

сделали пока хороших таблеток от болезней! Хочешь, пришлю тебе замечательное лекарство, которое пьет моя двадцатипятилетняя свекровь? Она тоже, как и ты, память потеряла, но препарат поставил ее на ноги. Душа моя, я моложе тебя на пять десятков лет. Недавно справила тридцатилетие!

Я искоса глянул на Генри. «Малыш» сидел с самым спокойным видом. Моя маменька сжала губы в нитку.

– Анетта, зайка, ты уже работала уборщицей у композитора Свистунова, своего первого мужа, которого отбила у законной жены, а я училась в третьем классе, каталась в отцовском имении на пони...

– Солнышко! Откуда в советской семье взялся пони? – подал голос Алексей Юрьевич, старинный приятель всего этого букета прекрасных дам со змеиным менталитетом.

– Леша! Я вспоминаю детство, которое прошло в родительском доме, – снисходительно пояснила Николетта. – Ах! Милое время! Крепостные девки летом под окнами поют! Папенька в карете!

Глаза Моти округлились.

– Сколько вам лет, госпожа Адилье?

Я незаметно ущипнул любимую женщину Генри за бок. Но поздно. Вопрос уже прогремел.

– Деточка, – снисходительно заметила Николетта, – увы и ах! Время не останавливает бег! Мне вот-вот исполнится тридцать!

Матрена вытаращила глаза.

– Но крепостное право отменили в тысяча восемьсот шестьдесят первом году. И Ване, ему... э... не тридцать, а больше. Так вы приемная мама Ивана Павловича?

Генри издал сдавленный смешок, я опять безжалостно ущипнул девицу, но та снова не обратила внимания на мои старания.

– Отвратительно запоминаю цифры, но про крепостное право отлично помню, потому что...

– Девочки, – резво перебил болтушку Алексей Юрьевич, – вы ошибаетесь, у Мусеньки настоящие камушки. Старинная брильяшечка. И сапфирики ей под стать. Матруся, полагаю, колье эдак века восемнадцатого? Платье вроде винтаж Ив Сен-Лоран, из его первых коллекций. Шарман, Мусенька, истинный шарман.

– ...потому что прапрабабушка Фанни постоянно мне рассказывала, как их крестьяне плакали и свободы не хотели. Вопили: «Барыня, не бросайте нас, погибнем мы, неразумные, без вашего господского присмотра». А кучер Софрон с моими прапрапредками все богатство

закопал, когда коммунисты наше имение жечь пришли, поэтому семья в эмиграции не нуждалась, – на одном дыхании выпалила Мотя, – у нас всегда были самоотверженные слуги.

Глава 25

Я опешил. Имение? Кучер? Матрена несла глупую отсебятину. В тщательно составленном мною сценарии вечера не было этого текста. Я придумал, как легализовать отношения Генри и Моти, и тщательно объяснил каждому участнику спектакля его роль. И какова канва пьесы?

Я организовал вечеринку для того, чтобы познакомить маменьку и ее юных бабушек-подружек со своей дамой сердца Матреной! А она, коварная! Увидела среди гостей Генри и влюбилась в него. Бархатное платье и украшения Мотя взяла по моей наводке напрокат в месте, где предоставляют костюмы для выхода в свет. Да-да, далеко не все дамы, чьи фото вы наблюдаете в гламурных журналах, явились на собрание в собственных платьях и своим золоте с камнями. Очень часто весь блеск и шик наемный. Знаменитостям фирма дает красоту напрокат даром, а те, кто богат, но не знаменит, отправляются в один малоприметный домик на тихой московской улице и получают платье от Шанель – Диор – Прада плюс браслет, кольцо, сумка, туфли... Конечно, придется заплатить, но сумма будет в разы меньше той, которую вы отдадите в Париже на улице Сент-Оноре или авеню Монтень, где расположены головные бутики самых известных фирм, в которых любит пастись моя маменька.

– Чей кучер прятал богатство? – заморгала Кока.

– У кого бриллианты с сапфирами восемнадцатого века? – вздрогнула Анна.

– Кто здесь Мусенька? – не сообразила Николетта.

Алексей Юрьевич встал, щелкая артритными коленями, приблизился к Моте, с кряхтением склонился, поцеловал ей руку и, сверкая слишком белыми имплантами во рту, пропел:

– Вот же она, Мусенька! Ах, хитруля! Прикинулась простой скромной девочкой, надела платьице вроде пустяковенькое, кольешечку по виду как бижущечку, топорно делает вид, что не знает, как себя с прислугой вести. А на самом-то деле! Мусечка совсем не такая. Моя любимая, ангел светлый! Детонька! У дяди Алеши прекрасная память! Я узнал твою хитрую мордочку.

Алексей Юрьевич повернулся ко мне:

– Ваняша! Тебя она тоже вокруг пальца обвела, да? Уж больно ты старался огрехи ее воспитания скрыть. Хе-хе! Влюблен наш Вава! Хе-хе! Ну так я Мусенькину игру порушу. Прощу любить и жаловать. Перед вами

Эжени-Матрена де ля Круа Курочкина. Графиня, чей род уходит корнями в истоки истории Франции и России. Если память мне, Мусенька, не изменяет, ваш прапрапра ну и так далее пра... состоял в друзьях у Карла Великого, короля франков. В имении вашего батюшки под Лондоном есть портрет короля и вашего... ну, скажем так, дедушки, кисти великого... э... подскажи, из головы имя выпало.

Матрена глубоко вздохнула.

– Леонардо да Винчи. Понятное дело, художник моего дедушку не знал, он его рисовал с медальона, который в семье хранился. Работа Леонардо широкой публике неизвестна, она никогда не покидала наш замок. Отец ни за что не согласится ее выставить.

– Конечно, Мусенька, – кивнул Алексей Юрьевич, – владельцы раритетов зарабатывают на показах принадлежащих им шедевров. Но зачем вашему батюшке деньги? Виктор владелец сети банков, заводов, ресторанов, он ведет международный бизнес, входит в список ста людей, которые, по мнению мировых экспертов, руководят планетой по имени Земля. Эжени вас окрестили по желанию Виктора, а Матреной по решению матери, красавицы Елизаветы Курочкиной, представительницы древнейшего российского дворянского рода. Матушка ваша, подари ей Господь здоровья на долгие годы, свято хранит и православную веру предков, и память о них. Матреной она назвала доченьку в честь первой княгини Курочкиной, о которой упоминается в летописи, как о благотворительнице, защитнице сирых и убогих. Благодаря маменьке ваша русская речь безукоризненна. Знаю, знаю, вы регулярно бываете в Москве по работе, Виктор мне часто звонит и говорит: «Позвони Моте, выпей с ней чайку», да все никак не получалось. И вот! Пришел день! Ах, Мусенька! Вы были прелестным ребенком, выросли в очаровательную девушку. Когда я вас на плечах катал, изображая кентавра, хотя вы, конечно, этого не помните, я делал так, – старичок начал мотать головой справа налево и издавать ужасающие звуки: – Фррр... Хррр... Фррр... Хррр...

Матрена вскочила и обняла его.

– Ах, господин Алекс! Разве можно вас забыть! Вы мне сейчас напомнили о минутах счастливого детства. Отлично помню вашего кентавра!

– Душенька, – всхлипнул Алексей Юрьевич, – Мусенька! Как же я рад вновь встретить тебя.

В комнате повисла тишина. Маменька, Кока, Зюка, Люка, Анна и все остальные дамы сидели с вытаращенными глазами и открытыми ртами. Я скосил взор на Генри, тот, пытаясь не расхохотаться, кусал нижнюю губу.

Борис, который стоял в коридоре и был не замечен никому, кроме меня, зажал рот рукой. Я же пытался сообразить, что происходит. Да, мы все – Генри, Матрена, Борис и я – старательно попытались выдать девушку за родовитую обеспеченную особу, которая сегодня влюбится в Генри и бросит меня. По нашим расчетам, Анна должна поверить в спектакль и разрешить Генри общаться с Мотей. Оцените предприимчивость господина Подушкина. Фамилия невесты Генри – Курочкина. А на Руси были когда-то такие дворяне. Я собрался рассказать о Матрене как о представительнице старинной аристократической фамилии, но, увы, давно обедневшей. Анне не очень нужна богатая невестка, у нее самой куры брильянтов не клюют. Главное, чистота крови и то, что Матрена не официантка. Правда, ноги у возлюбленной младшего Дюпре смахивают на пресловутые подставки для рояля, и сама она крепенькая. Но, учитывая столбовое дворянство, свекровь простит ей габаритность фигуры. Подозреваю, что госпоже Анне даже понравится корпулентность будущей матери ее внуков. Думаете, что мой обман мигом раскроется, когда Густав Дюпре решит проверить родословную Курочкиных? Ан нет! Копание в старых церковных книгах, куда записывали все крещения и венчания, дело долгое, кропотливое. В шестидесятые годы прошлого века, когда Никита Хрущев массово жег храмы, многие документы безвозвратно сгинули в огне. Но Курочкиным повезло. У Матрены будет бумага, подтверждающая дворянство. Откуда она возьмется? На тернистом служебном пути детектива я обзавелся разными знакомствами, подчас диковинными. Есть среди тех, с кем я изредка общаюсь, замечательный художник, он же каллиграф. Глеб Маркович быстро и ловко нарисует-напишет любой документ, из которого будет следовать, что вы прямой родственник королевы Виктории и посему имеете общую кровь со всеми царскими дворами Европы. Но теперь, похоже, фальшивые грамоты не нужны. Алексей Юрьевич, который из кокетства не желает носить очки, перепутал Матрену с некоей Мусенькой. Учитывая одинаковые фамилии, думаю, девушки дальние родственницы.

Послышалось громкое чавканье. Демьянка, воспользовавшись немой сценой, ретиво поела эклеры.

Первой опомнилась Николетта.

– Мусенька! Как мило! Ангел мой, когда у вас свадьба с Иваном Павловичем?

– Мы еще не решили, – быстро сказал я.

– Замолчи, – велела Николетта.

– Ваше кольцо восхитительно, – включилась в беседу Кока. – Живете в Париже?

– Нет. В городе Во-ле-Виконт, – лихо соврала Мусенька, – там была резиденция Жозефины. Замок, который ей Наполеон подарил, папа хотел купить, но мама его отговорила, сказала: «Хватит с нас ужасов каменных домов-крепостей, что ты на Луаре насобираешь».

Генри глянул на меня, я встал и пошел к двери.

Сзади раздался грозный рык маменьки:

– Вава, ты куда?

– Сейчас вернусь, – пообещал я, удаляясь из комнаты, чтобы дать возможность Матрене и Генри якобы завести роман.

– Сядь! – приказала Николетта. – Ухаживай за невестой.

Я попытался ускользнуть.

– Через пару минут.

– Нет, – отрезала Николетта.

– Никки, ты же не хочешь, чтобы мальчик надул лужу в гостиной? – рассмеялся Алексей Юрьевич.

– Леша, фу! – воскликнула Кока.

– Варум фу? – не сдался престарелый кавалер. – Что естественно, то не стыдно.

Я сделал шаг вперед и чуть не оказался сбит с ног своим отчимом Владимиром, который, держа наперевес сноп белых роз, вошел в гостиную с фразой:

– Николетта, дорогая, вернись ко мне!

Маменька округлила глаза. Владимир бросил к ее ногам роскошную шубу.

– Ах! Меха! – простонала Зюка. – Володечка, очень мило, но скучно. Манто у нас у всех полные шкафы. Хочется...

– Девчонки! – завопил Безумный Фред, входя в комнату. – Жженку делаем?

– Да! – радостно завопили светские дамы.

– А мальчиков не зовут? – обиделся Алексей Юрьевич.

Фред раскрыл объятия:

– Лешик! Ты первый из девочек! Будешь ром на сковородку лить. Ваня! Чего тухлый сидишь? Тащи изюм! Володька!

Муж маменьки молча удалился.

Фред погрозил ему пальцем.

– Вовка сова! Угрюмая! Девочки! Песню! Вава! За рояль!

– Я не умею играть, и музыкальных инструментов тут нет, – уточнил я.

– Щаз организую, – впал в раж Фред. – Борька, где кастрюли? Большие! Тащи сюда! И нужны расчески, папиросная бумага, бутылки

пустые, вода, карандаши. Девчатки! Кто в музыкальную школу ходил?

Генри поднял руку.

– Я.

– И я, – неожиданно вякнул до сих пор сидевший тише паучка Василий.

– Круть! – заликовал Фред и пропел: – Ля-ля-ля! Можете повторить?

– Ля-ля-ля, – на редкость фальшиво отозвались мужчины.

– Суперрисимо, – захлопал в ладоши Фред. – Вава, ты дирижер, Генри первый барабан.

Через некоторое время моя квартира стала напоминать павильон, где снимают фильм из жизни психиатрической клиники, из которой, бросив пациентов на произвол судьбы, сбежали врачи, санитары и охрана.

Генри что есть мочи бил ладонями по перевернутой здоровенной эмалированной кастрюле. Люка стучала карандашом по стоящим на подоконнике бутылкам. Их наполнили водой до разного уровня. Зюка, Кока, Мака сосредоточенно дули в расчески, завернутые в папиросную бумагу. Маменька, Анна и Матрена лупили кулаками по чугунным горшкам, в которых Борис обычно варит кашу и томит жаркое. Василий хлопал в ладоши, топал ногами, Фред на кухне варил адское зелье под названием «жженка». Я неоднократно пытался понять, из чего маменькин любовник составляет пойло, но всякий раз, когда он начинал лить в сковородку коньяк, водку, пиво, текилу, ром, ликер, сыпать туда изюм, курагу, крошить лук, у меня начинался приступ обратной перистальтики, то бишь тошнота, и я убегал прочь.

– Эй, музыканты! – заорал Фред, внося в комнату очередную емкость с напитком. – Еще по стакашечке?

Дамы бросили «инструменты» и столпились у стола.

– Спокуха, старухи, – приговаривал Безумный Фред, наливая половником в хрустальные бокалы жидкость ядовито-розового цвета, – всем хватит и еще на завтра, на опохмел останется. Ваня, рыси сюда!

Спорить с Фредом – это все равно что убеждать, стоя на путях, остановиться мчащийся на вас электровоз. Он железный, он ничего не видит, не слышит, не понимает...

– Дорогая! – раздался знакомый голос.

Все, и я в том числе, повернулись к двери. На пороге опять стоял Владимир, в руках он держал конверт. Мне захотелось надеть шапку-невидимку, жаль, она не существует.

– Володька! – обрадовался Фред. – Круто, что ты вернулся. Хватай жженку.

За спиной отчима послышался шорох, потом я увидел Бориса, который держал в руках огнетушитель. Мне стало смешно. Секретарь сообразил: сейчас вспыхнет вселенский скандал, и приготовился его тушить в прямом смысле слова.

– Николетта, – спокойно сказал отчим, приближаясь к маменьке, – вот, прочитай.

– Что это? – недовольно поморщилась госпожа Адилье.

– Просто посмотри, – попросил законный муж.

Николетта издала страдальческий вздох.

– Прямо сейчас?

Отчим кивнул. Маменька, на лице которой сидело картинно-страдальческое выражение, разорвала клапан, вынула листок, подержала его некоторое время перед глазами, потом кокетливо дернула плечиком.

– Вова! Убедительно!

Отчим согнул руку кренделем:

– Тогда пошли.

– Никки, ты куда? – закричал Фред.

Маменька, идя вместе с мужем к двери, не оборачиваясь, ответила:

– Пора внести некоторые коррективы в свою жизнь. Когда я вернусь, как-нибудь тебе позвоню, может быть! Прощай, дорогой!

Безумный Фред уронил на пол черпак.

– Никки! Не понял?!

Но отчим уже увел супругу в коридор.

– Держи ее! – заревел Фред и бросился следом.

Борис встал поперек проема и попытался не пропустить мужика. Безумный Фред ткнул моего помощника кулаком в живот, секретарь не остался в долгу и отвесил гостю оплеуху, началась потасовка, дамы завизжали.

– Господа, немедленно прекратите, – заныл Алексей Юрьевич, – мордобой не джентльменское занятие. Лучше вызвать человека на дуэль. Что за плебейская привычка затевать рукоприкладство, если тебе что-то не по нраву!

Я скинул пиджак. Делать нечего, придется разнимать «гладиаторов». Но я не успел принять насильственно-примирительные меры. Матрена со скоростью бешеной кошки схватила огнетушитель, направила раструб на Фреда... Туча белой пены разлетелась в разные стороны. Безумный Фред и Борис стали кашлять и отпустили друг друга.

– Шарман, дорогая, – воскликнул Алексей Юрьевич, – правда, твоя прапрапраматерь, чтобы прекратить боевые действия, кидала между

рыцарями свой платок. Поверь, ангел мой, такое поведение более женственно.

– А вот моя тетка княгиня Розовская всегда, когда ее муж Эндрю затевает за воскресным обедом ругань, хватает баллончик с дихлофосом и идет к буфету, крича: «Сейчас обпшикаю твой торт». Дядя отчаянный сладкоежка, он пугался и затыкался, – заявила Мотя, – согласитесь, женственный платок в этой ситуации никуда! Эндрю бы его даже не заметил.

– Душа моя! Где твоя тетушка в нужный момент дихлофос живо находит? – заинтересовалась Кока.

– Он у нее в шкафу с сервизами стоит, – пояснила моя «невеста».

– Неплохая идея, – протянула Зюка, – мой зять вечно спорит, что ни скажу, он против. Средство от тараканов можно применить как аргумент моей правоты.

Глава 26

– Вы следователь? – осведомилась темноволосая девушка, открыв дверь.

– Частный детектив Иван Павлович Подушкин, – представился я, – беседовал, госпожа Капралова, вчера с вами по телефону.

– Так вы следователь или нет? – напряглась Майя. – Я не разбираюсь в званиях: детектив, сыщик... кто там еще бывает? Сказали по телефону, что ищите того, кто убил Мирона?

– Верно, – согласился я, – буду благодарен вам за вашу помощь.

– Значит, следователь, – сделала неверный вывод Майя, – проходите в гостиную.

– Извините, что потревожил вас в момент горя, – произнес я, усаживаясь в кресло.

– От того, что стану рыдать, Стен не вернется, – вздохнула Майя, – я понимала, что он намного старше, но забывала, сколько ему лет. Фил был невысоким, мог спокойно влезть в мои джинсы. Если натягивал бейсболку, козырьком лицо прикрывая, ему говорили: «Мальчик!» Знала, что муж уйдет раньше меня, но не предполагала, что так быстро. Филиппа убил Мирон! Да! Сын ненавидел отца!

Я открыл рот, но Майя не дала мне слова произнести.

– Стен был со мной предельно откровенен. У нас существовали планы на совместную, счастливую жизнь. Я все-все про Фила знала. Во всем виновата Анастасия Сиротина! Мразь! И дети от нее подонки.

Я напряг память.

– Вы говорите о первой жене Игоря Андреевича Лапина?

– Да, – выкрикнула Майя, – гад!

Я вздохнул. Похоже, женщина находится в крайне нервическом состоянии, она зла на всех.

– Анастасия дрянь! – продолжала Майя. – Пакость!

– Вы хорошо знали эту женщину? – осторожно уточнил я.

– Вы что, видите перед собой ровесницу египетской пирамиды? – звилась собеседница. – Да Настька умерла сто лет назад. Так ей и надо!

– Не так уж и много годков с момента ее исчезновения прошло, – сказал я, – по словам Галины Михайловны, она удрала от мужа, потому что категорически не хотела заниматься маленьким ребенком.

– Конечно, – вспыхнула хозяйка, – она и Мирона бросила. Тварь.

– Мирон сын Анастасии? – удивился я.

– Да, – подтвердила Майя.

– Но в его метрике нет сведений о матери, – возразил я, – меня сей факт удивил. Иногда у младенца отсутствует запись об отце, мать не указана, как правило, у детдомовцев. А у Мирона есть папа, но нет мамы. Странно.

– В биографии Стена тоже не было супруги Майи, – передразнила меня девушка, – но вот я, сижу перед вами. Фиговый вы следовательно, Подушкин, если верите исключительно документам. Стен вообще-то не Стен и не Филипп. Он...

Я, слегка задетый словами «фиговый следовательно», перебил:

– Федор Стентин.

– И что вы об этом человеке знаете? – хмыкнула Майя.

– Только общие сведения, – после небольшой паузы ответил я и вынул айпад. Мать: Мария Григорьевна Стентина, уборщица в музее. Отца нет. Вернее, он, конечно, был, но по документам родитель Федора неизвестен. Учился в школе, поступил в институт, одно время преподавал в вузе, потом стал репетитором. Преподавателей английского языка в Москве пруд пруди. Стентин сообразил, что ему надо выделиться из общей массы, и решил прикинуться Филиппом по фамилии Стен. Педагог, который работал в Оксфорде, сам учился в Великобритании, намного более ценен на рынке труда, чем Анна Ивановна, хорошо знающая «московский английский». К чести Федора-Филиппа, он не отказался от Мирона, воспитывал его сам, не сдал в приют. Если, как вы утверждаете, Мирона родила Анастасия Сиротина, то почему она не записана как мать мальчика?

– Потому что она психованная, – процедила Майя, – Андрей Ильич Поморов Филу давно позвонил и сказал: «Связался ты с б..., на всю голову больной. Гони ее вон!» Поморов для Стена отцом был. Как он мог его послушаться?! Ну и послал ...! Бешеная. С такой опасно дело иметь.

– Поморов, Поморов, – повторил я, – тренер по борьбе Карефу?

– Ага, – кивнула Майя, – он своих учеников обожал, всем им помогал. Он подсказал Стену Настьку послать.

– Простите, не понимаю, – сказал я. – О чем речь?

– Не сообразительный следовательно, – фыркнула собеседница. – Туповат был Ваня бедный! Цитата из Достоевского.

– Из Александра Сергеевича Пушкина, – улыбнулся я, – произведение «Вурдалак». Только в оригинале процитированная вами фраза звучит иначе: «Трусоват был Ваня бедный; / Раз он позднею порой, / Весь в поту, от страха бледный, / Чрез кладбище шел домой».

– Рифмы нет, – теперь Майя разозлилась на солнце русской поэзии. – «Через кладбище шел домой». Не мог так Пушкин написать!

– Через кладбище, – поправил я. – Во времена Пушкина ударение ставили в этом слове не на «а», а на «и».

Майя вскочила.

– Раз ты такой умный, то сам во всем разбирайся. Вали отсюда! Надоел!

Я встал.

– До свидания.

– Эй, ты куда? – затопала ногами девица-красавица.

– Вы попросили меня удалиться, – спокойно объяснил я, – не в моих правилах навязывать свое присутствие.

– Мало ли, что тебе сказали, – впала в раж Майя, – сиди и слушай!

Проведя детство с юностью в окружении маменьки и ее подруг, я давно привык к тому, что настроение Николетты, Коки, Маки, Люки, Зюки и иже с ними меняется с калейдоскопической быстротой. Лет в семь я перестал изумляться, когда, принеся родительнице по ее просьбе чашку чая, слышал от нее слова: «Фу! Лучше кофе со сливками». Я просто шел на кухню, получал от домработницы другой напиток и мирно шагал опять в спальню матушки, предполагая, что сейчас она заявит: «Кофе расхотелось. Неси какао». И к посторонним дамам я толерантен, потому что понимаю: добрый Боженька создал прекрасный пол капризным, вредным, истеричным, чрезмерно эмоциональным и требовательным лишь по одной причине – он решил воспитать в мужчинах терпение. А кто я такой, чтобы спорить с Господней волей? В отношении очаровательных девушек любого возраста надо проявлять снисходительность и сдерживать свой гнев. Если я не буду раздражаться, на том свете под мой котел с кипящей смолой черти станут подбрасывать не самые толстые поленья. Но Майя перешла все границы. Понимаю, она только что потеряла любовника, нервничает, зла на весь мир, и поэтому я не услышу от нее ничего, кроме оскорблений.

– Сейчас же сядь на место! – орала мне в спину хозяйка. – Подонок! Гад! ...! ...! Позвоню твоему начальнику! Тебя выгонят! Следовательно дерьмовый! Хочу рассказать об убийстве.

Я остановился.

– Слушаю вас.

– А-а-а! – взвизгнула Майя. – Ха! Хочется все узнать? Медальку на грудь от шефа получить? Теперь попроси меня, чтобы объяснила! Становись на колени! Умоляй! Иначе вот тебе!

Майя сложила известную фигуру из трех пальцев и сунула мне под

нос.

Я молча двинулся на лестницу, захлопнул за собой дверь, вышел через минуту на улицу, хотел поспешить к машине, и тут что-то пролетело мимо моей головы и упало на тротуар. Я глянул на асфальт. У ног валялась бронзовая, очень старая, позеленевшая ступка, на ней виднелась надпись: «Олегъ 1862 г.».

– Надо вызвать полицию, – закричал мужчина, который шел по тротуару, – сумасшедшую бабу следует посадить. Еще и лыбится!

Я поднял голову и увидел вывесившуюся из окна Майю. Около меня притормозила женщина, которая миглом поняла, что случилось.

– Все мужики сволочи! Жаль не в голову она ему попала!

В ту же секунду стоявшая у подъезда «Газель» открылась, и оттуда невидимые руки начали выбрасывать упаковки с утеплителем, большие куски поролона, мешки с надписью «стекловата», похоже, кто-то в доме затеял масштабный ремонт. Гора мягких тюков росла на глазах, женщина переключилась на строителей:

– Весь тротуар зашвыряли! Людям через это дерьмо лезть?

– Сажать таких баб надо, – заголосил мужик. – Эй, паскуда, а если бы ты мне в голову железякой попала?

Майя сделала неприличный жест обеими руками, и... дальше события стали развиваться как в замедленном кино. Туловище скандалистки выехало из окна, через пару секунд девушка полностью вывалилась из него и стала падать. Проходящая завизжала, села на корточки и закрыла лицо руками. Мужчина шарахнулся к стене дома, я врос ногами в асфальт. Не потерял самообладания лишь не видимый ранее мне шофер «Газели», который выскочил наружу и принялся с бешеной скоростью сгребать в одну кучу то, что вышвырнул ранее. Я опомнился и бросился делать то же самое. Поверьте, времени все заняло пару мгновений, но мне показалось, что прошла вечность.

Тело Майи упало прямо в центр холма из утеплителей и поролона. Я ринулся к ней.

– Вы живы?

Большие глаза Капраловой не моргая смотрели в небо. По моей спине пополз ледяной озноб. И тут ресницы девушки дрогнули, она закрыла веки, шевельнула губами...

– Ура, – закричал шофер, который стоял на коленях с другой стороны от упавшей. – Вот ...! Парень, вызови «Скорую», моя мобила в машине.

Я вытащил сотовый, водитель тихо бубнил:

– Дура, вот дура! За фигом швыряться и злиться! И че теперь?

– Врачи едут, – сказал я.

– Ее надо поудобнее устроить, – заголосила тетка, – давайте под спину еще тючок подпихнем.

– Нет, – хором сказали мы с водителем, потом парень добавил: – Нельзя ее трогать. Вдруг позвоночник сломан, сделаем девчонку тогда на всю жизнь инвалидом.

– А так она простудится, – завизжала баба, – много ты понимаешь! Позвоночник! Врач, что ли? Тогда почему не в больнице, не в белом халате?

– Из двух зол – простудиться или на всю жизнь потерять возможность двигаться – следует выбрать первое, – отрезал я.

– Я в МЧС служу, – пояснил водитель, – нас обучили кое-чему. Сегодня выходной, поэтому я помогаю брату с ремонтом.

– Понятно, почему моментально сориентировались и не потеряли самообладания, – сообразил я, – повезло Майе.

Глава 27

– Сейчас сварю вам успокаивающий чай, – сказал Борис, услышав, что случилось у Капраловой.

– Не надо, – отмахнулся я.

– У вас вид совсем не радостный, – заметил секретарь.

– Редко вижу, как из окна девушка вываливается, – пробормотал я. – Не привык к такому. Пойду приму душ. А вы пока соединитесь с Бурмакиным и сообщите ему, что произошло. И, пожалуйста, заварите крепкий чай, нормальный, без всяких добавок вроде мяты. Выйду из ванной и выпью.

Отдав распоряжение, я пошел в ванную, встал под душ, закрыл глаза и попытался привести себя в порядок. Если я не подвержен истерикам, то это не означает, что я в эмоциональном плане деревянный болван, вырезанный из цельного куска дуба. Да и кто сохранит полнейшее душевное равновесие, если на его глазах из окна выпадет человек?

Я вылез из ванны, вытерся полотенцем, оделся и вышел в коридор.

– Иван Павлович, – донесся издали голос Бориса, – Иван Павлович...

Мои веки распахнулись, я удивился. Лежу на диване в кабинете, в брюках и рубашке, прикрыт тонким пледом, под головой подушка. Но ведь только что, приняв душ, я направился в коридор. Что за чудеса?

– Иван Павлович, – повторил секретарь, который стоял около софы, – пришел Василий.

Я приподнялся.

– Бурмакин?

– Да, – подтвердил Борис, – он уже давно тут. Мы не решались вас разбудить.

– Который час? – заморгал я.

– Восемь, – ответил помощник.

– Вечера? Утра? – не сообразил я.

– День клонится к закату, – поэтично высказался Борис. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Нормально, – покривил я душой.

Не стану рассказывать секретарю, что совершенно не помню, как очутился в кабинете.

– Вы вышли на кухню, – продолжал Борис, – сделали глоток чая,

дальше пить не стали, сказали: «Пойду поработаю, когда Вася приедет, скажите мне» – и удалились. После появления Бурмакина я зашел в кабинет, а вы спите. Не решился вас будить, но сейчас подумал, что... уж извините.

– Все правильно, – кивнул я, – впервые меня так посреди дня сон свалил.

В кабинет всунулся Вася:

– Она жива! В смысле Капралова. Перелом таза, лодыжки, сотрясение головного мозга, но у доктора оптимистичный прогноз. Травм жизненно важных органов нет, ей просто больно.

– Бедная девочка, – вздохнул я, – чувствую вину за ее падение. Я, взрослый мужчина, разозлился на юную особу и ушел, бросив ее один на один со своими эмоциями. Следовало остаться, тогда Майя не вывалилась бы из окна.

– Ваня, она тебя убить хотела! – возмутился Василий. – Какое, к чертям, чувство вины? Сверзилась из-за собственной глупости и злости. По делам и награда. Подушкину повезло, что ему по макушке ступкой не влетело. Иначе лежать бы тебе, Ваня, сейчас в морге, а нам с Борей венки и гроб покупать.

Я поднял руку:

– Василий! Не стоит преувеличивать.

– Бронзовая ступка, падающая даже со второго этажа, становится подобной пушечному ядру, – встал на сторону Бурмакина секретарь. – Зачем она Майе?

– Ступка? – уточнил Василий. – Ты не знаешь? В ней толкут всякое разное. Сейчас их делают из пластика, металлокерамики. А в прежние времена в ходу были глиняные, деревянные, фарфоровые. Материал, из которого сделана утварь, имеет большое значение.

– Почему? – удивился я. – И зачем она вообще современной хозяйке, у которой на кухне есть миксер?

Вася и Борис переглянулись.

– Упомянутый вами прибор взбивает ингредиенты, – пояснил секретарь, – например, белки. С помощью ступки и пестика мы их растираем, толчем.

– Легче пользоваться миксером, – возразил я.

– Ты сможешь взбить сахар вместе с листьями мяты? – спросил Вася.

– Наверяд ли, – пробормотал я.

– А в ступке получится, – улыбнулся Борис. – Многие хозяйки думают, как вы. Указано в рецепте: разотрите желтки с сахаром. А женщины их

миксером взбивают, потом за голову хватаются: почему песочный пирог в крошево превратился! Наверное, рецепт неправильный. Да нет, руки у хозяйки локтями вперед пришиты. Растирать, не взбивать. Глаголы не синонимы.

– Факт присутствия ступки в доме Майи говорит, что она была хорошей хозяйкой, – подхватил Вася, садясь в кресло, – у меня тоже такая есть.

– Бронзовая? – уточнил Борис.

Бурмакин положил ногу на ногу.

– Нет, пластиковая конкретно не годится. Фарфор лучше всего.

– Почему? – снова не сообразил я.

– Материал имеет принципиальное значение, – начал вещать Василий, – фарфор нейтрален, в него можно и уксус налить, и лимонный сок. Глина нет. И дерево реагирует с тем, что в нем лежит, а бронза и вовсе...

Бурмакин притих.

– Что не так с металлом? – поторопил я следователя.

Вместо него к разговору присоединился Борис:

– Бронза очень капризна, придает особый привкус многим продуктам, кое-какие может испортить и даже отравить. Ступки из этого материала используют гомеопаты, те, кто готовит лекарства.

– Думаю, таких не осталось, – возразил я, – травники выписывают пациентам капли и таблетки, которые покупаются в специализированных аптеках. Хотя, возможно, какие-то древние старухи-знахарки еще мнут пестиком листья...

– Знаю одного врача, – сказал Борис, – и он совсем не стар, пятидесяти не исполнилось.

– Забудем про ступку, она нам не нужна, – остановил я разговор, – давайте по делу. Борис, пока я ехал домой, передал вам содержание своей беседы с Капраловой. Разговор вышел не очень информативный, но слова о том, что не всегда можно верить документам, меня задели.

Секретарь слегка смутился:

– Когда я понял, что вы спите, позволил себе бестактность, прослушал запись разговора с девушкой, которую вы сделали на диктофон. Без спроса взял устройство из вашей сумки.

– И правильно, – похвалил я помощника. – Имеете что-то сказать по данному поводу?

И тут у Василия зазвонил телефон.

– Привет, Юрка, – обрадовался Бурмакин, – так, так, так! Ты уверен?

Спасибки. Если еще чего узнаешь, звякни. Непременно.

Следователь положил сотовый в карман.

– Вы сейчас рухнете, когда узнаете, что я от Юрки услышал! Свалитесь как подкошенные.

– Кто такой Юрий? – поинтересовался я.

– Друг мой, – пояснил Василий, – учились вместе на юрфаке. Он тоже на земле брюки протирает. Ему поручили разобраться с делом Капраловой.

– Со мной на месте событий беседовал полицейский по имени Юрий Леонидович, – вспомнил я.

– Леонтьевич, – поправил Василий, – Вакин.

– Он мне визитку дал, попросил завтра перезвонить, – продолжал я.

– Патологоанатом считает, что Майю выкинули из окна, – выпалил Бурмакин.

– Придет же в голову такая чушь, – поморщился я, – твой приятель подозревает меня? Да только у меня стопроцентное алиби. Когда Капралова падала, я с водителем формировал гору из утеплителя, поролона и мешков со стекловатой. Нас видела женщина, она тоже подтвердит, что, когда я стоял на тротуаре, Майя была полна сил, она в меня ступку швырнула! Понимаю, очень хочется раскрыть дело по горячим следам, умыть руки и приняться за другую работу. Но эксперт ошибся.

– Ну, он недавно работает, – протянул Бурмакин, – не очень опытный. Криминалист уверен, что в момент, когда Капралова перегнулась через подоконник и стала, по твоим словам, кричать ругательства, кто-то быстро схватил ее за щиколотки и толкнул вперед. Майя сильно вывесилась из окна, много усилий, чтобы спихнуть ее, не понадобилось. Эксперт съездил в больницу, осмотрел девушку. У нее синяки на щиколотках. Ваня, ты уверен, что в апартаментах никого, кроме вас, не было?

– В квартире стояла тишина, – пробормотал я, – хозяйка здорово нервничала, она пожаловалась, как ей тяжело находиться в одиночестве, когда умер гражданский супруг. Но я не заглядывал в другие комнаты, сколько их в квартире, не знаю, помещение определенно большое. Майя из прихожей провела меня в столовую по длинному коридору, более я нигде не бродил. Может, в квартире и спрятался человек. Но зачем ему лишать жизни Капралову?

– Ответа пока нет, – сказал Борис. – Зато есть кое-какая информация по тренеру Поморову. Когда о нем говорила Галина Михайловна, это не показалось мне важным. Ну вспоминает женщина, как ей повезло устроить ребенка в бесплатную секцию. И что? Слова Лапиной лично я воспринял как очередной повод похвалить сына – образцового, гениального мальчика.

– Так же к ее словам и я отнесся, – кивнул я. – Но когда чье-то имя всплывает в расследовании пару раз из нескольких уст, то это повод обратить внимание на Поморова.

Глава 28

– Говори, – велел Бурмакин.

– Кто-нибудь из вас слышал о борьбе Карефу? – поинтересовался Борис.

– Нет, – сообщил Василий, – подозреваю, Ваня может о ней доклад сделать, Подушкин тьму книг прочитал.

– Боевые искусства не мой конек, – признался я, – имею лишь расплывчатые знания по данному вопросу. И меня никогда не увлекал ни Древний Китай, ни Япония прежних веков, ни Индия, я не изучал религии Востока. Мне ближе Европа, Египет...

– Там тоже ловко дрались, – засмеялся Василий.

– Карефу родилась не в монастыре, – пустился в объяснения Борис, – ее, как и самбо, придумали в России. Самбо расшифровывается «самооборона без оружия». Сам б о. Отцы-основатели – Анатолий Харлампиев, Василий Ощепков, Виктор Спиридонов. Они создали новый вид спорта, подняли его на большую высоту, в СССР сотни тысяч людей занимались самбо, его использовали спецслужбы. Наверное, Андрей Поморов, разработавший Карефу, хотел повторить их успех...

– Стоп, – скомандовал я. – Речь об Андрее Поморове? Тренере Игоря Лапина?

– Да, – кивнул Борис, – Поморов начал набор в первую группу Карефу давно. Занятия проходили сначала в одном из залов большого спорткомплекса. Андрей Ильич брал подростков, мальчиков-девочек с семи до шестнадцати лет. Не могу в подробностях сообщить о Карефу, о ней мало сведений в интернете. Есть упоминания о нескольких соревнованиях в Москве. Как я узнал про зал в спорткомплексе? Из газеты тех лет, которая существует до сих пор и постаралась оцифровать весь свой архив. Репортер сообщал не о тренере и его учениках. Слушайте. «Сейчас постоянно пишут, что детям из малообеспеченных семей закрыта дорога в спорт. Всё платно. Очень дорого. Но это не так. В крупном центре оборудован зал для бесплатных занятий борьбой Карефу, которая исправляет осанку, придает бодрость, учит терпению и преодолению трудностей. Наш корреспондент взял интервью у одного юного спортсмена – Федора Стентина. «Федя, тебе нравится заниматься борьбой? – Да, очень. – А почему ты выбрал Карефу? – Она интересная. И денег не надо платить. У мамы лишних рублей нет. – Чем тебя привлекла борьба, расскажи подробно. – У нас очень

хороший тренер. Он как отец, многому меня научил. Я всегда хочу быть с ним. – Ты хорошо учишься? – Раньше получал тройки, но теперь, когда меня взял в команду Андрей Ильич, в дневнике только четыре и пять. Тренер говорит: «Твоя цель – получать только отлично!» – Ты не хочешь огорчать Поморова и поэтому стараешься? – Да!»

– Стентин ходил на занятия Карефу, соответственно, он мог знать Игоря Лапина, – предположил я.

– Сомневаюсь, – возразил Борис, – у них большая разница в возрасте, пареньки не могли пересекаться.

Я взял листок бумаги и начал чертить на нем схему.

– Что нам известно? Игорь Лапин, мальчик, который рос без отца, занимался Карефу в секции, которой руководил Поморов. Галина Михайловна отдала сына туда, чтобы тот не болтался один на улице, пока она пытается заработать на жизнь. Андрей Ильич следил за пареньком как отец родной, но он умер, когда мальчик оканчивал школу. Игорь поступил в художественный вуз. Кстати, в какой?

– Училище имени Ровенского, – тут же ответил секретарь, – платное заведение, существует до сих пор, у него хорошая репутация. Берет не так много студентов, готовит художников, декораторов, специалистов по стеклу, керамике.

– Мальчик получил должное образование и начал заниматься бизнесом, – продолжил я, – рисовать картины для выставок не стал. Наверное, понял, что живописью не заработаешь. Даже маститому художнику нелегко продать свои творения, а начинающий и вовсе никому не нужен. Когда заработала фирма «Красота»? Ну-ка, гляньте.

– Официально зарегистрировалась пятнадцать лет назад, – ввел меня в курс дела секретарь, – но Лапин мог выполнять заказы и раньше.

– В год появления на свет Нины, – заметил я, – Игорь был совсем юный, он студент второго курса училища.

– Лапин рано начал орудовать кистью и карандашами, – стал фантазировать Бурмакин, – оброс клиентами, получал гонорар в конвертике. Очень удобно, никаких налогов. И офис ему не требовался, у мольберта можно дома стоять.

– Когда Игорь ходил в выпускной класс, Галина Михайловна была скромной медсестрой, маленькая семья жила в типовой двухкомнатной распашонке, – уточнил Борис. – Единственное достоинство квартиры – ее месторасположение, жилье находится в районе метро «Динамо». Дом, в котором обитали Лапины, стоял по соседству с кооперативом художников. На простое здание, где жил незнатный народ, от соседей падал свет

элитности. Мальчик отличник, спортсмен, талантливый живописец в придачу. Вот вам фото Игоря в выпускном классе. Лапин второй в первом ряду.

– Его поставили среди девочек, – засмеялся Василий, – и он ниже некоторых учениц. И тоще их. Хорош спортсмен. Где мускулы? Мышечная масса?

– Возможно, Карефу нечто сродни йоге, – предположил я, – поэтому бойцы маленькие.

– Стентин тоже был невысоким, – отметил Борис, – в соцсетях он старался не выкладывать фото, где он был снят рядом с мужчинами. Наверное, комплексовал из-за маленького роста.

Я потер рукой затылок, в который словно воду налили.

– В начале нашей беседы Майя уже злилась, она встретила меня совсем не любезно, но все же попыталась вести разговор, бросила фразу: «Я знала, что Стен намного старше меня, понимала, что он раньше уйдет. Но забывала, сколько ему лет. Фил был невысокий, мог спокойно влезть в мои джинсы. Если муж натягивал бейсболку, прикрывал козырьком лицо, ему говорили: «Мальчик».

– На фото гляньте, – повторил Борис, – репетитор мал ростом, щуплый. Кстати, Наполеон вытянулся всего на метр шестьдесят восемь, а стал императором, покорил много стран, за ним бегали красивейшие женщины Европы. Но нас интересует Игорь. Снимок сделан на выпускном вечере, на память о школьных годах. Все приоделись в соответствии со своим вкусом и кошельком.

– Девчонки ужасны, – скривился Василий, – жирные! Нацепили мини-платья с вырезами, откуда грудь вываливается, на голове тупые кудряшки, макияж ужасающий. Встретишь такую красаву поздним вечером на улице и убежишь. Мальчики намного лучше, они хоть не пузатые. И костюмы-туфли у них приличные.

– Вот-вот, – кивнул Борис. – А что на Игоре? У пиджака короткие рукава, брюки, наоборот, лежат гармошкой на ботинках и, если увеличить изображение...

– Брюки от другой костюмной пары, – сообразил Василий.

– У Галины Михайловны не хватило денег на обновки, – вздохнул я. – В верхнюю часть своего давно купленного костюма подросток кое-как влез, а брюки ему кто-то подарил.

– Или в секонд-хенде взяли, – высказал свое предположение Василий, – и штиблеты не айс. Лето на дворе, все в легких туфлях, а Игорь в ботинищах на «тракторной» подошве.

Борис подвигал мышкой.

– Какой вывод о материальном положении семьи можно сделать, глядя на одежду Игоря?

– Оно аховое, – грустно сказал я, – и мальчик явно недоедает, он бледный, с синяками под глазами.

– Нет у них лишней копейки, – согласился Василий.

– А вот вам Лапин через полгода, – объявил секретарь, – он уже студент. В училище устроили Новый год, во время которого чествовали отличников, им всем вручили грамоты. Игоря не обошли вниманием. Он на первой сессии не получил ни одной четверки. О церемонии награждения лучших учащихся написала студенческая многотиражная газета, она существует до сих пор, но теперь выходит не на бумаге, а в интернете. У издания есть архив, вбиваете в строку поиска «Игорь Андреевич Лапин» и получаете все снимки юноши.

– Другой человек, – удивился я.

– Рост и вес остались прежними, – тут же заспорил Бурмакин.

– Согласен, – мирно произнес я, – но остальное! Костюм за немалые деньги, обувь безукоризненная, рубашка выше всяких похвал, волосы уложены, похоже, старательный студиозус смотался перед мероприятием в парикмахерскую.

– Это еще не все, – потер руки Борис, – на втором курсе Игорь официально открывает фирму «Красота», как правильно заметил недавно Вася: у мольберта можно и дома стоять. Игорь, наверное, так и поступил. Судя по документам налоговой, в первый год парень почти ничего не заработал.

– Немудрено, – согласился я, – бизнес сразу не раскошегаришь.

– Но потом начался удачный период, – продолжил Борис, – денег Лапин стал получать много, снял небольшой офис и энное количество лет в нем существовал. Живут Лапины по-прежнему в двушке, не шикают. Похоже, Игорь весь профит вливает в фирмы. У амбициозного парня, наверное, планы покорить мировой рынок. Но пока ему приходится руководить малым количеством сотрудников. И вдруг...

Из глубины квартиры послышался тихий, но противный писк. Так звонит будильник, вроде совсем негромко, но въедливо до дрожи, этот звук непременно поднимет вас с кровати.

– Программа подбора информации по одной фразе что-то накопала, – обрадовался Борис и убежал со словами: – Сейчас вернусь.

– Какая программа? – не понял Василий.

– Лучше не задавай мне сей вопрос, я компьютерный идиот, –

признался я, – могу лишь имейл отправить.

Глава 29

– Что такое «подбор по фразе»? – поинтересовался я у Бориса, когда тот вернулся.

– Сейчас объясню, только закончу с Игорем, – кивнул секретарь. – Спустя несколько лет парень открывает большой офис через два здания от родного дома.

– Недешево ему пришлось платить за аренду, – удивился я, – мог бы найти место попроще, на окраине Москвы.

– Лапин не снимал помещение, – уточнил секретарь.

– Он его купил? – поразился я. – Живя с мамой и дочкой в маленькой квартирке, накопил на квадратные метры?

– Нет, – снова возразил Борис, – денег ему платить не пришлось.

– Кто-то пустил начинающего бизнесмена бесплатно? – задал свой вопрос Василий. – У студента нашелся милосердный меценат?

– Нет. Есть еще варианты обретения нежилого помещения даром? – прищурился мой секретарь.

– Теряюсь в догадках, – признался я.

– Проще некуда, – улыбнулся Борис, – вы забыли про наследство.

– Так у них с матерью родственников нет, – заморгал Бурмакин, – сам говорил: никто Галине Михайловне помочь не мог, она одна сына тянула.

– Лапин получил немалое количество метров на первом этаже дома, где располагались мастерские художников, – растолковал Борис, – помещения в том здании на бумаге считаются нежилыми. То есть живописец должен там только работать, но почти все пейзажисты-портретисты превратили студии в свои квартиры. В одной мастерской разместилась спортсекция Карефу.

– Секундочку, – остановил я Бориса, – я отлично помню, как Галина Михайловна рассказывала, что, желая пристроить куда-то мальчика, повела его в большой спорткомплекс у дома. Все занятия там оказались платными. Галина приуныла, и вдруг! О радость! Секция Карефу, где с Лапиной не взяли ни копейки.

Борис взял ноутбук.

– Все верно. При жизни Поморова борьбой занимались в спорткомплексе. Спустя некоторое время после смерти создателя единоборства Карефу стал преподавать Ершов Павел Юрьевич. Вот он устроился в доме живописцев. Иван Павлович, давайте перейдем в

столовую, поесть пора.

– Да, да, да, – засуетился Василий, – соте из баклажанов! Я его дома сделал и с собой принес. Сейчас достану кастрюльку.

Мы переместились в соседнюю комнату, Бурмакин начал бегать вдоль рабочей поверхности кухонной зоны, а Борис плавно рассказывал:

– Вначале мастерской в здании, где селились художники, владел Поморов Андрей Ильич.

– Так, – протянул я, – все интереснее и интереснее.

– Тренер получил студию по завещанию от своего отца, известного советского баталиста Ильи Андреевича Поморова, и незадолго до своей смерти продал ее Павлу Юрьевичу Ершову. А тот тоже преподавал Карефу, возможно, был учеником Поморова и сделал в мастерской спортзал, – сообщил мой помощник.

Я взял вилку.

– Ешь ложкой, – приказал Василий, – соте в чумовой подливке.

– Восхитительно, – воскликнул я, попробовав яство. – Вася, может, тебе в повара пойти?

– Это хобби, – надулся Бурмакин, – я отдыхаю, расслабляюсь, когда вожусь с едой.

– Пока понятно объясняю? – заботливо поинтересовался Борис.

– Структурирую информацию, – сказал я, – секцию Карефу основал Поморов. К нему, судя по интервью в газете, ходил заниматься Федор Стентин, ставший впоследствии «англичанином». А потом, спустя время, к Андрею Ильичу пришел Игорь Лапин. Ребята посещали спортцентр. Но, как сейчас выяснилось, у Поморова была большая студия, наследство от отца. Зачем тратить деньги на аренду, если имеешь собственные квадратные метры?

Борис взял кусок хлеба.

– Понятия не имею. Поморов умер, а где-то через год после его смерти Ершов, который обрел по милости Андрея Ильича мастерскую, открыл в ней свою секцию. Павел Юрьевич завещал недвижимость Игорю. Фирма «Красота» на тот момент уже расширилась. Став обладателем недвижимости, сын Галины Михайловны перебрался на новое место.

– Удачно получилось, – протянул Василий, – у меня приятель начал торговать замками...

– Ну это он зря, – покачал головой Борис, – в России не так уж много людей, способных купить огромное старинное здание, и они требуют, как правило, масштабного ремонта.

– Какие, на фиг, крепости, – фыркнул Вася, – я веду речь про дверные

замки. Ясно же сказал: «замки2».

– Извини, плохо расслышал, – смутился секретарь.

– У Петьки сначала все хорошо пошло, – зачастил Бурмакин, – народ прямо сметал товар. Петруха решил магазин расширить, но аренду не потянул, безбашенные деньги владельцы квадратных метров требуют.

Борис поднял руку:

– Я не закончил.

– Одного не пойму, – снова перебил его Василий, – ну покопались мы в истории Карефу, услышали, как Лапин сначала дома малевал картинки, затем наследство заполучил, и что? Как нас все это может привести на место, куда Нина спряталась?

– Продолжаю, – спокойно сказал Борис, когда Бурмакин замолчал.

И тут у Василия опять затрезвонил телефон. Горе-следователь схватил трубку.

– Да. Уверен? Не ее? Точно? А чьи? Ага, ага. Понял. Спасибо. Я твой должник.

– Опять приятель, которому поручили заниматься делом об упавшей из окна Майи? – догадался я.

– Точняк, – потер руки Василий, – Ваня, ты, похоже, лоханулся. Криминалисты осматривают квартиру Стена. Там пять комнат. Вы с Майей сидели в гостиной. А в самой дальней спальне на другом конце апартаментов пряталась Нина.

– Нина? – повторил я. – И как определили, что именно она там сидела? Она расписалась на стене? Вывела на ней фломастером: «Здесь была я»? Поставила число, время?

– Нет, – загудел Василий, – там смята накидка на кресле, в нем явно сидели, валялся бумажный платок со следами бордовой помады. Кроме того, обнаружили кусок ногтя из акрила с ярко-красным лаком. Боря, покажи снимки Нины из закрытой части ее страницы в соцсети. Она там в макияже.

Секретарь ткнул пальцем в клавиатуру. На экране возникло изображение худенькой высокой девочки, которая изо всех сил старалась выглядеть взрослой дамой. Волосы она тщательно завила, глаза накрашила черной подводкой, губы имели цвет переспевшей свеклы, и маникюр пугал зловещей красотой. Длинные ногти Нины хищно загибались вниз и сверкали кроваво-огненным лаком.

– М-да, – крикнул Боря, – но на основании найденного нельзя утверждать, что в доме пряталась Нина. Там могла находиться другая женщина. Кусок акрила и салфетка с помадой не доказательство.

– Но они могут им стать, если на предметах обнаружится ее ДНК, – заметил я.

– Надо взять у Галины Михайловны зубную щетку внучки, – обрадовался Василий.

– Отличная идея, – фыркнул Борис, – но улики не у нас, сравнить зубную щетку с тем, что нашел твой приятель, мы не можем.

Бурмакин открыл рот, но мой помощник не дал ему заговорить:

– Наш клиент настаивает на конфиденциальности расследования. Мы не должны никому сообщить об исчезновении Нины. Отдать в лабораторию щетку мы не имеем права, потому что тогда придется сообщить твоему бывшему однокурснику все детали по Лапиной.

– Нина возможная убийца! – азартно воскликнул Бурмакин.

Я начал терпеливо объяснять:

– Кусок ногтя найден в другой комнате, бумажный платок там же. Улики обнаружены не у окна, из которого выпала Капралова. Предположим, мы доказали, что все это принадлежало Нине. И что? Любой адвокат рассмеется: «Верно. Девочка находилась в спальне, в гостиную она не заходила». И нам останется лишь руками развести, потому что прямых доказательств пребывания Нины Лапиной у окна, откуда вывалилась Майя, нет.

Бурмакин насупился, но промолчал.

– Последнее, что я хотел сказать вам, – вздохнул Борис, – существует программа поиска информации по одной фразе или словам. Конечно, если дадите задание отыскать «хорошая погода», то утонете в сообщениях. А вот «Кошечка Хаврошечка» употребляется нечасто. Я подумал, вдруг выпадет еще что-то, связанное со Стекловой. Нашлось всего одно совпадение, – продолжил Борис. – Читаю материалы из газеты: «Художник-примитивист Михаил Комонов представил на благотворительной ярмарке свою картину «Кошечка Хаврошечка», современный взгляд на русскую сказку. Полотно вызвало большой интерес присутствующих, его приобрела Вероника Виско, жена бизнесмена. Господа Виско славятся своим интересом к искусству, они меценаты и благотворители».

Я моментально вспомнил.

– Виско! Вроде Егор. Так звали покойного зятя госпожи Стекловой.

– Фаина Григорьевна, – тут же подсказал Борис, – она терроризировала отделение полиции, требуя расследовать убийство зятя, который скончался от сердечного приступа. Полюбуйтесь на фото мужчины.

Василий выпучил глаза.

– Ого! Интересно, сколько он весил? Двести кило?

– Инфаркт у человека с такими габаритами не удивил медиков, которые не устают твердить о пагубном влиянии жировых отложений, – назидательно произнес Борис, – из-за них вредный холестерин в разы выше нормы, диабет, отеки, проблемы с потенцией... Ясно, почему госпожу Стеклову вежливо домой отправляли. И я бы так поступил, услышав про убийство. Егор Виско стоял первым в очереди на инфаркт. Но почему я запустил поиск? Помните, конечно, что я вошел в закрытую часть аккаунта Нины. Так вот, Стеклова туда сегодня утром отправила сообщение: «Не захотела встретиться? Услышать много интересного про Кошечку Хаврошечку? Кошечка Хаврошечка убийца людей. Она тебя поймает». Меня насторожило слово «людей». Множественное число. И на всякий случай я активировал поиск. Но нет. Всего одно совпадение.

– Бабка угрожает девочке! – возмутился Василий. – Ну и стерва!

– В статье, которую вы процитировали, сказано, что полотно раздора приобрели на благотворительной ярмарке, – отметил я. – Фаина же уверяла полицейских, будто зять погиб из-за того, что ее дочь заказала картину у Игоря Лапина...

– Ты веришь газетам? – с самым серьезным видом осведомился Борис.

– Где сейчас Фаина Стеклова? – спросил я.

Борис подвигал мышкой по коврику.

– Благополучно здравствует. Прописана в квартире на Лесозаготовительной улице.

Я выжидательно смотрел на замолчавшего секретаря. Наверное, я не ошибаюсь, предполагая, что улица расположена отнюдь не в Центральном округе столицы.

– М-да, – протянул Василий, – живет бабуся у чертовой матери на куличках в Новой Москве.

– Раньше Стеклова жила в элитной новостройке в районе Остоженки, – продолжал Борис, – вместе с дочерью и зятем.

У меня внезапно заболела голова.

– Как же дама на выселках очутилась?

Борис чихнул.

– Простите, пожалуйста. Огромные апартаменты после кончины Виско отошли Веронике. Та через семь месяцев после кончины мужа сдала всю унаследованную недвижимость и улетела жить за границу. Мамочку любимую запихнула в однушку за синими туманами.

– Завтра же отправлюсь к Фаине, – решил я, – Василий, вы съездите в клинику, где лежит Майя, возможно, с ней удастся поговорить. Побеседуйте со своим приятелем, может, криминалисты еще что-то

интересное нашли. Борис, у вас есть телефон Фаины Григорьевны?

– Нет проблем разузнать его, сейчас пришлю, – пообещал секретарь.

И тут опять затрезвонил звонок. На сей раз кто-то пришел в гости.

Я поспешил в спальню, малодушно бросив на ходу:

– Надеюсь, это не Безумный Фред?

Глава 30

Не успел я накинуть халат, как в дверь комнаты постучали.

– Входите, – разрешил я.

Перед моим взором возник Борис.

– Простите, Иван Павлович, за беспокойство, там привезли ваш костюм. С ним прибыл мастер, если понадобится подгонка, он ее сразу сделает.

Я безмерно удивился.

– Произошла ошибка. Очевидно, портной ошибся адресом.

– Нет, уверяет, что прибыл к Ивану Павловичу Подушкину, – настаивал на своем секретарь.

Делать нечего, пришлось менять домашнюю одежду на джинсы с пуловером и идти в прихожую.

У вешалки стоял высокий мужчина спортивного телосложения, заметив хозяина квартиры, он сразу начал:

– Добрый вечер, Иван Павлович, извините за поздний визит, но госпожа Адилье сказала, что вы укладываетесь не раньше полуночи и приезжать лучше поздно вечером, так как вы днем гулять любите.

Я старательно заулыбался.

«Днем гулять любите». В глазах маменьки я лентяй. Но не докладывать же портному правду о своей работе?

– Николетта права, я полуночник. Но, простите, я не заказывал у вас костюм.

– Наряд велела доставить госпожа Адилье, – пояснил мужчина и показал на вешалку.

Я посмотрел на кофр, который висел на крючке. Черный мешок на молнии украшала белая надпись «Театральные, карнавальные, любые костюмы от Степана Мякова». Ситуация стала еще непонятней.

– Вы Степан? – уточнил я.

– К сожалению, нет, – улыбнулся мастер, – Геннадий. Всего лишь служащий, который выезжает к VIP-клиентам. Завтра в полдень вы исполняете одну из главных ролей в костюмированном представлении. Его устраивает Общество спасения русской математики.

– Впервые слышу о мероприятии, – поразился я.

– Госпожа Адилье позвонила сегодня утром, – уточнил Геннадий, – вероятно, она еще не успела ничего вам сообщить.

Я кашлянул. Мероприятие завтра в полдень, сейчас время подбирается к полуночи... Интересно, когда маменька собиралась сообщить о шоу, в котором предстоит принимать участие ее сыну? И почему меня не удивляет, что Николетта не позаботилась запастись моим согласием? Вдруг я завтра в первой половине дня занят?

Из моей груди вырвался вздох. Ну, этот аргумент никогда не работает. Маменька убеждена, что важные дела бывают только у нее.

– Иван Павлович, – сказал Борис, подавая мне домашний телефон, – вас! Очень срочно.

Я сразу понял, кто сейчас на другом конце провода, и взял телефон.

– Слушаю.

– Почему ты не подходишь к мобильному? – тут же рассердилась Николетта.

– Наверное, отключил звук, потому что собрался спать, – смиренно объяснил я, – извини, пожалуйста.

– Безобразие, – возмущалась Николетта. – А если я упаду, сломаю шею, как ты узнаешь, что меня надо срочно в лучшую больницу класть?

Ну, если человек сворачивает шейный отдел позвоночника, ему уже не помочь, единственный доктор, к которому попадают люди с такими травмами, называется патологоанатом, и он служит в морге.

– Вава! – завопила Николетта. – Подай гудок! Или ты заснул?

– Виноват, более не повторится, – извинился я.

– Перестань со мной так разговаривать!

– Как? – не сообразил я.

– По-хамски!!! Издевательски вежливо!

– Прости, пожалуйста!

– Вот опять! Как с торговкой на базаре! «Прости, пожалуйста», – заорала маменька. – Нарочно меня из себя выводил. Назло действуешь. Сию же секунду прекрати спорить.

– Хорошо!

– Вава! Не смей так говорить.

– М-м-м, – промычала я.

– И не мычи, как немой Максим! С детства его ненавижу.

Я удивился.

– Кого?

– Немого Максима! Он утопил собаку! Забыла, как ее звали. Ку-ку. Чу-чу. Пу-пу. Что-то такое.

– Муму, – осенило меня, – ты имеешь в виду Герасима?

– Отвратный мужик, – бушевала маменька, – пса в воду кинул.

Я снова удивился. До сих пор не замечал у Николетты настоящей любви к животным. Под влиянием минуты она может чмокнуть чью-то псинку и просюсюкать: «У-тю-тю, зайныка». Но заботиться о ком-то хвостом, лечить, кормить, гулять, это увольте. На моей памяти был лишь один случай, когда Николетта завела пса породы африканский ледовый розовокустый скандинавский гончий. Но потом выяснилось, что на самом деле пес, носящий кличку Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше, обычная дворняжка, матушка решила отправить неблагородное существо на усыпление.

И теперь собака живет у нас с Борисом, откликается на Демьянку, потому что вскоре после того, как «дворянин» перебрался к нам, выяснилось, что он не мужского, а женского пола, да еще и беременный в придачу^[6].

– Меня в школе заставили про этого Максима стихотворение учить, – вещала маменька, – а потом не взяли на конкурс, потому что я запнулась в одном месте! Ненавижу Максима и собаку Ку-ку! Из-за них я не получила аплодисменты! Награду! Жаль, что мужик сам с ней не утопился! Вава! Хватит без конца болтать! У меня от тебя мигрень начинается. Слушай!

– М-м-м, – издал я, проглотив вежливое: «Весь внимание».

– Кока основатель Общества спасения русской математики... Вава, ты меня понимаешь?

Вообще-то мне было не ясно, от кого надо спасать русскую математику и при чем тут Кока, которая не знает даже таблицы умножения, но инстинкт самосохранения велел сказать:

– Конечно.

Маменька затараторила без остановки.

– Для привлечения внимания к проблеме завтра в полдень на берегу Москвы-реки у села Глухово, там у зятя Коки загородный дом, пройдет парад литературных героев. Лучшие люди России, одетые в соответствующие костюмы, прошагают маршем, призывая всех обратить внимание на нашу несчастную математику, – пафосно продекламировала маменька. – Ты исполняешь роль... этого... ну... как его... Вава! Напомни, ты его точно знаешь! Ужасно знаменитый автор! Обожаю его.

Интересоваться, почему на мероприятии, которое должно стать спасательным кругом для точной науки, продефилируют герои книг, не стоило.

– Вава! – злилась маменька. – Он много пил! Писатель.

Я издал тихий смешок. Покажите мне, кто из деятелей пера не любит приложиться к бутылке. Разве что несколько дам, которые строчат

детективы в режиме нон-стоп, подозреваю, они вместо выпивки истребляют горы шоколада.

– Вава! Ты окончил литературный институт! Покажи свое образование! Великий! Он создал очень известный роман. Название в одно слово. Ты станешь главным героем! Это слово отлично тебя характеризует!

– Имеешь в виду роман Достоевского «Идиот»? – изо всех сил сдерживая смех, поинтересовался я.

– Да! – выпалила маменька. – Слава богу! Вспомнила. Приезжай к одиннадцати. Надо переодеться! Надеть парик! Загримироваться! Вава! За лучший проход дадут медаль! И премию. Там соберется много журналистов. Понял?

– Хорошо, – пообещал я, – непременно явлюсь.

– И возьми Масю, – потребовала Nicolette.

– Имеешь в виду Мотю? – уточнил я.

– Свою невесту, – зачирикала маменька, – ах, как она мне нравится! Милейшая девочка! Генри тоже приглашен. Все. Более сегодня не звони. Вава, не очень-то вежливо с твоей стороны беспокоить меня около полуночи. Принимаю ванну, хочется покоя.

Я положил трубку на полку у зеркала.

– Скажите, Геннадий, вы завтра присутствуете на мероприятии?

Портной чуть наклонил голову.

– Безусловно. Напрокат взята масса костюмов, вдруг что-то оторвется, пуговица например.

– Сделайте одолжение, давайте тогда обойдемся без примерки, – попросил я, – час поздний, я хочу спать. Если вдруг завтра окажется, что наряд чуть не по фигуре, это ерунда. Мне же в нем всего лишь разок пройти. Заколете на мне одежду, и делу конец.

– Желание клиента закон, – заявил портной, который, похоже, обрадовался моему решению.

Глава 31

На следующий день ровно в одиннадцать я подъехал к железным воротам имения зятя Коки и сказал охране:

– На мероприятие.

– Фамилия? – зевнул парень.

– Подушкин, – ответил я, – нас трое.

– Мы тут, – хором сказали с заднего сиденья Генри и Матрена.

– Нет вас, – отрезал охранник, – пропуск не заказан.

Сзади раздался гудок. Я взял левее и позвонил Коке.

– Да? Что надо? Не мешайте! Без вас голова крутится! Говорите живо! Ну? Скорей! Почему молчите? – в секунду выпалила подруга маменьки.

– Кока, это Иван Павлович.

– Ваняша! Примчался?

– Да, но меня не пускают.

– Почему?

– Фамилия отсутствует в списке.

– Идиоты! Кретины! Крысы! – зашумела дама. – Ненавижу дураков. Стой, не двигайся. Сейчас ликвидирую проблему.

Через минуту к моему седану вразвалочку приблизился секьюрити.

– Вы Кукушкин?

– А что? – предусмотрительно спросил я.

– Если Кукушкин, то въезжайте, если нет, то пропуск не заказан.

– Он стопроцентно Кукушкин, – нежным голосом произнесла Мотя, – самый кукушечный Кукушкин. И мать его, и отец, и дед-прадед-пращур... Даже динозавр, который вход в пещеру стерег, где семья в каменном веке жила, Кукушкин был.

– По центральной алее до парковки, далее пешком, – пояснил парень и открыл ворота.

– Динозавр Кукушкин, – рассмеялся я, медленно двигаясь в указанном направлении. – Интересно, как его звали?

– Иван Павлович, конечно, – захихикала Мотя. – Как же еще? Вон парковка, и рядом с ней шатер с табличкой «Раздевалка участников конкурса».

– Думаю, Ваня, тебе туда, – заметил Генри, – а мы пойдем искать мою матушку и занимать места на трибуне. Ваня! Ты победишь.

– Золотая медаль точно вам достанется, – приободрила меня

Матрена, – интересно, какой приз дадут за первое место?

– Обои с рисунком из математических символов, – усмехнулся я.

Генри взял невесту под руку.

– Кому может понравиться такое покрытие для стен?

Я показал на большой стенд, установленный посередине круглой лужайки.

– Видите, что там написано? «Генеральный спонсор акции спасения русской математики фирма «Живи с уютом», производитель обоев на любой цвет и вкус».

– Там опечатка, – хихикнула Матрена, – не обоев, а обоей!

– Нет, – возразил Генри, – слов «обоев» и «обоей» нет. Есть...

Дюпре замер, я хотел подсказать ему: «Обоев», но не успел, дверь машины распахнулась.

– Ваня! Скорей, – занервничала Кока, – ты опоздал!

– Начало в полдень, – удивился я.

– Нет, через десять минут, – зашипела лучшая подруга маменьки, – давай сюда, левее, правее. Геннадий! Немедленно одевай Ивана Павловича! И пусть роль вызубрит.

– Роль? – насторожился я. – Мне сказали, только пройти надо.

– Женя, Катя, Лена! Кто-нибудь! – завопила Кока. – Сюда! Ужас какой-то! Платишь людям нереальные деньги, а народ куда-то прячется.

– Здесь я, – пропищала худенькая девушка в футболке с надписью «организатор», подбегая к нам.

– И кто вы? Женя, Катя или Лена? – напала на несчастную Кока.

– Таня, – представилось похожее на мышку создание.

– Отлично, – топнула ногой Кока, – перед вами Иван Павлович, займитесь им. Одеть! Отгладить! Объяснить. Выучить текст. Все. Действуйте. Да, уже бегу, несусь. Боже! Голова кругом!

Выкрикивая последние фразы в трубку, Кока унеслась, оставив после себя удушливое облако французского парфюма.

– Подушкин, Подушкин, – зачастила Татьяна, глядя в лист бумаги, – а вас нет!

– Посмотрите Кукушкин, – осенило меня.

– Здесь! – обрадовалась Таня. – Почему сначала сказали про Подушкина? Пошутили? Мне нравятся мужчины с чувством юмора. Не то что мой папа! Он жутко мрачный! Хотя чего я от него хочу, он совсем старый! Уже тридцать восемь лет, жуть как много. Он на моей маме сразу после окончания школы женился. Так вы Кукушкин или Подушкин?

– Являюсь представителем двух семей, поэтому стал Подушкин-

Кукушкин, – соврал я.

Услышав от болтливой девицы про ее древнего папу, еще не справившего сорокалетие, я ощутил себя дедом библейского Ноя.

– Вот ваш костюм, – заявила Таня, подводя меня к кронштейну, где висел черный кофр, – вы Санчик Пончик! Крутая роль!

Я сразу вспомнил чудесную детскую книгу Николая Носова «Приключение Незнайки» и удивился:

– Вы уверены? Мне сказали, что я «Идиот».

– Никто из наших вам такого заявить не мог, – испугалась Татьяна, – мы уважаем и гостей, и участников, и даже журналистов.

– Имел в виду, что я должен изобразить князя Мышкина, – уточнил я. Девушка захихикала.

– Ой, вы такой веселый. Князь Мышкин. А у него бабушка графиня Кошкина, да?

Я вздохнул. Не стану рушить образ шутника Ивана Павловича. Нет смысла рассказывать юной леди про роман Федора Михайловича Достоевского «Идиот» и его главного героя князя Мышкина.

– Какие штаны суперские, – восхитилась Таня, вынимая из кофра красные шорты, сшитые в виде шаров. По бокам одежда имела вставки из золотой парчи, из того же материала сделали и широкий пояс.

– Рубашка с жабо, – пришла в еще больший восторг девушка, – жилетка с вышитыми вилками...

Я скосил глаза на жилетку. Это не трезубцы, а геральдические лилии.

– Плащик типа кожаный, копы, сапоги и колготки белые, – перечисляла весь набор Таня. – Что вам еще положено? Смотрю список... Санчик Пончик! Вау! Прикольно!

– Имеется еще какой-то реквизит? – осведомился я.

– Вы от восторга лопнете! – забила в ладоши Танечка. – Пусть вам сюрпризнет.

– Извините, не понял? – насторожился я.

– Сюрпризнет, – повторила девушка, – в смысле, сюрприз вам случится. Пойду, его притащу сюда, а вы пока переодевайтесь и текст учите.

Я впал в минор.

– Роль большая?

Таня протянула мне листок.

– Вот. Понеслась!

Милое, но излишне болтливое существо испарилось. Я задернул штору, которая исполняла роль двери, и начал облачаться в несусветное

тряпье. Через пять минут кривое и грязное зеркало, установленное в подобию примерочной, отразило меня, похожего на... Сравнения не подбирались. Видели когда-нибудь на картинах изображение пажа? Юного мальчика в белых лосинах, шарообразных шортах, рубашке в кружевах, плаще и шляпе. Так вот, я походил на пажа, которому давно пора на пенсию по глубокой старости. Если смотрели спектакль по пьесе Пьера Бомарше «Женитьба Фигаро», то можете вспомнить пажа Керубино, очаровательного проказника, переживающего первый период взросления и поэтому считающего всех женщин очаровательными и невероятно сексуальными. Но увы и ах, я уж много лет как не Керубино. Давно не ощущал себя в столь нелепом положении, как стоя сейчас перед зеркалом.

– Выучили текст? – спросила Таня, распахивая занавеску. – Вау! Крутяк. Самый суперский! Санчик Пончик, вам удобно?

– Не очень, – честно ответил я, – во времена оны колготки еще не изобрели, мужчины тогда носили чулки или лосины, полагаю, в них комфортнее, чем в том, что на мне сейчас.

– Везде давит, трет? – подмигнула Таня. – Наплюйте, через пять минут привыкнете. Текст зазубрили?

– Нет, – спохватился я, беря листок. – О!

– Учите как следует, – посоветовала девушка.

– Тут одно слово, вернее, буква «О!», – объяснил я, – роли нет. Лишь восклицание «О!». И не указано, когда его говорить!

С улицы раздался ужасный звук. Сначала кто-то громко захрипел на одной ноте: «И-и-и-и-и-и-и...» Потом он же продолжил: «А-а-а-а-а-а».

Таня захлопала в ладоши.

– Сюрприз!

Ничего не понимая, я вышел вслед за девочкой из раздевалки и увидел... осла, привязанного к заборчику.

– Знакомьтесь! Эльдар Эдуардович, – засмеялась Таня, – его так зовут. Ишак. Только имя с отчеством не перепутайте, он этого не любит, расценивает как хамство. Садитесь.

– Куда? – попятился я.

Таня похлопала ослика по кожаному седлу.

– Сюда.

– Здравствуйте, – запищал тонкий голосок, и я увидел мужчину в джинсах и футболке.

– Таня, он кто?

– Кукушкин, – отрапортовала моя помощница.

– Ну ни фига себе, – подпрыгнул дядька, – у меня написано...

– Простите, вы кто? – бесцеремонно остановил я незнакомца.

– Виктор Гарцев, режиссер, сценарист, пиар-служба всего шоу, – представился мужик.

– У меня к вам пара вопросов. Я изображаю Санчика Пончика, – начал я и понял, что выгляжу совсем по-идиотски. – Извините, не помню, чтобы у Носова в книге упоминалось имя героя, но этот мальчик-обжора почти наш современник. Почему тогда на мне костюм, который относится к прошлым векам? Зачем ехать на осле? Разве в «Приключениях Незнайки» есть такая сцена? Хотя я читал книгу в детстве, мог и запомнить.

– Какой, на фиг, пончик? – скорчил рожу Виктор. – Кто эту чушь вам напел?

– Татьяна, – тут же сдал я девушку.

– Ой, дура! – завопил Виктор. – На фиг, все книги перепутала! Вы Санчо Панса.

– Верный слуга Дон Кихота Ламанчского? – уточнил я. – Санчо Панса... А... Понятно... Санчик Пончик.

– Девки читать не умеют, им что Сервантес, что сервант, все едино, – хмыкнул Виктор. – Внимание. Репетиция. Видите дорожку?

Я кивнул.

– Едете по ней на Эльдаре Эдуардовиче. Упаси господь вас обозвать его Эдуардом Эльдаровичем, мало не покажется. Когда доплететесь до большой трибуны, где сидят жюри, друзья и прочие, надо притормозить, вздеть руки к небу и заорать: «О! О! О!» Совсем не сложно!

– Безобразие! – загудел сзади бас. – Что за костюм!

Я обернулся и увидел невысокого, животастого, красного, вспотевшего мужчину в кожаной жилетке.

– Вы тут главный?

– Нет, он, – мигом ответил я, показывая на режиссера.

Толстячок надулся и зашумел:

– Мне обещали роль Санчо Пансы. Вместо этого я теперь Дон Кихот. Костюм не по размеру. Велик! Брюки как на Эйфелеву башню сшиты и на животе не сходятся.

Я незаметно поддернул пытающиеся сползти с меня слишком широкие и короткие белые колготки, потом подхватил излишне большие шорты.

– Но! Главное! Конь! Здоровенный! – возмущался незнакомец. – Огромный! Зубы, как у мамонта! И мне на нем езжать?!!

– Начало через десять минут, – продекламировал динамик.

– Катя, разберись, – велел Виктор и удрал.

– Я Таня, – обиженно уточнила девушка. – А вы кто?

– Кукушкин, – представился толстяк.

Вот тут до меня наконец дошло, что случилось. Меня по какой-то причине забыли внести в список. Когда секьюрити спросил: «Вы Кукушкин?», я почему-то решил, что в бумаге неверно написали мою фамилию, и ответил: «Да». Ан нет, вот он, настоящий Кукушкин. Маленький, толстенький, настоящий Санчо Панса. А я, вероятно, Дон Кихот – данный герой книги Сервантеса обладал высокой художавой фигурой. Надо объяснить недоразумение и живо все исправить.

– Конь ужасен, – злился тем временем мужчина.

– Стойте, – попросила Таня. – Вы Кукушкин?

– Он самый, – кивнул толстяк, – Илья Петрович.

Таня повернулась ко мне:

– И вы Кукушкин?

Я набрал полную грудь воздуха.

– Видите ли, случилось...

Продолжение фразы застряло в горле. На дорожке, которая ведет от парковки к раздевалке, появился двухметровый квадратный амбал, который вел под уздцы слонопотамонорога.

– Полюбуйтесь на коня, – враз осипшим голосом прохрипел Илья Петрович, – за все богатства мира на него не сяду.

– И вы Кукушкин? – повторила Таня.

Я оторвал взгляд от монстра с гривой и малодушно соврал:

– Да! Иван Павлович! И я Санчо Панса, для меня ослик.

– Просите что хотите, но я не сяду на живую гору с зубами, – запаниковал настоящий Кукушкин, – он меня укусит, сожрет. Нет, нет.

– Герман, бери хозяина, – приказал властный женский голос, – наряжай в этого Пихота, устраивай на лошади, и пусть не выкаблучивается.

В зоне видимости очутилась дама, до оторопи похожая сразу на всех: на Зюку, Коку, Маку, Люку, Николетту.

– Но, Лиза, я упаду, сломаю шею, умру, ты останешься вдовой, – попытался запугать супругу толстячок.

– Богатой вдовой, – подчеркнула дама, – сущестительное «богатая» скрасит мне горечь потери мужа! И еще хорошая новость: если ты уедешь на кладбище, мне более не придется встречаться с твоей мамашей! Герман! Вперед! Наряжай хозяина! Не стой кипарисом.

– Нас определенно из-за одинаковых фамилий и инициалов перепутали, – неожиданно сообразил Кукушкин, – вот он вылитый Дон Кихот. Ему коня дайте! И, дорогая, «богатая» – это прилагательное.

– Молчать! – скомандовала Лиза. – Не умничай!

– Наше милосердно-благотворительно-показательно-развлекательное шоу стартовало, – заорал динамик, – перед жюри гарцуют три мушкетера.

– Ура, – закричали вдалеке голоса, – ура!

– Через минуту мы увидим Даму с собачкой, потом Буратино с Мальвиной, следом Дон Кихота и Санчо Пончика! – доложил динамик. – Музыка!

Раздался бравурный марш.

– Герман, займись, наконец, хозяином, сажай хозяина, – приказала женщина стоящему молча рядом с ней мужчине.

– Иван Павлович, забирайтесь на Эльдара Эдуардовича, – засуетилась Таня.

– И как это сделать? – осведомился я. – Прошу простить, я никогда не ездил на осле. Один раз в детстве в возрасте пяти лет катался в Московском зоопарке на пони, но меня поместили в тележку. Приключение мне не понравилось, маленькая лошадка отвратительно воняла. Осел тоже не очень... не розами пахнет и не жасмином. Хотя я и не люблю резкие ароматы, но лучше уж ишаку благоухать лилией.

– Я помогу вам, – пообещала Таня, – главное, не издавайте громких звуков, животное их до поноса боится. И не перепутайте его имя, иначе он встанет и дальше не пойдет, пока не извинитесь.

Глава 32

– Помните роль? – спросила Таня, когда я, восседая на ослике, оказался на финишной прямой, которая вела к трибуне с гостями и жюри.

– Медленно проехать по дорожке, притормозить около судей, поднять руки, сказать торжественно: «О!» – и ускакать прочь, – перечислил я.

– Вы самый умный и понятливый, – польстила мне Таня, – держите Эльдара Эдуардовича за поводья. Умоляю, не перепутайте его имя.

– У меня цепкая память, – заверил я девушку и поелозил в седле.

– Вам удобно? – осведомилась Татьяна.

Мужчине не пристало жаловаться на трудности, говорить правду: «Мне дурно, от ишака мерзко воняет, седло жесткое, мои ноги касаются земли, поэтому придется ехать с поджатыми конечностями, я выгляжу полным идиотом в белых колготках, атласно-парчовых штанах, рубашке в кружевах и дурацком плаще» – не стоило. Но ведь ничто не вечно. Считается, что на перстне у Соломона была надпись: «Все проходит». Надо вспоминать сие изречение, гарцуя на осле перед публикой.

– Лучше не бывает, – заверил я девицу.

– Ох! – подпрыгнула та. – Чуть не забыла! Не шевелитесь! Замрите!

Быстрее мухи Татьяна метнулась влево, через пару секунд вернулась и натянула на мою голову вязаный шлем, от которого несло дешевыми духами, табаком и гнилью.

Я чихнул.

– Будьте здоровы, – от всей души пожелала Таня и воткнула в шлем большую искусственную розу, – ну вот, последний штришок.

Потом она похлопала осла между ушами.

– Эльдар Эдуардович, вперед! И без вашего любимого трюка! Без аквапарка, как в прошлый раз, когда мы здесь устраивали благотворительный спектакль. О’кей?

Ишак резво посеменил вперед, и спустя считанные секунды я очутился перед трибуной, где сидели в пух и прах разодетые дамы и несколько мрачных мужчин.

– Вава! – завопила Николетта, вскакивая.

– Ваня! – заорали Генри, Анна и Матрена.

– Ив-ан! Ив-ан! Ив-ан! – стали скандировать остальные.

Я, не ожидавший столь радушного приема, отпустил поводья и стал махать руками, приветствуя почтенное собрание. Осел замер. Искупавшись

в овациях, я решил благополучно удалиться, взял поводья и дернул их.

– Тпру!

Осел не шевельнулся.

– То есть но! – поправился я.

Ишак и ухом не повел.

– Давай, двигайся, – велел я.

Но животное даже не вздрогнуло.

Я начал пинать упрямца коленями, услышал сзади крик:

– А-а-а-а, – хотел оглянуться, и тут мимо меня на большой скорости пронесся слоноподобный конь, на котором лежал толстячок.

Осел заорал:

– Иии-ааа! Иии-ааа!

Жеребец свернул налево и резко остановился на берегу небольшого озера, где плавали утки. С воплем:

– ...! – Илья Петрович перелетел через голову скакуна и рухнул в воду.

Трибуна бешено заплодировала, дамы закричали:

– Гениально, потрясающе, акробатический трюк, сальто... восторг!

Зрители не поняли, что несчастный Кукушкин терпит бедствие, все решили: им продемонстрировали постановочный кульбит.

Я стукнул осла ладонью промеж ушей.

– Эдуард Эльдарович, пора сматываться. То есть Эльдар... Э...

Ишак мотнул башкой, сделал пару виляющих движений задом и со скоростью обезумевшего самолета кинулся к озеру. Я выронил поводья, закричал:

– Стой!

И тут неведомая сила подняла меня, затем бросила в сторону. Через мгновение ваш покорный слуга рухнул в воду, окунулся в нее с головой, отчаянно забил руками, нащупал ногами дно, встал и заорал:

– А-а-а!

– О-о-о! – завопил кто-то около меня.

Я догадался открыть глаза и понял, что рядом стоит совершенно мокрый Илья Петрович, а чуть поодаль от нас покачивается несколько уток.

– Ура! Гениально! Шикарно! Потрясающе! Водная феерия! Акробатика! – восхищались зрители.

Я вспомнил слова Татьяны, обращенные к ослу: «Без аквапарка, как в прошлый раз», и понял, что она имела в виду. Похоже, сброс всадника в озеро – это хобби вредного осла.

– Чтоб я еще раз дал согласие участвовать в этой глупости, –

простонал Илья.

– Более никогда, – с жаром добавил я. – Что теперь делать? Не стоять же нам тут до конца мероприятия? А вылезать и идти мимо трибун в образе мокрого кота желания нет.

– У меня тоже, – согласился Кукушкин.

– Давайте двинем налево, – предложил я, – выберемся вон там, у раздевалки.

– Отличная идея, – одобрил Илья, – ну до чего мне бабы надоели! Напридумывают всякой хрени! Вас тоже жена сюда на аркане приволокла?

– Маменька, – пояснил я, – с ней лучше не спорить.

– С супругой тоже, – вздохнул Кукушкин, рассекая воду, как могучий крейсер, – моя так просто Эрида. Это имя носила...

– Богиня раздора и хаоса в греческой мифологии, – улыбнулся я, – римляне именовали ее Дискordia.

Илья Петрович округлил глаза.

– Вы историк?

– Нет, владелец частного детективного агентства Иван Павлович Подушкин, – представился я, понимая, что товарищ по купанию навряд ли запомнил мое имя, сказанное ему у раздевалок.

– Хм, – протянул Илья.

Я вылез на берег, протянул руку толстяку и втащил его на земную твердь.

– Удивительная вещь, – сказал он, – я тоже владелец частного сыскного агентства, Илья Петрович Кукушкин. Вот уж не думал, что встречу в грязной луже любителя греческой мифологии! Надеюсь, моя жена и ваша матушка получают за все наши с вами страдания, муки и заплыв диплом вкупе с какой-нибудь бранзулеткой.

Я рассмеялся, Илья Петрович присоединился ко мне.

С воплем:

– Вы живы! – от раздевалки к нам подбежала Татьяна.

Глава 33

– Откуда вы про меня узнали? – тихо спросила Фаина Григорьевна, усаживая меня в маленькой кухоньке.

– Долго объяснять, – улыбнулся я, – скажу кратко: к нам обратился клиент. В процессе работы над его проблемой мой сотрудник выяснил, что вы считаете виновницей смерти своего зятя копию картины с названием «Кошечка Хаврошечка». Если объясните мне, почему вы пришли к такому выводу, буду вам очень благодарен.

Стеклова поставила передо мной банку с растворимым кофе и включила чайник.

– Если буду рассказывать правду, вы сочтете меня сумасшедшей.

– Вы не похожи на женщину, которая лишилась разума, – мягко сказал я, – я не психиатр, не имею права ставить диагнозы и не склонен делать поспешных выводов о душевном здоровье окружающих. Пожалуйста, поделитесь со мной информацией. Вы не очень ладите с дочерью?

Фаина пододвинула ко мне банку.

– Насыпайте. Я живу на ограниченные средства, но кофеек покупаю самый дорогой. Дочь! Она мне не родная. Вероника – дочь мужа от первого брака. Ее мать не пойми куда делась. Учитывая образ жизни, который она вела, у меня всегда были сомнения в том, что она зачала Нику от супруга. Яков Григорьевич отличался крайней порядочностью, скромностью, полным отсутствием амбиций и зависти, всегда довольствовался тем, что имел. Я такая же. А Вероника лет с семи твердила:

– Не хочу жить, как вы! Обзаведусь богатым мужем, шикарным домом, заполучу много-много денег...

Мы с супругом пытались обуздать неразумные желания дочки, но это как цунами зонтиком удерживать. Богатство являлось для Вероники основной целью, чтобы получить немного денег, девочка была готова на все. Согласитесь, это плохо и опасно. Да вы пейте кофеек, он самый лучший из всех, что продаются.

Я никогда не пробую растворимый напиток, может, он и не плох, но к настоящей арабике ни малейшего отношения не имеет. Но в данной ситуации нельзя отказаться от угощения, пришлось сделать глоток.

– На беду Вероника выросла красавицей, – грустно продолжала Фаина, – Яков умер, когда девочке исполнилось двенадцать, я стала ее одна тянуть. То, что она мне не родная, тщательно скрывала. Ни разу не дала ей

понять, что мы по крови чужие. Что может себе позволить педагог русского языка и литературы? Зарплата маленькая, учеников взять невозможно, к ним надо после работы бегать. Я же боялась Нику одну оставить, за ней глаз да глаз требовался. Нам едва на еду хватало. А Вероника просила новые платья, туфли, косметику, золотые сережки... Она меня постоянно упрекала в лени, в жадности, в нежелании сделать ей подарок. Каждый день скандалы, слезы. В семнадцать лет Ника поступила учиться в институт, там устроили конкурс красоты. Она получила первое место и попала на городское мероприятие, спонсором последнего был Виско. Ну и закрутилась у них любовь. Вернее, сильное чувство испытывал Егор, Вероникой двигал простой расчет: мужик богат, никогда не был женат, бездетен. Идеальный жених. Дочь получила все, что хотела, и даже больше. Роскошная свадьба, платье из Лондона, медовый месяц в Париже, кредитка с неограниченным лимитом... Но к бочке меда прилагались капли дегтя. Первая – это я. Егор рос в детдоме, мамы, которая печет по утрам мальчику оладушки, у него не было, а я начала о нем заботиться. Он мне нравился, простой, открытый, умеющий радоваться мелочам, ценить знаки внимания, патологически не скандальный, терпеливый. Мы с зятем подружились, он настоял, чтобы я поселилась с его семьей. Вероника не спорила, но я поняла: она меня возненавидит.

Через пару лет я стала Егора сыном считать, а Нику неудачной невесткой. Хорошо хоть ей не приходилось хозяйством заниматься, прислуги был полный дом. Виско очень детей ждал, а Ника все никак не беременела. Егор настоял на походе к врачу, меня попросил с ними в клинику съездить. У дочери взяли анализы, через неделю мне врач из того медцентра звякнул.

– Уважаемая Фаина Григорьевна! Возникла деликатная проблема, поэтому я вам звоню. Вероника совершенно здорова, зять тоже без проблем по части зачатия чада.

Я так удивилась.

– Они три года вместе, почему тогда ребенка нет?

– Вероника регулярно принимает противозачаточные средства, – пояснил гинеколог, – это ясно по результатам ее анализов.

– С ума сойти! – ахнула я.

Но врач не казался удивленным.

– Не впервые с подобным сталкиваюсь. Мужу за сорок, он созрел для наследников. Жене чуть за двадцать, ей хочется погулять, она не готова пока стать матерью. Женщина говорит супругу, что мечтает о ребенке, а сама втихаря делает все, чтобы он не родился. У меня нет желания вносить

раздор в семью, но и скрывать результаты исследования я права не имею. Единственное, что могу, – это оттянуть время разговора с парой, побеседуйте с дочкой, вразумите ее, пусть потом Вероника ко мне одна придет, мы с ней пошепчемся. Но сначала вам с ней, как матери, потолковать советую.

Фаина достала из холодильника молочник и поставила передо мной.

– О-хо-хо! Во время нашей беседы Ника все отрицала, говорила: «Хочу ребенка, врач напутал с анализами, я ничего не принимаю». Спустя неделю я собралась в театр, вышла из дома, вспомнила, что билет в комнате забыла, вернулась. В квартире только я и Вероника были, зять на службе. Иду тихо мимо спальни Ники, слышу, она вроде плачет, осторожно дверь приоткрыла, без стука, хотела спросить, что случилось. Вижу, моя дочь спиной ко входу, лицом к окну стоит, слышу ее горькие причитания:

– Ну когда этот боров подохнет! Меня освободит! Нет сил больше его терпеть! Жирная свинья! Мерзкая туша! Детей захотел! Урод! Да чтоб ты сдох!!!

Я попятилась и убежала. Но с тех пор стала опасаться, что девчонка Егора отравит. Подадут Виско суп, я с ним тарелкой поменяюсь, говорю:

– Небось хозяину повкусней налили.

Чай сама зятю заварю и подам, готовить начала сама, повара отстранила.

Вероника только ехидничала:

– Мамочка, ты, похоже, от моего мужа бриллиантовое кольцо ждешь. Вон как выслуживаешься!

А я в ответ:

– Да нет! На шубу рассчитываю.

Через несколько месяцев Ника мужу на день рождения копию картины преподнесла. Оригинал в каком-то музее висит, его не заполучить. Автор подлинника – какой-то известный художник. Фамилию его она назвала, но я никогда ее не слышала. Объяснила: «Егорушка, помнишь, мы с тобой это произведение видели на выставке. Ты от него в восторг пришел. Вот теперь у тебя оно есть». Я испугалась, Ника не из тех, кто супруга сюрпризами балует. В их семье Егорушка про разные даты помнил, притащит утром жене букет, кольцо, она и сообразит: ба, годовщина знакомства. Ну и вечером мужу одеколон после бритья вручит. А тут! Полотно в роскошной раме! Виско очень обрадовался, повесил картину у себя в спальне, они в разных комнатах ночевали, Ника говорила:

– Супруги должны друг по другу скучать, когда постоянно рядом спят, возникает привычка, она убивает любовь.

Подвела теоретическую базу под свое нежелание с супругом в обнимку спать.

Прошло немного времени, и Егор начал худеть. Аппетит у него пропал. Виско обладал лишним весом, очень уж покушать любил, голодное детство в приюте след оставило. Сидеть на диете не мог, всегда срывался. А тут! На завтрак ничего, на обед один огурец, на ужин чай пустой. Я не выдержала, спросила:

– Что происходит?

Зять сначала отмахнулся, но вечером зашел ко мне и рассказал. У него есть тайна, о которой Егор только Нике поведал. Еще до свадьбы он предупредил невесту: в его роду были сумасшедшие. Мать, бабушка и две тетки закончили жизнь в психиатрической лечебнице. Поэтому мальчик на попечении государства остался. А родная сестра Виско в пятнадцать лет с собой покончила, ей голоса мерещились, они приказывали ей с балкона прыгнуть.

Егор спросил у Ники:

– Готова выйти за меня замуж? Вероятно, и я могу умом тронуться.

Невеста заверила:

– Дорогой, я тебя люблю и всегда обожаю буду.

Виско сходил к психиатру, тот велел Егору не волноваться. Зять успокоился и жил счастливо. И вдруг! У него начались яркие галлюцинации. Ночью просыпается часа в два-три от звонка будильника, открывает глаза и цепенеет: картина «Кошечка Хаврошечка» сияет зеленым светом, и она изменилась. Главная героиня кошка превратилась в скелет, корова стала окровавленной тушей, в центре возникла Смерть в черном плаще с косой и с плакатом на шее: «Егор, я за тобой пришла». Понимаете, как реагирует человек со сна, когда видит подобное? Виско начинал кричать. Я его воплей не слышала, потому что в другом конце огромного пентхауса жила. А вот Вероника мигом возникала. Да, спальни у супругов разные, они только дверью разделены, имеют как выходы в коридор, так и дверь между помещениями. Жена кидалась к Егору, начинала расспрашивать, поила водой. Егор приходил в себя, осторожно снова посматривал на полотно, а картина-то в полном порядке. Не светится, фигуры с косой нет. Просто копия полотна художника. Зять переводил дух и мигом засыпал, прямо в секунду. Такой сильный стресс испытывал. Может, вам это смешным покажется, мало ли что присниться может, но вспомните семейное безумие Виско. И так каждую ночь. Днем Егор на всю живопись дома и в офисе с подозрением смотрел, совсем есть перестал. Нервное напряжение аппетит отшибло. Веронике он ничего не говорил,

боялся, что жена испугается, бросит сумасшедшего. К врачу тоже не рискнул пойти. Сейчас доктора за деньги на все согласны, а Виско в депутаты баллотироваться собрался. Заголовки в желтой прессе «У кандидата в Думу семейное сумасшествие» он видеть не хотел. Попросил меня: «Никому ни гугу. Получу мандат, тогда можно втихую лечиться начать. А пока один с демонами бороться буду». Я предложила зятю картину выкинуть, а он ни в какую.

– Полотно не виновато, у меня глюки. И картина подарок Вероники, я не могу его выбросить. Как объясню жене свой поступок?

Через пару дней я воспользовалась тем, что ни Егора, ни Вероники дома не было, и внимательно изучила мазию.

Фаина поджала губы.

– Что-то нашли? – заинтересовался я.

– Ровным счетом ничего! – нехотя призналась Стеклова. – Холст с изображением, пафосная, позолоченная рама, по моему мнению, никак не подходящая произведению в жанре примитивизма. Вечером за ужином я попросила:

– Егор, дай мне «Кошечку Хаврошечку» на одну ночь.

– Зачем она тебе? – насторожилась Ника.

– Очень уж нравится, – соврала я, – хочется себе в спальню нечто подобного размера и в том же духе. Но опасаясь, вдруг картина на стене раздражать меня начнет, хочу примерить, провести некоторое время с ней.

– Не самый разумный поступок, – вздохнул я, – и не лучший повод, чтобы взять полотно.

– Возможно, – кивнула Фаина, – но ничего лучше я не придумала. Охранник Егорушки перевесил антихудожественную гадость. Ночью я не спала, на картину смотрела. Ничего! Она не светила, изображение не менялось. Утром Вероника поинтересовалась:

– Мамулечка, примерила «Кошечку Хаврошечку»? Если нравится, закажу еще копию, а эту надо вернуть Егору, это же мой подарок мужу.

Через неделю ночью я услышала крик зятя, спросонья не сразу поняла, что к чему... Минут пять прошло, пока я халат набросила, в коридор выбежала... Егора я нашла в холле на полу у входной двери, в одной руке он держал лопатку для камина. Лицо зятя искажала гримаса ужаса. Рядом сидела Ника в ночной сорочке, она звонила в «Скорую». Но когда врачи приехали, то лишь руками развели. Конец. Все.

Пока Вероника с медиками общалась, я поспешила в спальню к Виско. А там! На стене, где «Кошечка Хаврошечка» висит, грязные пятна, на полу валяются раздавленные ягоды. Стоял июль, похоже, Егор взял из тарелки,

которая на тумбочке у кровати находилась, горсть клубники и швырнул в мазню, не попал в нее, угодил рядом. Затем он схватил лопатку из стойки у камина и убежал с криком в холл. Я хотела еще осмотреться, но тут Ника вошла, рыдает:

– Мама! Такое горе! Тебе надо срочно лечь! Боюсь за твое здоровье.

Врачи меня увели в спальню. И вот я совершенно уверена, что моя дрянь что-то в воду подсыпала. У меня на тумбочке бутылка минералки стояла, я из нее попила, вмиг уснула, очнулась... в больнице. Доктора объяснили, что я проспала сутки, дочь испугалась, отправила меня в клинику... Ага! Испугалась! Как же!

Когда я через день вернулась домой, спальня Егорушки оказалась отдраена, стена чистая, картину сняли. На мой вопрос: «Где «Кошечка Хаврошечка»?» – Ника возмущенно крикнула:

– Егор умер, а ты спрашиваешь о ерунде! Полотно уронили, рама треснула, отдали на реставрацию.

Фаина усмехнулась.

– Вы встречали вдову, которая, еще не похоронив мужа, занимается починкой багета?

– Картина вернулась? – уточнил я.

– Да, – кивнула Фаина, – однако рама стала другой, тоньше, без немыслимого количества завитушек. Мы продолжали жить вместе, но я уже не сомневалась: Вероника мужа убила! Картина была отравлена. Егор с ней долго в одной комнате спал и поэтому галлюцинации видел. А я лишь одну ночь с кошмаром в компании провела, поэтому ничего не заметила. Небось яд накопительный, не сразу видения начинаются. У зятя стояли стенты в артерии сердца, давление высокое, его сильное нервное напряжение легко убить могло. Я пошла в полицию, дала адрес конторы, где Ника «Кошечку Хаврошечку» покупала, сообщила, что владелец использует материалы с наркотиками...

Стеклова махнула рукой.

– Но кто же меня послушает? Однако я упорная! Дошла до их замминистра, тот велел заявление мое принять и разобраться. Через четыре месяца пришло письмо на бланке. Бравые «Шерлоки Холмсы» сообщали, что Игорь Лапин, хозяин конторы «Красота», предоставил им сертификаты качества на все краски, лаки, холсты, бумагу, дерево. Все материалы превосходные... Я поняла: Ника небось взятки полицейским раздала. Жить вместе с ней я не хотела, собралась попросить:

– Дочь, у тебя огромное наследство. Купи мне за всю заботу и ласку по отношению к тебе хорошую квартиру в приличном районе, и расстанемся.

Пару дней я готовилась к разговору, наконец решилась. Ждала ее, ждала, но Ника почему-то домой ночевать не вернулась, экономка пояснила:

– Хозяйка в командировку улетела, она теперь бизнес мужа сама вести будет.

Стеклова залпом допила кофе из своей чашки.

– И я, старая дура, ни о чем плохом не подумала, решила: вернется вдовушка, вот и погутарим. Но вместо нее появились мужики с бумагой, показали мне документ, объявили:

– Госпожа Виско апартаменты сдала, вам куплено другое жилье, количество метров такое, какое по закону положено. Приехали помочь госпоже Стекловой вещи собрать.

Я онемела, а они живехонько все мое в коробки запихнули, сюда притащили и ушли. Мебель здесь уже стояла. Самая дешевая, страшная. Обои сами видите какие, кухня, плита, холодильник, сантехника – все по наименьшей цене. На столе в комнате лежали документы на эту нору и письмо. Сейчас покажу его.

Фаина вышла, споро вернулась и протянула мне листок.

– Ознакомьтесь!

Я начал читать текст, набранный на компьютере: «Фаина Григорьевна! Вы никогда не скрывали своего пренебрежения ко мне, вас не радовали мои детские успехи, отличные отметки. Вы не гордились целеустремленностью дочери, ее желанием не жить в нищете, вылезти из дерьма. Победа дочки на конкурсе красоты вас не восхитила, я оказалась единственной участницей, чья мать не пришла на торжественную церемонию награждения. А когда я вошла домой, вы заявили: «Не о том думаешь, нужно учиться, а не в проститутки готовиться». Одно время я недоумевала: почему меня, родную кровь, вы не любите. Но потом случайно узнала правду: вы мне не мать, я вам не дочь. Вы просто воспитали чужую девочку, за что вам низкий поклон. Я искренне вам благодарна за то, что после смерти своего мужа не сдали меня в приют, воспитывали падчерицу. Выйдя замуж за Егора, я постаралась создать для вас комфортные условия, вы жили в нашем доме, ни в чем не нуждаясь. Я бы никогда не попросила Виско выгнать вас, и после смерти Егора все могло остаться по-прежнему. Но вы почему-то решили, что я отравила супруга. И тут мое терпение лопнуло. Не знаю, по какой причине я всегда была, есть и буду объектом ненависти госпожи Стекловой. Вероятно, вы воспитывали чужого ребенка из каких-то корыстных соображений, о которых я не знаю? А может, вам просто нужен человек, на которого можно вылить дерьмо со дна души?

Постоянно злиться на окружающих вы опасаетесь, не хотите прослыть в глазах людей хамкой, а на меня можно нападать. Простите, эта роль стала меня тяготить. Я покинула Россию. Поскольку вы всегда подчеркивали, что быть богатой стыдно, честная бедность намного почетнее нажитого обманом состояния, а все женщины, носящие бриллианты и шубы из соболя, проститутки, с которых мне нельзя брать пример, я купила вам жилье, которое полностью соответствует вашим идеалам: дешевое, в плохом районе, далеко от метро. Обставила однушку по вашему вкусу мебелью из убогого магазина. Я очень старалась вам угодить, хотела, чтобы женщина, которой я очень благодарна за то, что она заменила сироте мать, не испытывала дискомфорта. Сначала решила приобрести вам трешку на Остоженке, пригласить дизайнера по интерьеру, привезти диваны-кровати из Италии. Я теперь богата, могу себе позволить любые траты. Но потом испугалась, что оскорблю принципы Стекловой. Прощайте, Фаина Григорьевна. Дай вам Бог здоровья побольше, долгих лет жизни в квартире, квартплата за которую вас особо не обременит. Вроде в Москве теперь хорошая пенсия, вам на коммуналку хватит».

Подписи под письмом не было.

– И как вам сие произведение? – сердито спросила Фаина.

Я положил листок на стол.

– Написано вежливо, придраться не к чему, но остается стойкое ощущение, что вас оскорбили. Хотя, повторяю, если разбирать каждую фразу, то ни одна не содержит ни хамства, ни оскорблений в ваш адрес. А где сейчас картина «Кошечка Хаврошечка»?

Стеклова отвернулась к стене.

– Понятия не имею. Последнее, что я об этой мазне знаю: она висела в спальне покойного в новой раме. Думайте обо мне что хотите, но я уверена: Вероника убила Егора с помощью этого полотна, оно точно было отравлено. А Вероника любовница Игоря Лапина, он небось думал: лишу жизни Виско, а когда вдова миллиарды захапает, женюсь на ней! Вместе парочка орудовала. Уверена! Стопроцентно. Знаете, что Лапин сделал, когда его в полицию вызвали? Он отделению свою мазню подарил, начальника Наполеоном изобразил. Дураки не постеснялись ее на виду повесить. Пришла я в очередной раз правду искать и глазами в эту дрянь уперлась. Зачем невинному время и краски на такое тратить? Композиция – признание вины. У вас иное мнение? Я пыталась поговорить с владельцем фирмы «Красота», звонила, писала ему в «Фейсбуке», в «Инстаграме». Думаете, он ответил?

– Нет, – предположил я, – и тогда вы записались в друзья к его дочери

Нине.

– Да! – подтвердила Фаина. – Глупая девочка. На уме, как и у Вероники: тряпки, косметика, ерунда всякая.

Я почувствовал волну злобы, которая исходила от собеседницы.

– Надеялись с помощью ребенка узнать какие-то тайны семьи? А когда стало ясно: Нина пишет лишь о всякой чепухе, решили поговорить с девочкой?

– Да! – с вызовом ответила Стеклова. – Да! И что? Лапин Егора убил. От наказания ушел. Вероника вместо тюремного срока миллиарды обрела, живет припеваючи. У Лапина дела идут прекрасно. А я живу в убогой норе. Это честно? Да! Решила правду глупой Нине открыть, пусть к папочке расспрашивать бросится, как он с любовницей Егора на тот свет отправил!!! Маленькая дрянь проигнорировала мое сообщение!

Мне хотелось немедленно выйти на свежий воздух. Возможно, Фаина Стеклова психически нестабильна и поэтому считает, что Вероника совместно с Игорем Лапиным убила Егора. Возможно, Фаина Стеклова полностью нормальна, а Вероника совместно с Игорем Лапиным убила Егора. Все бывает, все случается, правда о кончине господина Виско мне неизвестна. Но в одном я уверен: жить, постоянно испытывая ненависть, нельзя. Данное чувство разрушительно, оно уничтожает и тебя, и тех, кто рядом. Впрочем, близкие убегут, потому что очень тяжело находиться на территории злобы...

Глава 34

Поговорив со Стекловой, я сел в машину, вынул из кармана телефон и увидел двенадцать вызовов от Василия. Сердце екнуло: что случилось с Бурмакиным?

– Ваня, – заорал Василий, – где ты шляешься? Почему не отвечаешь?

Я выдохнул. Вопить таким образом может лишь здоровый человек.

– Беседовал с Фаиной Григорьевной, отключил звук, чтобы звонок разговору не мешал.

– Я встретился с Бумагиной! – громче некуда вопил Вася.

– Молодец! – обрадовался я. – Что интересного узнал?

– Тебе надо сюда приехать, – зачастил Бурмакин.

– Куда? – уточнил я.

– Домой к Ларисе, – объяснил Бурмакин, – она к телефону не подходит, дверь никому не открывает. Боится.

– Чего? – не понял я.

– Мы тебя ждем, – заявил Василий, – адрес скинул эсэмэской.

Я запихнул трубку в держатель, а она опять зазвонила. На сей раз я услышал незнакомый баритон:

– Добрый день. Вы господин Бурмакин, следовательно?

– Здравствуйте, он самый, – соврал я.

– Юрий Петрович Золотов вас беспокоит.

– Рад слышать ваш голос, – сказал я, пытаюсь понять, что происходит.

– Вы были у нас, просили сообщить, когда Майя Капралова придет в себя. Оставим этот юмор. Я врач из отделения реанимации.

Вот оно что! Василию следовало съездить к Капраловой, Бурмакин выполнил задание, но поговорить с Майей не смог, та была без сознания. И зачем он дал эскулапу мой номер?

– Девушка очнулась?

– Сейчас Майе Владимировне делают манипуляцию под седацией. Это не наркоз, но сознание все равно спутанное. Если дела пойдут по плану, через три-четыре дня Капралова будет в состоянии недолго побеседовать с вами.

Я поблагодарил доктора и помчался к Бумагиной.

Первый, кого я увидел у подъезда, оказался Василий, он сразу задудел:

– Решил тебя встретить. Девушка конкретно перепугана, хотела куда-то убежать, но у нее денег совсем нет, и куда драпать, она не знает, поэтому

просто заныкалась в квартире. У стационарного телефона провод из стены вырвала, мобильный отключила, занавески на окнах опустила, на улицу не выползала, в холодильнике пусто. Как я ее упрасивал меня впустить! Просто песня. Нет, я молодец! Догадался, что Лариса дома окопалась, и приперся сюда халу нагилу у ее двери на губной гармошке играть.

– Хава, – поправил я, – хава нагила – очень красивый еврейский танец. А хала – плетенка из теста, чаще всего она сверху посыпана маком.

Василий распахнул дверь подъезда, мне в нос ударил отвратительный запах отходов жизнедеятельности человека и кошек.

– Нам сюда, – бубнил парень, – сразу направо, квартира номер один.

Бурмакин застучал в дверь.

– Лара! Открой! Ну же! Василий вернулся.

Дверь беззвучно приотворилась.

– Входи, Иван Павлович, – радушно попросил следователь.

Я втиснулся в прихожую и ощутил себя человеком, который натянул пальто размера на три меньше нужного. Стены давили на плечи, потолок на голову.

– Вы один? – дрожащим голосом поинтересовалась хозяйка, крупная девушка в красном спортивном костюме.

– Один, – кивнул я.

– Совсем? – затряслась Бумагина.

– Совершенно один, – подтвердил я.

– Не дрожи, – начал успокаивать Ларису Василий, – лучше давай кофейку глотнем, я бутеров нарежу.

– У меня продуктов нет, – жалобно призналась Бумагина.

– Так я сбегая в супермаркет, – сказал Вася.

– Ой, нет, – задрожала хозяйка. – Ты меня с ним оставишь?

– Иван Павлович беззлобен, как старая гусеница, – нашел правильное сравнение Бурмакин, – тихий, как улитка. Абсолютно равнодушен к женщинам. Около него может мисс мира голой ходить, у Подушкина ничто не дрогнет, он ей по доброте душевной на плечи халат набросит, чтобы не замерзла.

Лариса захихикала.

– Гей? Да?

– Никогда! – заверил Вася. – Половой монстр по бабам. Просто хорошо воспитан. Так я побежал за хавчиком.

Дверь хлопнула, мы с Ларисой остались вдвоем, Бумагина обняла себя за плечи.

– Лариса, – сказал я, – я не ем девушек на завтрак и на ужин. Мне

доктор запретил мясное. Не накидываюсь на незнакомок, не являюсь насильником, владею частным детективным агентством. Я не полицейский, не имею права вас задерживать, допрашивать. Могу лишь попросить ответить на ряд вопросов. Если не пожелаете, я уйду. Я здесь не для того, чтобы причинить вам зло, посадить за решетку. Совсем наоборот. Возможно, смогу вам помочь, похоже, вы попали в трудную ситуацию.

Хозяйка прижала кулачки к груди.

– В ужасную!

Я приободрился, Лариса пошла на контакт.

– Нельзя всю жизнь прятаться в квартире.

– Нет, – всхлипнула натурщица.

– И, простите за откровенность, ваше жилье не курорт «Зеленый шиповник», где находится подземный бункер, в котором в случае ядерной войны спрячется конгресс США, – продолжал я, – дверь в квартиру хлипкая, ее с одного удара котенок выбьет.

– Ой! Ой! Ой! – запаниковала Бумагина.

– Просто расскажите, что случилось. Вместе подумаем, как исправить ситуацию, – закончил я.

– Можно сесть в комнате, – прошептала Лариса.

Мы переместились в единственную спальню.

– Зря Мирон все затеял, – еле слышно сказала Лариса, – теперь его в живых нет. И Стена убили.

– Вы знали Филиппа? – уточнил я.

– Он отец Мирона. Мой будущий свекор, – всхлипнула девушка, – мы хотели пожениться, и тут...

Лариса замолчала, когда пауза затянулась, я сделал провокационное замечание:

– Появилась Нина. Неприятно, когда твоего любимого человека уводит пятнадцатилетняя школьница.

Лариса заморгала.

– Да вы что?! Нинка сестра Мирона.

Я удивился, что Бумагина владеет этой информацией, и уточнил:

– Вы уверены?

– Конечно, – кивнула Бумагина, встала, вынула из шкафа коробку из-под конфет, вытащила из нее фотографию и показала мне.

– Вот.

Снимок запечатлел группу молодых, весело смеющихся людей. Похоже, его сделали на Воробьевых горах, компания стояла спиной к ограждению, за их спинами открывалась панорама огромного города. Я

показал на парня в клетчатой рубашке:

– Гремлин.

– Да, Рома, вы его знаете? – встрепелась Лариса.

– Встречались, – кивнул я, – вы слева, далее Нина, а рядом с ней Мирон.

– Видите, Мирка и Нинок прямо близнецы? – спросила Лариса. – Одно лицо просто.

Я молча рассматривал снимок. Молодые люди принадлежат к астеническому типу: тонкокостные, худые, бледные, с узкими лицами. Но ведь подобных им много. Да, сын Стена и дочь Игоря похожи, но со мной в институте учился Николаша Пенкин, нас с ним часто путали, мы выглядели копией друг друга, но родной крови у нас не было ни капли.

– Ну? Как? – продолжала Бумагина. – Мирон едва Нину увидел, сразу понял: Настя не врет.

– Определенное внешнее сходство присутствует, – признал я, – но это не стопроцентное свидетельство того, что они брат и сестра. Кто такая Настя?

– Мать Мирона и Нины, – объяснила Лариса, – из-за нее раскардаш вспыхнул.

Я отложил снимок.

– Галина Михайловна говорила, что Анастасия Сиротина бросила дочь вскоре после рождения и исчезла в неизвестном направлении. Свекровь считает невестку умершей.

Лариса поежилась.

– Нет, она жива. Все беды из-за Насти начались, когда она к Мирке подошла...

Раздался звонок в дверь. Бумагина сжалась в комок.

– Ой!

Я встал.

– Не волнуйтесь. Скорее всего, это вернулся Василий. Сейчас он вам поесть приготовит.

Глава 35

Лариса враз уничтожила большой омлет, вдохновенно созданный Бурмакиным, выпила литровую кружку кофе со сливками, и ее щеки потеряли землисто-серый оттенок.

– Вы мне поможете? – с надеждой осведомилась натурщица.

– Попробую, но для этого надо понять, что случилось, – предусмотрительно заметил я.

– Долго говорить придется, – предупредила хозяйка.

– Мы никуда не торопимся, – заверил Василий.

– Ладно, – кивнула Лариса и начала рассказ.

От мамы ей досталась крохотная квартирка на первом этаже. Бабушка Бумагиной приехала в Москву из деревни в середине пятидесятих годов, устроилась на фабрику. Трудлюбивой женщине, всегда перевыполнявшей план, за ударную работу дали бесплатно квартиру от предприятия. В ней семья Бумагиных прожила не один год, Лара до сих пор здесь обитает.

Рано оставшись без матушки и какой-либо родни, Лариса устроилась на курсы маникюра и через полгода стала работать в салоне. Заведение не пользовалось особой популярностью, платили там мастерам сдельно, в кармане Бумагиной деньги чаще звенели, чем шуршали. Ларочка могла бегать к людям на дом, трудиться день и ночь. Но ей не везло, частными клиентами она никак не могла обзавестись. Когда Лара очутилась в полной финансовой яме, добрый Господь протянул ей руку помощи. Одна из посетительниц салона предложила:

– Не хотите попробовать себя в роли натурщицы? Нам нужна девушка сдобной комплекции, а вам не помешает дополнительный заработок.

Последние слова так обрадовали нищую Ларочку, что она, не спросив, чем придется заниматься, мигом воскликнула:

– Куда ехать? Я согласна.

Через неделю после начала работы к Бумагиной подошел щуплый парень и, не представившись, поинтересовался:

– Любишь музыку? Приключения? Готова всю ночь не спать?

Лариса засмеялась.

– А что? Хочешь меня на концерт пригласить? Или в клуб.

– Нет, – возразил парень. – Меня зовут Мирон Стен. Есть непыльная работка. Ты тут голой стоишь, значит, бабло нужно. Поэтому я и спрашиваю.

Вот так Бумагина начала обслуживать вечеринки, которые устраивал парень, и вскоре они с Мироном стали парой. Мира, как его звали приятели, не мог считаться красавцем. Тощий, маленького роста, с длинным носом, он комично выглядел около крупной пышной Лары, но Бумагина никогда бы не променяла своего парня даже на наикрасивейшего голливудского актера. Мирон оказался ее второй половинкой, понимал Лару, как никто другой. Он вырос без матери, а отец мало заботился о сыне. Нет, Филипп не бил, не унижал сына, не морил его голодом. Он кормил, одевал ребенка, отдал в школу. Когда Мира сказал, что хочет поступать в театральное училище, папаша выделил денег на репетитора, чтобы подготовить абитуриента к экзаменам. Вроде заботливый отец. Вот только Мирон не мог вспомнить ни одного дня, который он и Филипп провели вместе. Отец не посещал с сыном театр-цирк-кино-зоопарк, не читал книг, не укладывал спать. Все делала нанятая им няня. Мирон рано понял: отец порядочный человек, но он не любит его, заботится о нем из чувства долга.

Лет в десять Мирон спросил у Филиппа:

– Где моя мама?

Старший Стен помолчал, потом сказал:

– Ты уже взрослый, следовательно, я могу сообщить тебе правду. Моя фамилия на самом деле Стентин. А имя по паспорту Федор. Но я представляюсь как Филипп Стен, чтобы походить на выходца из Лондона, коим на самом деле не являюсь. Репетитор-англичанин зарабатывает в разы больше, чем российский коллега. Ты появился на свет в середине смутных девяностых. В стране уже пытались навести порядок, но не особо получалось. За приятную сумму тетка в загсе записала младенца Мироном Филипповичем Стеном, а его отцом указала Филиппа. Свой паспорт я не менял, на то имелись свои причины. Но у меня в запасе есть еще один главный документ гражданина, где я не Федор. Я его в давнюю давнину в метро купил, выглядит он лучше настоящего. Фальшивое удостоверение личности мне нужно исключительно для родителей учеников. Но его у меня ни разу не спросили! Твоя мать Анастасия Сиротина умерла. От тяжелого недуга. Ее брат Антон Сиротин был моим лучшим другом детства. Мы занимались в одной спортивной секции. Думаю, пока это все, что нужно тебе знать.

– Чем мама болела? – спросил мальчик.

– Проблемы с желудком, – обтекаемо сообщил Стен, – надеюсь, ты понимаешь, что нельзя рассказывать никому обо мне правду. Иначе я лишусь уроков, не смогу платить твоей няне, ты будешь сидеть один дома, и мы превратимся в нищих.

Мирон испугался и прикусил язык.

Когда парню стукнуло шестнадцать, он попросил у отца денег на празднование дня рождения.

– Хочешь пригласить гостей? – удивился родитель. – Зачем? Дам, как обычно, конфет, отнесешь в школу, угостишь одноклассников, и делу конец.

– Папа, я уже взрослый, – вздохнул подросток, – в моем возрасте приятели приходят в гости, для них накрывают стол, устраивают танцы.

Филипп поморщился.

– В гости? Сюда? Орда дурно воспитанных детей понесется по квартире? Непременно что-то разобьют, полезут в библиотеку, испачкают книги. Нет, мне не нужно такого счастья.

– Можно в клуб пойти или в кафе, – предложил мальчик. – Дай денег, пожалуйста.

Отец молчал.

– Папа, у нас каждый ученик праздник закатывает, – начал упрашивать Филиппа подросток, – я посещаю чужие именины, а сам чай ни разу не устроил, нехорошо же так.

Стен улыбнулся.

– Значит, ты больше не маленький. Пакет конфет в класс не понесешь?

– Нет, я давно вырос, – пояснил Мирон.

– Стал взрослым? – уточнил родитель.

– Да, – подтвердил сын.

Филипп сложил руки на груди.

– Тот, кто вырос, денег не кланчит, он их зарабатывает. Квартира принадлежит мне. Когда я умру, она достанется тебе, вот тогда твори тут что пожелаешь. Ты более не дите неразумное? Отлично. Созывай друзей в кафе. Но не за счет доброго папочки. Реши наконец, кто ты? Если ребенок, то пойдешь в класс с конфетами, как праздновать день рождения сына, решает отец. Коли ты взрослый, тогда организуешь веселье сам, но без моих денег. Если кто-то вырос, он теряет привилегии малыша. Ясно объяснил?

– Да, папа, – кивнул Мирон, – более чем.

Подросток понял, что просить денег у отца бесполезно, тот ни копейки не даст. Мальчик поломал голову и через неделю велел одноклассникам приехать в заброшенный московский парк, где стояло неиспользуемое здание, некогда районный Дворец пионеров. Всем присутствующим Мирон объявил: перед вами замок монстра. Надо найти зал с праздничным столом, тому, кто придет последним, придется целовать Царевну-лягушку. Можно

купить карту. Подробную за триста рублей. И ту, где нет деталей, за сто.

Ясное дело, школьники расхватили первый вариант, но он тоже оказался без некоторых подробностей. Через два часа беготни по дворцу ребята вновь оказались во дворе и начали обмениваться впечатлениями. Одна девочка чуть не упала в обморок, когда увидела мышь, другая перепугалась, налетев на манекен, испачканный кровью. На самом деле Мирон измазал его клюквенным вареньем, но у страха глаза велики. Света в помещении не было, дети шли с фонариками, которые их попросил взять из дома именинник.

– Где чай с тортом? – заорали все.

После того как все слегка успокоились, Мирон показал приятелям... жабу! Настоящую! Живую! И заявил:

– Раз ничего не нашли, всем придется целовать царевну. Только после этого двери дворцового зала откроются. Кто не захочет чмокнуть заколдованную принцессу, может заплатить выкуп. Пятьсот рублей.

Несколько мальчишек под общий визг и крик решились чмокнуть земноводное, остальные расплатились. Мирон велел одноклассникам встать цепочкой, завязал каждому тряпкой глаза, повел спотыкающуюся, весело визжащую «змею» через парк в заброшенную сторожку. Там дети освободились от повязок и увидели несколько самых дешевых тортов и колу. На следующий день в школе только и говорили, что о невероятном празднике, который устроил Мирон, все были в восторге.

Именинник отдал деньги булочнику, у которого брал в долг бисквиты с напитком, и еще ему осталась небольшая сумма на новые наушники. Хитрый сын Филиппа написал в приглашениях: «Подарки не принимаются. При себе надо иметь тысячу рублей». И оказался с прибылью.

Через неделю к парню подошла одна десятиклассница и спросила:

– Сколько денег возьмешь, чтобы устроить мне на днюху такой же квест, как себе делал?

– Пятьдесят тысяч, угощение по твоему выбору оплачивается отдельно, – не растерялся Мирон, знавший, что отец девицы ездит на «Порше» и не жалеет денег для единственной дочери.

Вот так и начался бизнес, связанный с организацией вечеринок.

Окончив школу, Мирон поступил в театральное училище, познакомился там с Очаговым, привлек его к своему занятию. Но не стал сообщать, что устраивает тусовки еще со школы. Изобразил, что только в вузе допер до выгодного занятия. Почему Мирон так поступил? Он вообще всегда был скрытным. Не болтал ни о своей семье, ни о школьных годах. Лариса сначала тоже ничего о нем не знала. Потом он оттаял, начал

откровенничать с Бумагиной и один раз заметил:

– Еще в первом классе до меня дошло, если сказать кому-то из ребят по секрету: «Я боюсь мышей, только никому не говори», то на следующий день детки тебе в портфель грызунов армию засунут. Не хочешь много плакать – не трепись о себе. Я, Ларуська, только тебе доверяю, остальным нет.

Едва сын стал студентом, папаша потребовал от него оплаты коммунальных услуг. Мирон снял квартиру и... подружился с отцом. Филипп начал уважать сына, который зарабатывал деньги, и стал с ним общаться на равных. А Мирон как-то раз сказал Ларисе: «Фил был прав, когда заставил меня самого решать проблемы, в противном случае ехать бы мне на горбу у него до старости». Когда старший Стен познакомился с Майей, ровесницей Мирона, последний не стал конфликтовать, наоборот, он испытал чувство радости за отца, который не собирался стареть. Мирон сколотил команду, малочисленную, но работоспособную, устраивал вечеринки. Все шло хорошо, пока парень не получил через одну из соцсетей заказ от Анастасии Квитько на организацию тусовки по случаю получения ею новой должности. Женщина попросила Мирона встретиться с ней в сетевой харчевне в спальном районе. Парень приехал, привез бланк договора, начал излагать свои идеи...

Клиентка вдруг его перебила.

– Мирон, ты счастлив?

Парня вопрос не удивил, заказчики и не то ему говорили.

– Конечно, – ответил он.

– Где твоя мать? – продолжала Квитько.

Парень не желал беседовать на эту тему, но ответил:

– Она умерла. Давно. Я тогда едва на свет появился.

Собеседница открыла сумку, вынула небольшой альбом, положила его перед устроителем вечеринок и прошептала:

– Нет. Я жива. Сейчас ты видишь свою мать. В юности я наломала дров, теперь в поленницы их укладывать приходится. Посмотри снимки, это я с тобой на прогулке.

Мирон, слегка обалдевший от такого известия, не бросился на шею тетке, он изучил фото.

– Вас узнать можно. Но кто лежит в коляске, не понятно. Почему я должен верить тому, что вы говорите? Мою мать звали Анастасия Сиротина. А вы представились Квитько.

– Паспорт у меня теперь на эту фамилию, – призналась собеседница, – Квитько я по мужу.

Мирон пожал плечами.

– Никогда не видел свою мать, в нашем доме нет ее снимков. И я вам в начале беседы солгал. Знаю, вы бросили семью и сбежали. Отец мне неприятную правду не сообщил, решил, что мальчику лучше думать, будто мамаша умерла. Я сам случайно истину выяснил. Не понимаю, кто вы, какую цель преследуете, встречаясь со мной, но до свидания.

Клиентка схватила парня за руку.

– Я хочу спасти твою жизнь.

– Пока мне никто не угрожает, – усмехнулся юноша, – и с чего бы вам заботу проявлять?

– Я твоя мама, – прошептала Квитько.

– Верится с трудом, – хмыкнул Мирон.

– Про анализ ДНК слышал? – спросила тетка.

– Конечно, – кивнул студент.

– Найди в поисковике любую лабораторию, – велела Анастасия, – сама я не стану этим заниматься, чтобы у тебя не возникло сомнений, что я привела тебя к своим знакомым, а те результат подтасовали. Сдадим кровь за мой счет. Если результат выявит родство, ты выслушаешь то, что я сказать хочу. Между прочим, у тебя есть сестра. Единоутробная.

– Это что такое? – не понял парень.

– Мать одна, отцы разные, – объяснила Анастасия, – поверь, тебе грозит опасность. Только поэтому я приехала. Я люблю сыночка.

– Если испытывают к сыну чувства, его не бросают, – взорвался Мирон.

Квитько схватила со стола салфетку и начала ее мять.

– Однажды к царю Соломону пришли две женщины с ребенком. «Я его рожала», – говорила одна. «Нет, он мой», – настаивала другая. Правитель послушал их крики и приказал стражникам: «Разрубите младенца пополам и отдайте каждой по куску». «Да, – закричала первая, – отличное решение». «Нет, нет, – испугалась вторая, – государь, прости, он не мой, а ее малыш». Соломон улыбнулся: «Вручите дитя той, которая отказалась от него. Настоящая мать, чтобы ребенок остался жив, согласится даже лишиться его».

– Прикольная сказочка, – ухмыльнулся Мирон. – Но на фиг вы ее рассказали?

– Был выбор, – прошептала Анастасия, – я уйду с тобой, но тогда ты умрешь. Или сбегаю одна. Тогда ты будешь жив. Сдай ДНК, все узнаешь.

На Мирона напало любопытство, он взял свой телефон.

– О'кей! Сейчас выясню, куда нам ехать.

Глава 36

Спустя положенный срок молодой Стен получил результат исследования и обомлел, глядя на вывод, который сделали в лаборатории. С вероятностью девяносто девять и восемь десятых процента Квितько являлась его матерью. Мирон прибежал на вторую встречу в полной растерянности, Анастасия велела ему:

– Теперь слушай.

История, которую изложила она, звучала фантастически.

Насте исполнилось десять лет, когда ее мама, воспитывавшая детей в одиночку, привела дочь в бесплатную спортивную секцию. Тренер и руководитель Андрей Ильич Поморов детально поговорил с девочкой и Мариной Анатольевной, досконально расспросил про биографию женщины, сказал, что принимает к себе только тех ребят, которые на самом деле нищие и совсем без родственников, велел прийти через неделю за ответом.

Спустя семь дней Марина Анатольевна прибежала к Поморову.

– Я беру Настю, – улыбнулся тренер. – А чего Антона дома оставили?

– Вы нас проверяли, – догадалась Марина.

Тренер не стал лгать.

– Конечно. Ведите и мальчика. Ему восемь, вполне способен освоить азы борьбы.

Андрей Ильич начал заниматься с Сиротинными, и Настенька полюбила его всей душой. Девочка никогда не видела своего отца, Поморов стал его заместителем. Тренер показывал воспитанникам разные приемы, заставлял бегать кросс, осваивать акробатику, водил подопечных в бассейн, следил за их питанием, кормил детей в столовой за свой счет, покупал им одежду, требовал отличных успехов в школе. На каникулах вывозил всех в дом отдыха, а летом они полетели на море. Карефу – боевой вид спорта, поэтому школьники научились ловко кидать ножи, стрелять, они уезжали заниматься на полигон, где были всякие спортивные снаряды, проходили полосы препятствий. Тренер устраивал интересные игры. Десятилетнюю Анастасию он отвез в Подмоскovie без рубля в кармане. Остальных членов группы тоже отправил в разные места, поставил перед детьми цель: вернуться в спортивный зал как можно быстрее, не привлекая внимания взрослых, не прося помощи, ни в коем случае не нарушая закон. Настенька управилась в семь вечера, Антоша прибежал в шесть. Через два года брата

и сестру Сиротиных было не узнать. Бывшие двоечники превратились в лучших учеников, их легко могли взять в ряды спецагентов. Тренер казался детям богом, слушались они его беспрекословно. Андрей Ильич приказал не сообщать матерям о том, что происходит на тренировках, и ребята молчали. Да и женщины особо не интересовались планом занятий. Их радовало, что дети теперь отлично учатся, а свободное от уроков время проводят в спортзале, не шлятся по улицам, не связались с дурной компанией. Кроме Антона и Насти с Поморовым еще занимались Федя Стентин и Вера Фокина. Биографии этих детей были как у Сиротиных: отцов нет, родственники отсутствуют, мать, которой никогда нет дома, крохотные, бедные квартиры, нищета...

Спустя пару лет Андрей Ильич повез Сиротиных, как он сказал, на соревнование. Дети прилетели в Екатеринбург, где Поморов озвучил задание: Анастасия должна ночью войти в чужую квартиру, ни в коем случае не разбудить хозяев, открыть холодильник и поменять в нем пузырек с лекарством на тот, что дал ей тренер. Антон страховал девочку.

Брат с сестрой отлично справились с работой, Андрей Ильич их похвалил, дал денег со словами:

– Вы победили в состязаниях, получите приз.

Спустя некоторое время в другой город поехали Федя и Вера. С тех пор командировки стали постоянными. Иногда Федя летал с Антоном, порой Настя объединялась с Верой. Или Вера с Тошей. Постоянных пар не было.

Одно время подростки верили, что они участвуют в каких-то играх, но потом сообразили: происходит нечто странное. Федя спросил:

– Андрей Ильич, что это за состязания такие странные? Ни противников, ни жюри, ни спортзала?

Поморов улыбнулся.

– Молодец! Я все ждал, когда кто-нибудь из вас так скажет. В апреле поедем в один город, вы там в зале выступите, продемонстрируете постановочные бои. Мы будем так иногда делать для прикрытия.

– Что за задания мы выполняем? – удивилась Анастасия. – Зачем нам демонстрировать ненастоящий бой? Состязаний никогда не будет? Карефу как вида спорта нет?

– Карефу нет, – повторил Поморов, – а вот жестокие преступники есть. Мы очищаем от них мир. Ребята, вы особая группа ФСБ, задача которой сделать нашу страну лучше. Деньги, которые я вам даю, – это зарплата. А занятия – ваша подготовка к нелегкой работе. Повторяю, иногда мы покажем театральные бои. Чтобы никто не придрался к нашей секции.

В тот день Андрей Ильич сказал еще много слов о патриотизме, защите граждан России, об особой миссии, которая возложена на подростков.

Даже самые наглые тинейджеры в глубине души романтичны, да и взрослые хотят верить в победу добра над злом, потому-то фильмы про Супермена стали популярны. Надежда на то, что в трудную минуту непременно некто придет на помощь, живет в душе почти каждого человека. Верующие полагаются на Господа Иисуса Христа, атеисты – на героев кинолент, на спецслужбы... Ну кто-то же должен протянуть руку помощи тому, кто в отчаянии. Поэтому не надо сейчас посмеиваться над ребятами, которых с детского возраста воспитывал для выполнения своих заданий Поморов. Настя, Антон, Федор и Вера чувствовали гордость от своей избранности и старались изо всех сил. Ну и хорошая «зарплата», которую им платили, тоже мотивировала.

Когда Анастасия закончила школу, тренер собрал всю группу и сказал:

– Вы уже взрослые, поэтому теперь станете тренироваться в другом месте.

– Нас выгоняют? – испугались воспитанники.

– Не порите чушь, – рассердился Андрей Ильич, – вы мои дети. Дорогие и любимые. Просто щенята выросли, приобрели опыт. Я наберу группу новеньких. Им потребуется приходить в зал каждый день. А вам хватит выполнять задания и тренироваться три раза в неделю. Взрослые агенты не должны пересекаться с малышней. Поэтому для опытных сотрудников будет другой адрес. Но я с вами навсегда.

Воспитанники выдохнули. Правда, сначала они расстраивались, что теперь не каждый день видят Андрея Ильича, но вскоре Анастасия стала радоваться, у нее появилось свободное время.

Шло время. «Агенты» старательно выполняли задания, учились-работали, тренировались в зале, который находился далеко от метро «Динамо». Они все получали деньги от тренера и чувствовали себя счастливыми. Потом неожиданно свалилась беда.

Антон отправился в Харьков, выполнив очередное задание, благополучно вернулся в Москву и... через пару дней пропал. Утром он ушел по делам, а домой не вернулся. Марина Анатольевна сходила в полицию, попросив искать сына. Старшая Сиротина в то время уже почти спилась, в отделение она явилась подшофе и услышала от дежурного:

– Гражданка, ваш сын совершеннолетний. Имеет полное право жить где и с кем хочет. Не пришел ночевать? Девку нашел, у нее и остался. А вам, мамаша, лучше перестать водкой увлекаться, тогда, глядишь, парень

домой вернется.

Марина Анатольевна отправилась восвояси, купила водки, выпила ее прямо на улице и забыла про Антона.

Настя же бросилась к Андрею Ильичу, наплевав на его приказ не показываться в старом спортзале.

Поморов занимался с группой детей, Настя лишь успела заметить, что они все подростки. Андрей Ильич отвел девушку в кабинет и сурово спросил:

– Зачем пришла?

– Антоша пропал, – заплакала Анастасия, – помогите.

– Перестань рыдать, – поморщился тренер. – Ладно, подумаю, что можно сделать. Но ты более сюда никогда не приезжай. Имеешь мой мобильный, почему не позвонила?

– Вы не отвечали, – прошептала Настя.

– Значит, не мог, – сурово ответил Поморов, – уходи живо. Жди, когда с тобой свяжусь. Про Антона, конечно, я знаю и уже работаю по этому вопросу.

Настя вышла из кабинета, чтобы оказаться на улице, ей надо было пройти мимо школьников, которые отрабатывали удары. Сиротина двинулась мимо ребят и вдруг четко осознала: Антона нет в живых, брата убили. Почему она так решила? Ответа на вопрос не было. Настя просто поняла: Тоша никогда не вернется. У Сиротиной подогнулись колени, она опустилась на скамеечку у стены и стала смотреть на мальчика, который безуспешно пытался выполнить элемент «крутилка». Щуплый, низкорослый тинейджер показался Анастасии одиннадцатилетним. Похоже, он ощутил на себя ее взгляд. Он прервал тренировку, оглянулся и подошел к Насте.

– Вам плохо? Принести воды?

Настя поняла, что ошибалась насчет возраста парня, скорее всего, ему четырнадцать-пятнадцать.

– Да. Ты неправильно ставишь правую ногу, поэтому «крутилка» не получается. Выверни правую пятку.

Ученик сделал шаг в сторону, и тут раздался сердитый голос Поморова:

– Игорь! Я разрешал тебе прервать тренировку?

– Нет, но девушке плохо, – начал оправдываться воспитанник.

– Лапин! Заниматься! – отрезал Андрей Ильич.

Юноша быстро вернулся в центр зала.

– Ступай отсюда, – процедил Насте Поморов, – живо! Не смей

общаться с детьми!

– Антон погиб, – прошептала Сиротина, – я чувствую это.

– Исчезни, – рубанул тренер, – запомни: если кто пропал или даже умер, никогда не считай его мертвым. В жизни по-всякому случается.

Настя побрела к выходу, краем глаза она видела, что Игорь ловко выполняет «крутилку», десятиклассник принял к сведению совет Сиротиной, теперь он ставил пятку в правильное положение.

Через пару дней после того, как Настя побывала у тренера, от сердечного приступа умер Андрей Ильич. Вот это был удар. Группа, как обычно, вечером пришла в зал и обнаружила там женщину, одетую в черное. Она оказалась... гражданской женой тренера, которая и сообщила ужасную новость. Анастасия, Федя и Вера не знали, как реагировать на происходящее. Общаясь тесно с воспитанниками, Поморов ни разу не вымолвил ни слова о том, что у него есть пусть и не оформленная официально, но семья, супруга по имени Галина Михайловна Лапина. «Агенты» осиротели, у них неожиданно появилась масса свободного времени. Воспитанники по-прежнему держались вместе, но как им было плохо! Через некоторое время Вера предложила:

– Может, нам пойти в ФСБ? Найти там руководителя, сказать: «Мы группа Поморова, он умер. Но наш коллектив сохранился почти в полном составе, мы хорошо обучены. Готовы продолжать служить на благо Родины».

– Глупая идея, – пробормотал Федя, – как письмо от Ваньки Жукова на деревню дедушке. Начальников в ФСБ много, каждый своим участком рулит. Поступим иначе. Я узнаю, в каком отделе числился Поморов.

– Как ты это сделаешь? – изумилась Настя.

– Есть знакомства, – загадочно ответил Федор, – выясню, кто руководил Андреем Ильичом, и отыщу подход к нему.

– Гениально! – восхитилась Сиротина.

– Надеюсь, получится, – мрачно заметила Вера, – а то мне жить не хочется. Плохо очень морально.

– Денег нет, – добавил Стентин.

Спустя неделю Федя позвал к себе домой Настю и Веру. Мать Стентина умерла, в маленькой квартирке он жил один.

– Нашел шефа Андрея Ильича? – обрадовалась Фокина.

Федор сделал глубокий вдох.

– Девочки! Вы только не нервничайте. Поморов никогда не служил в ФСБ. Он нас обманывал.

– Неправда, – закричала Вера, – ты врешь! Никаких приятелей в

спецслужбе у тебя нет. Дай телефон того, с кем общался, я хочу ему позвонить.

– Не могу, – отрезал Стентин.

– А-а-а-а, – заорала Фокина, – так я и знала! Сама все разузнаю. Прямо сейчас туда пойду! Поеду на Лубянку!

Продолжая кричать, девушка унеслась из квартиры.

– С кем мы работали? – прошептала Анастасия, глядя, как друг обувает кроссовки. – Для кого разные задания выполняли?

– Вали домой, – приказал парень, – найду Верку, успокою ее, нам шум вообще не нужен. Как что-то выясню, позвоню.

Через пару дней Федя опять встретился с Сиротиной и объяснил ей: Андрей Ильич наемный киллер, который использовал их для осуществления своих планов: подменить в квартире жертвы лекарство на отраву, испортить газовую плиту, чтобы метан ночью пошел по жилому помещению и отравил хозяев, бросить в трубу дымохода дохлую кошку, чтобы напугать до инфаркта того, в чей камин она свалится. Все это и еще многое другое проделывали «агенты», полагая, что работают на благо Родины.

Федя просто рассказал про Андрея Ильича, не привел никаких доказательств того, что тренер бандит, но Настя растерялась, испугалась и в первую очередь подумала не о себе, прошептала:

– Верка с ума сойдет.

– Ей ничего говорить нельзя, – предостерег Стентин, – она истеричка! Не звони Фокиной. Если она сама звякнет, сошлись на то, что сейчас говорить не можешь, мне скажи, сам с дурой пообщаюсь.

– Ладно, – согласилась Анастасия и вдруг ахнула: – Господи! Если все ложь, почему мы такие дураки? Поверили в сказку про работу в ФСБ?

Федор пожал плечами.

– Он нас маленькими обучать начал, дети тренеру в рот смотрели. А он хитро действовал. Вспомни, нас сначала двенадцать человек в группе было. Потом кое-кто начал вопросы задавать: «Почему нельзя маме про задания рассказывать?» И Поморов их живо отчислил. Затем он выгнал тех, кто в длину здорово вытянулся. В конце концов осталась наша четверка, все малорослые, тощие, выглядим как подростки хилые. На нас посмотришь и подумашь: таких щелчком с ног сбить в секунду можно. По нам не скажешь, что легко большинство здоровых мужиков завалим, даже тех, что единоборствами занимаются. И мы Андрею Ильичу как богу верили. Он, наемный убийца, сделал из нас своих помощников, нашими руками орудовал. Поморов гениальный воспитатель, психолог, организатор.

Почему мы такие дураки были? Потому что мы такие дураки, которые его до сих пор обожают! Где твоя мать?

– Как всегда, пьяная спит, – пояснила Настя, – очнется и опять за водкой двинет.

– Оставайся у меня, – буднично предложил Федор.

Сиротиной нравился парень, они начали жить вместе. В августе умерла мать Насти, и девушка перебралась к Феде. С Верой любовники более не встречались. Настя пару раз звонила Фокиной, но трубку никто не брал. Девушки служили Поморову, прекрасно работали в паре, но их нельзя было назвать подругами, и, если честно, Вера вызывала у Насти зависть. На красивой Фокиной прекрасно сидела даже самая дешевая одежда. На Сиротиной же почему-то платья выглядели ужасно, в джинсах ее короткие ноги казались толстыми, пуловеры делали похожей на шкаф.

Хорошо ли жила пара? Они вели образ жизни пенсионеров, у которых за плечами сорок лет брака, мало разговаривали, вечерами сидели у телевизора. Анастасия стирала, готовила, убирала, работала, получала копейки. Федор бегал в поисках хорошей службы, но никак ее не находил. Где молодые люди добывали деньги? Настя сдавала свою квартиру, хватало на скудную еду.

Потом случайно родился Мирон, Настя не поняла, что беременна, у нее всегда были проблемы с месячными. То есть подолгу не было. То, что она станет матерью, девушка сообразила, когда аборт уже никто делать не брался. Пришлось рожать, конечно, прибавилось хлопот и расходов. Ни Настюша, ни Федор не ездили в район метро «Динамо». В зал, где они занимались с Поморовым в детстве, не заглядывали. А зачем? Вспоминать время, когда их жизнь была наполнена смыслом? Общением с тренером? Настя очень скучала по Андрею Ильичу, она думала, что жизнь с Федей заполнит пустоту в душе. Но парень не смог заменить того, кого она считала своим отцом. Сиротиной было безразлично, кем на самом деле являлся Поморов: наемным убийцей или героем ФСБ, она очень хотела, чтобы тренер ожил. И Господь услышал ее молитвы.

Глава 37

Мирон уже начал ходить, ему исполнилось два года, когда в квартире Федора раздался телефонный звонок, коренным образом изменивший жизнь Насти. Сиротина взяла трубку.

– Привет, – сказал хриплый бас, – отличное предложение от лучшего спортзала. Если через час приедете к нам, будете год заниматься борьбой Карефу по системе создателя единоборства Андрея Поморова. Предложение действует только сегодня и лишь до четырех часов дня.

Настя схватилась за стену.

– Адрес скажите.

– Записывай, – велел незнакомец.

Федор в тот момент куда-то ушел, Сиротина заметалась по квартире, оделась, схватила сына и помчалась к метро, не оставив супругу записки.

Мужчина, который встретил Анастасию, назвался Павлом Юрьевичем Ершовым и внешне совершенно не походил на Поморова. Андрей Ильич был жилистым, худощавым, Павел Юрьевич имел фигуру качка. Поморов обладал буйной шевелюрой, Ершов сверкал голым черепом, зато на подбородке и щеках у него росла аккуратная борода. И лицо нового тренера Карефу не имело ничего общего с физиономией того, кто придумал борьбу. Но когда незнакомец взглянул на Анастасию, та осела на скамейку. Брови, нос, щеки, лоб – все не такое, как у Андрея Ильича, но на чужом лице сияли хорошо знакомые глаза горячо любимого ею Поморова.

– Это вы, – ахнула Сиротина.

– Я – это я, – улыбнулся новый тренер, – с этим заявлением не поспоришь. А вы – это вы! У вас, женщина, походка вразвалочку, ее можно исправить, а то прямо уточка. Уж не обижайтесь. Утётка вы.

Настя перестала слышать хриплый голос, совершенно не напоминавший красивый баритон Поморова. Уточка. Так ее в первые годы обучения дразнил любимый тренер. «Уточка, разворачивай носки при ходьбе, того и гляди загребешь одной ступней за другую и грохнешься», «Утётка, ты же девушка! Не косолапь, замуж не возьмут», «Ах ты уткис! Сколько раз объяснять! Девочка должна выступать павой, а не переваливаться с боку на бок», «Утётка просто. Не утка даже. Утётка». Нахлынувшие воспоминания смел от Мирона.

– Да заткнись ты! – крикнула мать, которой в тот момент было ну совсем не до ребенка.

– Ну и ну! – укорил Ершов. – Хороша родительница. Зачем малыша заводить и не любить его? Мальчик рыдает, потому что упал. Пора поговорить, пошли в мой кабинет.

– Федор! – вспомнила Настя. – Его надо позвать.

– Нет, – отрезал Ершов.

– Почему? – прошептала Сиротина. – Он так ждал вас.

– Сомневаюсь, – мрачно возразил Павел Юрьевич.

– Почему? – повторила Настя.

– Лапин! – крикнул Ершов.

Юноша, приседавший со штангой у зеркала, прервал тренировку и подошел к скамейке.

– Слушаю, Павел Юрьевич.

Настя узнала парня, это ему она в день своей последней встречи с Поморовым советовала правильно ставить пятку для выполнения приема «крутилка». Подросток вырос, ему, наверное, теперь лет семнадцать-восемнадцать, но он остался таким же щуплым и низкорослым.

– Возьми малыша, поиграй с ним, – распорядился тренер.

Ученик поднял Мирона и понес к матам.

– Шагаем в кабинет, – приказал Насте Ершов.

Когда они оказались в небольшой комнате, хозяин тщательно запер дверь и раскрыл объятия.

– Уточка! Утёточка!

– Вы Андрей Ильич? – зашептала Настя. – Да? Вы ожили? Да? Вы вернулись с того света? У вас голос другой, лицо, тело...

– Можно долго рассказывать про пластические операции, ожог лазером, который влияет на голосовые связки, и прочие ухищрения, но ты лучше думай так: душа Поморова переселилась в тело Ершова, – рассмеялся тренер.

Она бросилась ему на шею и зарыдала. Можно изменить полностью внешность, сделать другие документы, но аромат кожи не подделать, он у каждого человека индивидуален, а Настеньке от природы достался собачий нюх. От Павла Юрьевича Ершова сейчас пахло Андреем Ильичом Поморовым.

Когда Настя наконец успокоилась, она задала вопрос:

– Почему нельзя позвонить Феде?

– Потому что из-за него я теперь Ершов, – пояснил тренер, – натворил дел, дурак!

– Что сделал Стентин? – испугалась Сиротина.

Хозяин кабинета нахмурился.

– Я разве когда-нибудь давал вам задание выстрелить в кого-то, ударить ножом, придушить? Нет. Преступники, которых мне поручали убирать, умирали сами, мы только создавали особые ситуации, меняли им лекарства или портили что-то дома, в офисе. Но сами вы убийцами не становились. Я не одобряю прямого насилия и воспитанников киллерами не делал.

Настя слушала его, приоткрыв рот. Возразить ему: «Вам не кажется, что пустить человеку пулю в лоб или положить в его аптечку вместо лекарства яд – это одно и то же» – ей не пришло в голову. Для Сиротиной тренер всегда был прав, а в день, когда он восстал из мертвых, Поморов оказался втрое прав.

– Федор и Антон поехали на задание, – продолжал Ершов. – Твой брат совершил ошибку. Не хотелось тебе говорить, но придется. Он попался в тот момент, когда ставил на тумбочку воду. Антоше предложили больше денег за то, что он соврет о выполнении задания, а сам ничего не сделает. Тоша согласился. Но Федор понял, что объект остался жив, прижал товарища, потребовал объяснений. Антон признался в предательстве, пообещал Стентину отдать весь полученный от объекта бакшиш, попросил ничего мне не сообщать, и Федор, который страховал Сиротина, убил его.

Анастасия схватилась за голову.

– Нет!

– Да, – возразил Ершов, – преступление Стентин совершил грязно, хотел представить все как несчастный случай, но опыта, ума и аккуратности не хватило. Наивный Федька думал: все очень просто! Но кое-что не предусмотрел, хотя я вас научил замечать следы. Чтобы спасти дурака, мне пришлось самому подставиться, а потом «умереть». Покойника на допрос не вызовут и не осудят. Я ему сказал:

– Федор, из-за тебя стартовали неприятности. Сиди тихо. Не высывайся. Через несколько лет дам о себе знать.

Но он...

– Федя знал, что вы живы, – ахнула Настенька.

– Да, – кивнул тренер, – на разговор со всеми у меня времени не было, я велел ему тебя и Веру успокоить.

– Он нам ничего не сообщил, – возмутилась Сиротина, – мы плакали каждый день.

– Мерзавец, – сказал хозяин кабинета, – я не знал, что он творит, мне лишь недавно доложили, как Стентин убил Веру.

Анастасия резко подалась назад и ударилась затылком о стену.

– Фокину? За что?

– Вера не верила в смерть Поморова, – грустно объяснил тренер, – она проявила активность, нашла мою жену. Вижу на твоём лице вопрос: почему вы ничего о Галине Михайловне не знали? Отвечаю. Моя работа опасна. Что бы там ни врал Федор, я очищаю мир от преступников, жестоких убийц, насильников, педофилов. Стентин не мог ничего обо мне в ФСБ узнать, потому что мои группы тщательно законспирированы, а я подчиняюсь лишь одному человеку. По какой причине такая секретность? Подумай, что случится, если преступник уйдет живым, поймет, кто хотел его устранить, и выяснит сведения о моей семье. Галину сразу убьют. И сына тоже. Вот по этой причине у нас брак гражданский. Почему Галя открыла вам правду? Потому что я велел ей объяснить, что она моя гражданская жена, Поморов умер. Я сначала не собирался говорить вам о том, что смерть тренера ненастоящая. Но вскоре понял, что это неверное решение, и связался с Федором. Вера же отыскала Галину Михайловну Лапину, это не сложно, супруга не скрывается, прописана в Москве, Вера приехала к ней домой, плакала, рыдала, умоляла сказать ей, что произошло. Галина оставила ее ночевать, связалась со мной, объяснила ситуацию. Я поразился, что Федор послушался приказа. Утром супруга рассказала гостье всю правду, попросила ее проинформировать тебя, велела держать язык за зубами. Хорошо зная и тебя, и Веру, я не сомневался, что вы даже под пытками не выдадите меня. Но не предусмотрел, что у Фокиной начнется истерический припадок. Когда Галина, окончив рассказ, вышла в туалет, Вера схватила телефонную трубку. Жена услышала голос Фокиной: «Федор, еду к тебе! Знаешь, какую новость несу! Подонок, мерзавец, ты всегда все знал». Галина не могла сразу выскочить из туалета, ей потребовалось для этого несколько минут, но Фокиной уже и след простыл. Вере предписывалось на следующий день позвонить Галине Михайловне и спросить: «Клиника «Гипайл»?» Это являлось бы подтверждением того, что ты теперь тоже все знаешь, успокоилась, ожидаешь моего возвращения, но Фокина не объявилась, Галина подождала два дня, набрала телефон квартиры Веры, подошла ее соседка по коммуналке, Галя сказала:

- Позовите Веру Фокину.
 - Кто ее спрашивает? – ожидаемо поинтересовалась женщина.
 - Из стоматологической поликлиники, – ответила Галина Михайловна, – напоминаем о приеме у доктора.
 - А ее нет, ушла из дома и не вернулась, – буркнула тетка, – не ночует.
- Галина поговорила с соседкой и поняла: Вера исчезла в тот день, когда звонила Федору и обещала ему рассказать тебе все. Стентин не хочет больше работать в моей группе и не желает, чтобы любовница вернулась к

прежнему занятию.

– Он давно ищет для нас другую квартиру, – пролепетала Анастасия, – я у него спрашивала: денег на более просторное жилье нет, сможешь такую же халупу, как сейчас, взять, только в другом районе. А он уперся, твердит, что решил переехать, выставил квадратные метры на продажу, но их никто покупать не собирается. А еще придумал зачем-то фамилию свою изменить на Стен, имя на Филипп. Сейчас соображает, как это сделать. Он...

– Глупец и убийца, – перебил Ершов, – решил спрятаться от меня, думает, я его накажу. Идиот надеется, что я не найду его, если он переедет и у фамилии хвост отрубят. Да уж! Взрастил чудо-юдо своими руками. Не стану пачкаться. Пусть живет, сам с ним более дел иметь не желаю. И я боюсь за тебя. Сорвешься, как Фокина, наговоришь мужу в лицо чего не надо и последуешь вслед за Верой и Антоном. Человеку трудно убить первый раз, во второй легче, а в третий само покатит. Тебе нельзя домой. Я подготовил тебе квартиру, вот ключи. Езжай туда. Одна.

– А Мирон? – опомнилась Сиротина.

– Он балласт, – поморщился тренер. – Кто пацаном займется, когда ты отправишься в командировку? Ты будешь постоянно работать. К чему ребенок матери, которая дома бывает наездами? Федор хороший отец?

– Да, – честно ответила Анастасия, – он Мирона любит, правда, очень строг с ним, не разрешает целовать мальчика, баловать.

– Вот и пусть о наследнике заботится, – принял решение Ершов, – через некоторое время, когда мальчик подрастет, заберешь его к себе. Сейчас он помеха.

– Ничего не получится, – всхлипнула Анастасия, – Федор меня не отпустит, устроит скандал, поднимет шум, начнет искать. И как он один справится с сыном?

– Няньку наймет, – жестко произнес Ершов.

– А деньги где ему взять? – заикнулась Сиротина.

– Заработает, – отмахнулся тот, кто теперь назывался Павлом Юрьевичем, – а насчет «не отпустит», «шум поднимет»... Если живешь в стогу сена, нельзя баловаться спичками. Не беспокойся, милая. Федор убил двух человек, думает, что замел следы. Дурачок. У меня есть твердые доказательства его вины. Начнет Стентин выступать, я их передам кое-каким людям. Феде сегодня четко объяснят: не хочешь беды себе, сиди тихо. Люби малыша! Не вздумай его в приют сдать, сразу правда о тебе выплывет из темного колодца. Думаю, он сделает правильные выводы из разговора. Наймет няню, не бросит Мирона, все будет хорошо.

– Нет, – всхлипнула Настя, – Андрей Ильич...

– Павел Юрьевич, – поправил тренер, – более не ошибайся в моем имени. Фамилия Ершов.

– Павел Юрьевич, – покорно повторила Настя, – я вас так люблю, что не передать словами. Мечтаю снова работать с вами. Но и мальчика бросить не могу.

– Дорогая, придется выбирать, – ласково пропел Ершов, – перед женщинами частенько встает вопрос: или ребенок, или интересная работа.

– Не знаю, – зарыдала Настя, – не знаю. Мне плохо. Очень.

Павел Юрьевич обнял воспитанницу.

– Ну, ну, не плачь, понимаю, это не просто. Но я все за тебя решил. Мирона уже сейчас везут к отцу.

Глава 38

Лариса остановилась.

– Понимаете? Мать предала сына.

– Не судите, да не судимы будете, – сказал я, – наверное, Настя испытывала глубокое раскаяние, раз она спустя годы нашла сына и честно рассказала ему о том, что сделала.

– Вот! – рассердилась Бумагина. – Вы прямо как Мирон. Когда я назвала его мамашу тем именем, которого она заслуживает, Мирка ваши слова произнес. Он не понял, во что его мерзкая баба втягивает. Не было у Анастасии никаких добрых чувств к сыну. Иначе бы она не стала его использовать. Сиротина опытная преступница, ловко заманила Мирку и Нину в ловушку. Вы меня не дослушали, а сделали вывод! Почему все сразу жалеют гадину Настю, а?

Я опустил голову.

– Вы правы. Продолжайте.

– Добрая мать ни разу не навестила мальчика, который у отца остался, – сердито завела Лариса, – занята очень была. Зато у нее хватило времени на то, чтобы замутить роман с малолеткой. Дрянь соблазнила Игоря Лапина. Она знала, что Игорек сын тренера и Галины Михайловны, решила в их семью невесткой войти, потащила парня в свою кровать.

– Настя рассказала Мирону и об этом? – уточнил Василий.

Глаза Бумагиной превратились в щелки.

– Нет, гадюка Мирке наврала, что Игорь ее изнасиловал. Лапин внешне убого выглядел, мелкий, тощий, никто с ним из девушек знаться не хотел. Над Игорем вечно смеялись. Вот он и решил показать, что крутой! Лапин был в курсе дел отца, помогал ему, он припугнул Анастасию.

– Расскажешь кому, что я тебя силой взял, прощайся со свободой, о том, как ты деньги зарабатываешь, в милиции вмиг известно станет.

Вот бедная овечка и покорилась. Вранье! Я уверена, баба мечтала стать членом семьи тренера. Ершов умер, когда Игорю едва восемнадцать исполнилось, Настя живенько забеременела. Мирон очень умный, но наивный, он о людях всегда хорошо думает, верит им. А я сообразила: Настя отлично подготовлена тренером, умеет драться лучше мужиков, и чтоб ее пацан принудил к сексу? Ха! Сиротина любого, кто руки протянет за задницу ее схватить, уроет на фиг. Опытная убийца, которая обучена действовать в любых форс-мажорных обстоятельствах, мгновенно

принимать решения, спасовала перед Игорем? Испугалась, что тот обратится к ментам? Три ха-ха! Русские народные сказки и то правдоподобнее. Не так было! Анастасия сама Игорю на шею повесилась, а тот не понял, с кем имеет дело, решил, его полюбила взрослая женщина, опытная. В ее возрасте не знать, как предохраняться? Сиротиной что, пятнадцать? Она про презервативы не слышала? Нарочно ничем не воспользовалась!

– Непонятна мотивация Анастасии, – заметил я, – создатель борьбы Карефу на сей раз реально скончался, Сиротина освободилась от его ига, ей следовало бежать подальше от Лапиных, устраивать свою жизнь вне преступной деятельности.

– Мужчине никогда не раскусить, о чем женщина думает, – снисходительно заметила Лариса, – а вот баба всегда сообразит, что другая замыслила. Вы правы. Поморов-Ершов умер окончательно, навсегда на тот свет уполз. А что Анастасия умеет делать? На шефа работать. Все. Хозяин на кладбище уехал. Куда Сиротиной податься? Чужие квартиры мыть? Есть вариант получше. Родить ребенка, войти в семью с деньгами и жить припеваючи.

Настя Мирону заявила:

– Я как думала: что Галина Михайловна тихая, Игоря обожает, что тот ни попросит, мигом сделает. Да, ей не понравится, что невестка намного старше сына, но, когда Гарик скажет: «Мама, хочу, чтобы Настя стала моей женой, и она беременна», тетка перетопчется, начнет внуком заниматься.

Как ее слова расценить? Это признание в отношениях по расчету. Но не получилось. Анастасия, правда, оказалась в доме Лапиных и вскоре поняла: главный-то в их семейном бизнесе не Поморов-Ершов был, а его гражданская жена.

– Галина Михайловна? – уточнил я. – Верится с трудом, что дама организатор и руководитель преступного дела.

– Тем не менее это так, – отрезала Лариса. – Галина и мужем, и сыном командовала, сама в тени держалась. Настя из грязи в крапиву угодила. Она-то рассчитывала на диване кверху пузом лежать, а бабка жестче тренера оказалась, ей плевать было, что у невестки токсикоз, а потом пузо на нос полезло. Беременна? Чудесное прикрытие! Работай больше. Когда на свет появилась Нина, старуха невестку выгнала, заставила ее развод оформить, внучку не отдала, на прощанье заявила: «Я расставляю точки над i. Почему свадьбу допустила? Отчего не противилась появлению ребенка на свет? Было одно задание, которое только беременная осуществить могла. Я его никак выполнить не могла, потому что не было

агента с пузом. И тут ты! Ну а теперь, когда все сделано, проваливай. Ты мне уже без надобности. И у Игоря глаза на тебя открылись. Он хоть и юн, да сообразил, по какой причине ты от него Нину родила. Уж не по страстной любви. Хотела Настя на нашем горбу ехать? Не вышло. Ступай откуда пришла. Для работы с нами ты стара. Мне нужны молодые, ловкие, крепкие. Время твое закончилось. Забудь дорогу в мой дом. Нет у тебя дочери. Если посмеешь к ребенку на улице подойти... Ты меня знаешь, понимаешь, чем это закончится».

Игорь молча мать слушал, ни слова не проронил.

Лариса чихнула и продолжала рассказ:

– И чем Насте заняться? Как деньги зарабатывать? Она нанялась на службу секретарем, шеф фирмы, совсем не молодой мужчина, влюбился в помощницу, женился на ней. Настя сменила фамилию на Квитько, похоронила свое прошлое. Детей у нее нет. Через пару лет она развелась, сейчас живет одна, служит в стройконторе секретаршей босса. Мысли о Мироне и Нине, свое желание увидеть детей, она гонит из души, понимает: не следует сыну и дочери с ней встречаться. Ничего хорошего из их общения не получится.

– Но ты со мной сейчас в кафе сидишь, – возразил Мирон Насте, когда она рассказала ему всю историю.

– Особые обстоятельства вынудили, – прошептала мамаша-кукушка, – ты не попал в лапы Галины Михайловны и Игоря, потому что жил с Федором, который всю правду про преступную группировку знал и сына бы туда никогда не отдал.

– Наверное, я просто им не понадобился, – предположил Мирон, – в противном случае отца могли шантажировать, и он направил бы меня заниматься борьбой Карефу.

– Важно не почему ты там не оказался, а то, что ты там не оказался, – подчеркнула Настя, – а вот с Ниной другая ситуация. Ее с ранних лет начали обучать семейному делу. Девочка хорошо рисует, сейчас она помогает отцу сменные полотна делать.

– Что? – не понял Мирон.

Настя обхватила ладонями картонный стакан с остывшим кофе.

– Поморов постоянно ученикам внушал: «Основной принцип нашей работы: тихое бескровное уничтожение. Жертва должна скончаться сама от естественных причин и в тот день, когда никого из вас даже близко рядом нет». Тренер работал по старинке, по накатанной, как привык. Я уже говорила, что мы лекарства меняли, электроприборы портили, шланг у газовой плиты слегка отвинчивали, ну и тому подобное, масса уловов была,

например, добавить в крем для лица или тела яд. Кожа дышит, через нее отравы легко проходят к внутренним органам, но действует не сразу. Использует человек косметику раз пять-семь, и кирдык ему. Игорь пошел дальше, у него с фантазией полный порядок. До чего он додумался? Подключил психологию. У некоторых людей есть серьезные недуги. Ну, например, ишемическая болезнь сердца, атеросклероз. Еще двадцать лет назад эти заболевания приговором считались. Бляшки росли, закрывали просвет сосуда, и упс. Сейчас стенты ставят, статины принимают и скрипят по многу лет. Но если больного сильно испугать или заставить в течение некоторого времени нервничать, страдать бессонницей, плакать, переживать, то все ухищрения медиков не помогут. Случится у него инфаркт-инсульт. И что же делает Лапин? Жертве дарят картину, красивую, оригинальную, которая точно ей понравится. Днем она просто пейзаж-натюрморт-портрет. Зато ночью! Жертва просыпается и видит: полотно-то светится, сюжет изменился, там какой-то ужас намалеван, смерть с косой, надпись «Я пришла за тобой».

– Кошечка Хаврошечка, – пробормотал я.

– Что? – не поняла Лариса.

– Рассказывайте дальше, – попросил Василий.

И мы услышали такую историю.

Глава 39

Никакого волшебства в картине не было. Весь фокус скрывался в раме, большой, пафосной, роскошной. Внутри багета пряталось еще одно свернутое полотно. Посреди ночи оно, написанное светящейся краской, выползало через очень тонкую, почти невидимую щель, некоторое время закрывало основную картину и потом втягивалось назад.

– М-да, – крикнул я. – А если человек не проснется? Или он поймет, в чем дело?

Лариса почесала переносицу.

– Мирон у матери то же самое спросил. Она рассказала, что Игорь фишку с пейзажами-натюрмортом давно придумал, еще когда Настя его женой считалась, поэтому Сиротина о примочке знает. Лапин всегда тщательно изучал жертву. Картины доставались лишь обостренно-эмоциональным людям, склонным к походам по экстрасенсам, гадалкам, колдунам. Что же касается сна...

Лариса поежилась.

– Настя объяснила, что вариант с картиной предлагают только тем, кто смерть родственника заказывает и живет с ним бок о бок. Жена хочет убрать мужа, невестка – свекровь, зять – тещу, второй муж – ребенка супруги от первого брака. Все очень просто. Заказчик потихоньку ставит будильник на нужный час, тот звонит в неурочное время, допустим, в два ночи. А заказчик уже в комнате у двери, он пультом картину активировал. Спящий открывает глаза. Он разбужен внезапно, плохо соображает, а перед глазами у него светящаяся картина с жутким сюжетом. Человек теряется, не понимает, что происходит, пугается...

– Что случилось? Ты кричал, я прибежала! Почему не спишь? – к нему бросается член семьи, который этот спектакль организовал.

Муж-жена-мать-свекровь начинают говорить про картину, но пока жертва пытается объяснить, что ее напугало, родственник встает так, чтобы загородить полотно, тайком нажимает на пульт. Полотно снова становится прежней картиной. Игорь очень гордился своей выдумкой, называл себя гениальным художником убийства, а Поморова, своего отца, ремесленником.

Я молча слушал Ларису. Значит, Фаина Григорьевна Стеклова не зря подозревала свою дочь. Вероника заказала для мужа «Кошечку Хаврошечку», а после кончины супруга просто поменяла раму, сразу

мазню, чтобы не вызывать кривотолков, не выкинула. Пара спала в разных комнатах, но между ними была внутренняя дверь. Смею предположить, что Вероника заводила и будильник, открывая створку, звук проникал в опочивальню Виско, тот просыпался. А жена нажимала на пульт. Когда бедный Егор, который боялся семейного безумия, цепенел от ужаса, заботливая женушка поила его водой и опять нажимала на кнопку. Картина принимала первозданный вид. Вот почему теща, взяв на одну ночь к себе «произведение искусства», не заметила ничего странного. Вероника не пользовалась пультом в ту ночь. И в минеральную воду умная дама какое-то лекарство добавляла, чтобы муж быстро засыпал и совсем одурманенным просыпался.

– Если правильного выбранного человека так пугать, – продолжала Лариса, – то он или сразу тапки отбросит, когда глаза откроет, insult от ужаса получит. Или спустя несколько недель умрет из-за постоянного стресса. Картины редко использовали, тщательно для них жертв подбирали, не всем это подойдет. Но Игорь очень гордился своей придумкой. Лапин решил, что дочери пора в семейный бизнес вливаться, он-то сам с малолетства Карефу занимался. Ну и велел Нине раму для картины шкурить, объяснил ей, что есть преступники, которых закон наказать не может, напел дочери в уши все то, что тренер своим ученикам внушал. Только его подопечные верили Андрею Ильичу, долгое время считали, что они дети-спецагенты, которые мир от жестоких преступников освобождают, прозрение у них не сразу наступило. Они росли в нищих семьях, без отцов, Поморин им отца заменил. Уйти из борьбы Карефу для тех, кого Андрей Ильич для себя отобрал, означало не только лишиться денег, что очень важно, но и потерять любимого родителя. А у Нины другая ситуация: дом – полная чаша, ей о куске хлеба для себя и матери думать не надо. Отец есть, бабушка. Когда девочка поняла, чем занимается ее семья, она перепугалась и позвонила родной матери.

– Стоп, – скомандовал Василий, – как Нина узнала про Настю? Где взяла ее телефон?

Лариса потерла щеки ладонями.

– У меня сведения от Мирона, а тот все от матери узнал. Мой рассказ может как испорченный телефон получиться. По словам Сиротиной, Нина ей звякнула рано утром, зашептала: «Я ваша дочь, только не бросайте трубку. Давно знаю, что вы в Москве. Бабушка с папой иногда про вас говорят, когда думают, что меня нет рядом. Но я их не раз слышала. Они ваше имя, отчество, фамилию называли. Я нашла вас в базе мобильного оператора. Мне очень надо с вами поговорить. Больше не с кем.

Помогите!»

Анастасия приехала в парк около школы Нины, встретила с девочкой во время получасовой перемены. Откровенно побеседовали. Нина умоляла:

– Придумайте что-нибудь, не могу я заниматься тем, чем велят отец и бабка. Хочу убежать. Но куда? Возьмите меня к себе.

Мать замялась.

– Я скоро выхожу замуж. Мой будущий муж ничего не знает о моей прошлой жизни. Как я ему объясню: кто ты такая?

Нина стала умолять.

– Назовите меня племянницей.

– Я не один раз говорила жениху, что не имею никакой родни, – пробормотала Настя, – он неладное заподозрит.

– Пусть я буду дочкой вашей внезапно умершей подруги, – придумала Нина, – а вы меня от приюта спасли.

– Можно легко выяснить, кто ты, – прошептала Анастасия, – паспорт проверить недолго.

Нина вскочила.

– Понятно! Ты меня бросила и не собираешься помогать. Без разницы мамаше, во что дочь втягивают!

– Нет, нет, – зачастила Настя, – первый адрес, куда Игорь придет в поисках тебя, – мой. Лапин сразу решит проверить, не у меня ли ты прячешься. Моя квартира не подходящее место, тебе нужно найти другое убежище.

Нина расхохоталась.

– Отлично. Спасибо. Я получила ценный совет. Ладно, сама справлюсь. – Потом она закричала: – Жаль, что у меня нет старшего брата! Вот он бы мне помог. Хорошо, когда есть старший брат. Старший брат в беде не бросит. Но у меня его нет! Нет у меня старшего брата! Мне никто не поможет.

Нина вскочила и убежала. Настя не успела ее остановить. Сиротина испугалась, что девочка натворит бед, стала думать, как поступить. Позвонить Галине Михайловне? Предупредить Игоря? Ни первое, ни второе невозможно. В конце концов ей пришло в голову попросить о помощи Мирона. Нина столько раз в истерике повторяла: «Старшего брата у меня нет», что Настя решила отыскать сына.

– Ты очень умный, – плакала Анастасия, – протяни сестре руку. Ей плохо. Придумай, где ей спрятаться...

Василий не смог сдержать эмоций:

– Ну и ну. Отличная мамочка. Я бы на месте Мирона ее послал далеко

и надолго.

– Вы не знали Миру, – шмыгнула носом Лариса, – он очень интеллигентный, сказал матери: «Я подумаю». И вернулся домой, мы вместе жили, в этой квартире я не показывалась. Мы хотели пожениться.

Бумагина замолчала, когда тишина стала тягостной, я откашлялся:

– Гремлин утверждал, что вокруг Мирона постоянно вились девушки. Вас он считал запасным аэродромом, пользовался вами, когда никого лучше под рукой не было. А вы говорите про любовь, совместное проживание, женитьбу...

Лариса вскочила.

– Вот ...! Он ко мне клеился! А я его лесом послала! Наглый! Противный! Грязный! Это Роман ни одной юбки не пропускал! Гремлин обозлился. Как это так? Все с ним спят, а Лариса не хочет?! И начал про меня гадости направо-налево рассказывать. Он врун! Подонок. И всегда завидовал Мирке, потому что Стен босс, а тупой Гремлин на вторых ролях и не бывать ему первым!

– Успокойся, – попросил Василий, – и не злись. Иван Павлович должен был такой вопрос задать, чтобы картину прояснить. Если верить Очагову, МIRON к тебе потребительски относился. Но сейчас мне, например, ясно, что он тебя любил. Иначе бы ты ничего про разговор Мирона с Анастасией не узнала, такое сообщают лишь очень близкой женщине. Да? Иван Павлович?

Я кивнул.

– Конечно. Я не хотел вас, Лариса, обидеть. Увы, иногда приходится не очень приятные вопросы задавать. И что МIRON придумал? Вы, наверное, знаете.

Лариса села, положила руки на стол и опустила на них голову.

– Устала я очень, но договорю. Встретиться с Ниной у школы, сказать ей: «Я твой старший брат от первого брака матери» – Мирка считал неправильным. Нина не поверит. Решит, что ее папаша и бабка какой-то финт придумали, те горазды на спектакли. Поэтому он подстерег ее после занятий, сделал вид, что просто мимо шел, столкнулся с Ниной случайно, пролил на нее воду из бутылки, которую в руке держал, начал извиняться. А потом предложил поработать у него на вечеринках. МIRON подумал, что им с сестрой нужно сначала познакомиться, подружиться. Нина должна проникнуться к брату доверием, вот тогда он ей правду сообщит. И все получилось, как он думал. Мира очень умный.

Лариса зашмыгала носом.

– Был умный. Был. Он хитрый план в деталях разработал. Матери

Ильи Рыбакова Галина Михайловна не заплатила денег за работу...

Я посмотрел на Василия. На самом деле старуха передала конверт экономке, а Маргарита Львовна не отдала его маникюрше.

– Нина предложила приятелю: «Давай изобразим мое похищение, потребуем от бабки сто шестьдесят тысяч рублей. Она их сразу заплатит, ты выкуп Алине Марковне отдашь. А я домой поеду».

Илья обрадовался и согласился. Но ему весь план не сообщили. Нина не собиралась к отцу и бабке возвращаться. Мирон хорошо зарабатывал, он снял квартирку в Москве. Нина собиралась там жить, но сначала брат с сестрой решили Галину Михайловну припугнуть. Внучка ей эсэмэс послала. «Помоги. Я в избе, в деревне Коклюшки заперта». Мирон оделся в футболку, как у Нины, и джинсы. Стен был не крупным, но все равно больше девочки, та совсем мелкая, хоть и длинная, майку он специально в магазине купил, там на ней нужную надпись сделали. Парик нацепил, у него их были горы для вечеринок. Ну и что получилось? Галина Михайловна на своей машине прикатила.

– Она умеет водить? – уточнил я, вспоминая, как старуха говорила мне про шофера, который много лет в семье служит.

– Я ее за рулем видела, – хмыкнула Лариса, – сто лет в обед карге, а ловко с тачкой обходится. Ребята слышали шум мотора. Нина спряталась в шкаф, Мирон лег на кровать, лицо прядями парика прикрыл. Они как рассчитывали? Бабка войдет, начнет звать: «Нина, Нина!» Увидит на кровати человека, приблизится, примет в полумраке Мирона за внучку, наклонится, чтобы посмотреть на нее, и тут Мирон ее схватит, на кровать опрокинет, удержит. Нинка из гардероба выскочит, свяжет старуху. Брат с сестрой потребуют от Галины всю правду про борьбу Карефу рассказать. Пригрозят: если не будешь откровенной, убьем, закопаем тело, никто его не найдет, все будут думать, что бабка ума лишилась, на улице заблудилась и сгинула. Часто такое случается, пенсионеры постоянно пропадают. Галина испугается и признается. Диктофонная запись останется у ребят, они Лапиной объяснят:

– Не смей искать Нину, не пытайся ее в семейный бизнес втягивать, иначе аудиозапись в полицию передадим, вас с Игорем посадят.

Потом они уедут. Рано утром появлюсь я, прикинусь, что заблудилась и, чтобы правильную дорогу найти, в ближайшую избу войду, а там... старуха на кровати связанная. Я освобожу Лапину и в Москву вернусь. Нина поселится в снятой квартире, домой никогда не вернется, они по-прежнему будут с братом вечеринки устраивать, а я выйду замуж за Мирона. Все лучше некуда сложится.

Я не склонен осуждать чужие, пусть даже идиотские поступки и планы. Но тут я не сдержался:

– Это просто бред. Он мог прийти в голову только девочке-школьнице и парню, у которого нет ни малейшей сообразительности.

– Глупее я ничего в своей жизни не слышал, – подхватил Василий, – даже в идиотском сериале такой сюжет не прокатит. Нет смысла объяснять, где в «гениальной» задумке прорехи, потому что вся идея – одно сплошное кретинство. Нина тупая! Мирон кретин!

– Мирка был очень умный, – оскорбилась Лариса, – не смейте мертвого обижать. Как вам не стыдно!

Василий замолчал, вместо него заговорил я:

– Простите нашу эмоциональность. Ваш план не удался? В избе нашли сумку, в ней пропуск в институт на фамилию Бумагиной. Когда вас спросили об удостоверении, вы соврали, что у вас украли сумку с документами. Но теперь понятно, что вы приезжали в деревню! Да?

Лариса кивнула.

– Я вошла в избу, крикнула: «Эй, хозяйева, заблудилась я. Подскажите, где поворот на Москву. Не туда заехала». А в ответ тишина. Я удивилась, ожидала, что Галина Михайловна закричит: «Помогите». Я зажгла фонарь, поднесла к кровати, а там... Ой, не могу говорить об этом.

– Не надо, – согласился я.

– Мирон лежит, – зашептала Бумагина, – лица нет... разбито вдребезги... По одежде я поняла, что это он. Побежала во двор, мне плохо стало. Свою машинку я оставила в начале улицы. Подумала, так правдоподобнее выглядит, заблудилась вроде, подъехала к селу и пошла жителей искать. А сейчас хочу к автомобилю бежать, но ноги не слушаются. Кое-как за забор выползла, ноги от щиколоток до коленей словно из манной каши, на землю опустилась и вдруг... Из-за избы малолитражка выскочила. Она стояла так, что я ее не видела. За рулем Галина Михайловна сидит, на улице уже рассвело, она окна в обеих передних дверцах опустила. Меня бабка не заметила, я в траве сидела за кустом, зато мне ее шикарно видно было. Чуть не умерла от страха, дошло до меня, что бабка Мирона убила, Нину увезла. Сзади у нее все наглухо затонировано, не понятно, кто там на сиденье сидит, но Нинка точно там должна быть, больше нигде ей находиться.

Лариса разрыдалась.

– Вот и все. Я кое-как поднялась, добрела до машины, за руль плюхнулась, по шоссе порулила. Езжу я не очень бойко, права полгода назад получила, машинка у меня старая, купила поддержанную, совсем

недорого. Пока по дороге плюхала, поняла, что произошло. Наверное, старуха сообщение не сразу заметила. Нинка его в десять вечера отправила, она как предполагала: Галина увидит текст, живо покатит, максимум в полночь в селе окажется. На улице темно будет. Но, похоже, бабка эсэмэску под утро увидела, часа в четыре, и полетела. А мне Нинка строго к семи прикатить велела. Вот мы чуть и не столкнулись. Как до Москвы добралась, не помню. Как сумку посеяла, понятия не имею, она у меня на плече висела, маленькая такая. Понятно, что в деревне обронила, но возвращаться туда даже под страхом смертной казни не стала бы. Хорошо, что я машину не заперла, ключи там оставила, у меня они все на одном колечке: от дома, автомобиля. Я на квартиру, которую Мирон снимал, приехала, свои вещи живо собрала, кое-как по пакетам распихала и вот сюда в мамину нору вернулась. Вечером мне тетка позвонила и спросила:

– Лариса? Хотите с Мироном встретиться?

Во заявленьице! Я так и села.

– Где?

Она так спокойненько:

– Учитывая ваш образ жизни, то явно не в раю, а в аду местечко подготовили для Бумагиной. Стен вас там поджидает. Если пока желания с чертями общаться нет, вам нужно забыть глупости, которые Мирон болтал, и никогда никому ничего про деревню Коклюшки, избу и все прочее не трепать. Ясно?

А мне так страшно стало, я спросила:

– Вы кто?

В ответ прозвучало:

– Та, кто все знает. Сиди и не чирикай, а еще лучше сваливай в другой город. Иначе в полиции узнают: Бумагина в избе была, Мирона убила.

Сразу я скумекала: голос старый, надтреснутый, хриплый. Точно Галина Михайловна на проводе. Она меня, несмотря на то что я в траве сидела, заметила. Надо бежать. Но куда? Где жить? На что? Денег нет. Заперлась дома, решила никого не впускать. А потом вы появились...

Лариса заплакала.

Василий сунул ей в руку бумажную салфетку.

– Пара вопросов есть, – продолжил я. – Как вы узнали Галину Михайловну? Встречались с госпожой Лапиной?

Лариса вытерла лицо.

– Нет. Нинулька фото старухи показывала. Она, когда про бабку рассказывала, телефон вытащила и давай его мне в нос совать: «Смотри, какая морда противная, злая, мерзкая».

– М-да, – крикнул Бурмакин, – хорошие такие, семейные отношения!

– Проясните теперь еще один момент, – попросил я. – Очагов видел, как Нина и Мирон после вечеринки уехали на его машине. Нина проболталась Роману, что они собрались в Коклюшки. По мнению Гремлина, девочка хлебнула вина и поэтому стала излишне откровенной. Больше Мирона никто живым не видел, а Нина пропала. Ночью или ранним утром в избе произошло убийство и похищение. Вы видели труп парня, уезжающую Галину Михайловну. Так?

– Да, все верно, – кивнула Лариса.

– Очагов утверждал, что вы ему ранехонько позвонили, искали Мирона. Вы говорили, что одна из преподавательниц привезла из командировки очень красивые рубашки. А вы хотите одну Мирону купить, но сомневаетесь в расцветке. Смысла врать Очагову никакого нет. Вы с ним беседовали?

Лариса закрыла лицо руками.

– Да.

– Но прекрасно же знали, что Стен мертв, – продолжал я. – Странное желание – приобрести сорочку для покойника. Да еще просить Романа подсказать вам, где ваш любовник. По словам Гремлина, до того разговора вы с ним ни разу по телефону не общались.

Бумагина обхватила ладонями голову.

– Ну... Мирона найдут... в общем... ну... мертвого. Вдруг решат... что я его... того... испугалась... Ну... и подумала: могу сказать: «Никогда в ту избу не заглядывала! У Очагова спросите, я ему с утра позвонила, Мирона искала, обновку ему присмотрела. Разве мертвому новая шмотка нужна?» Это убедит всех, что я ничегошеньки не знаю...

Лариса разрыдалась. Я отвернулся к окну.

Натурщица осмотрела Мирона, обнаружила сильный удар по лицу, тогда поняла, что он мертв, впала в истерику, кое-как добралась до дома. Но Лариса сообразила, что ей понадобится алиби, и постаралась его организовать. Уж в который раз я констатирую: я даже не представляю, на какие поступки способен слабый эмоциональный пол.

Глава 40

На следующий день я позвонил госпоже Лапиной.

– Рад доложить вам, что мы нашли Нину.

– Слава богу! – воскликнула Галина Михайловна. – Вот счастье. Где она?

– В офисе, – залихватски солгал я, – рассказывает невероятные вещи.

– Девочка фантазерка, – прервала меня бабушка, – я объясняла вам, что Нина мастер художественного вранья. Можете доставить негодницу домой? Уж я ей тут выдам за спектакль! Ишь что придумала! Похищение разыграть.

– Вам придется самой подъехать в мой офис, – возразил я.

– Почему? – удивилась Галина Михайловна. – А-а-а-а! Понимаю, опасаетесь, что пройда улизнет. Разрешаю надеть на нее наручники.

– Не имею права так поступать с несовершеннолетней, – вывернулся я и продолжил лгать: – Кроме того, я обязан передать девочку родственнице, соблюдая правила. Понадобится заполнить ряд бумаг.

– Я полагала, что частные детективы избегают бюрократической волокиты, – рассердилась старуха.

– Куда без нее, – мирно заметил я, – и вы мне должны вторую часть денег. Лучше наличкой. Налоги, понимаете, весьма обременительны.

– Ладно, – сдалась мать Игоря, – буду у вас примерно через час.

Я изобразил радость:

– Отлично!

Старуха появилась в указанный срок.

– Где пакостница? – спросила она, усаживаясь в кресло.

Я молча положил перед пожилой дамой лист бумаги.

– Что это? – удивилась она.

– Вы владеете малолитражкой синего цвета? – задал я свой вопрос.

– Да, – после небольшой паузы подтвердила Галина Михайловна.

– Я полагал, что вы передвигаетесь исключительно на заднем сиденье, – заметил я, – не умеете водить. Но, оказывается, госпожа Лапина имеет права. В интернете можно найти много всякой чепухи, но, с другой стороны, Всемирная паутина весьма полезна. В ней, например, есть база ГИБДД, в которую умелый человек залезет. А у меня есть такой мастер.

– Уличаете меня во лжи? – улыбнулась бабка. – Вспомнили, как я вам сказала, что плачу шоферу? Но это правда. Да, права где-то валяются,

однако я ими не пользуюсь. Когда-то сама сидела за рулем, но постарела, глаза не те, реакция плохая.

– Уши не слышат, ноги не ходят, – пробормотал Василий и показал посетительнице несколько снимков. – Качество не ахти, но видны номер и лицо того, кто управляет малолитражкой. Обратите внимание на день и время, когда камера зафиксировала нарушение. Надеюсь, не станете отрицать, что сами вели машину? Очень прошу, не надо говорить про какую-то очень похожую на вас даму, которая украла вашу тачку, покаталась и опять в гараже ее запарковала. Галина Михайловна проехала на желтый сигнал светофора. Потом, съезжая со МКАД на шоссе, повернула направо из левого ряда. Два нарушения в один день. Ай-ай-ай!

– Вы были в избе, в которой нашли труп Мирона, – добавил я.

Старуха поджала губы.

– Глупо это отрицать, – фыркнул Василий. – Вас видели во дворе избы в селе Коклюшки.

Галина Михайловна сделала резкий выдох.

– Ладно. Прикатила я туда.

– Зачем? – поинтересовался Бурмакин.

– Мне позвонили на мобильный, – ответила Лапина, – ночью, вернее, рано утром, около пяти. Номер не определился, в нем сплошные нули, дребезжащий пожилой женский голос сказал: «Ваша внучка в пьяном виде находится в нашей деревне Коклюшки, срочно ее заберите, или я в полицию заявлю. Она в последней избе. Бухая совсем, орала благим матом. Я в дом зашла, девчонка ревет: «Бабушку позовите», номер вашего телефона назвала». И что мне оставалось делать? Водитель уехал домой, да и вызывать его не хотелось. Я не желала никому показывать Нину в алкогольном опьянении. Рискнула сама сесть за руль. Дайте воды, пожалуйста.

Получив от меня стакан, Галина сделала несколько глотков и продолжила:

– Доехала я до села, вошла в дом, крикнула: «Нина!» – ответа не услышала, вошла в комнату. Изба маленькая, кухня, веранда и одна спальня. На кровати лежал подросток, я приблизилась к нему...

Лапина опять схватила стакан.

– Вы знаете, что я увидела. Чуть в обморок не упала, не пойми как сознание сохранила. Сначала решила: Нину убили, потом вдруг обратила внимание на руки, они не внучкины, отвела в сторону прядь волос... ухо не проколото. Ну и уехала.

– Вы бесстрашный человек, – восхитился Василий, – мало найдется

женщин, способных дотронуться до трупа.

– Просто я собрала в кулак всю свою волю, – пробормотала Лапина, – вообще-то я совершенно обычная женщина, трусливая.

Я подлил Лапиной еще воды в стакан.

– Посмею возразить. Далеко не все дамы помогают мужу в организации заказных убийств. А после кончины супруга возглавляют агентство киллерских услуг.

Галина Михайловна принялась бурно возмущаться:

– Ну и чушь вам в голову взбрела...

Разговор затянулся надолго, но в конце концов Лапина сдалась:

– Андрей Ильич являлся моим сожителем, не супругом, он помогал людям, которые оказывались в тяжелых жизненных ситуациях. Мы с сыном стали жертвами Поморова.

Из рта Лапиной полились потоки жалоб, она рассказывала о ежедневных побоях, ночевках с малышом в подъезде...

– Андрей был настоящий садист, – вещала она, – если вы не исполняли все его желания, мог убить. Супруг нас с Игорем голодом морил...

Я молча слушал старуху. Ловко она соврала мне в нашу первую встречу, но теперь-то я знаю правду, Лапина никогда не была несчастной одинокой матерью, которая от безденежья привела ребенка в секцию Карефу, потому что там брали детей бесплатно. Да, ее брак с Поморовым не регистрировался, они жили в гражданском союзе, но ведь не обязательно ставить штамп в паспорт. Поморов, зарабатывающий на хлеб с сыром организацией заказных убийств, мог предполагать, что попадет в руки правосудия. Жене и детям преступников, даже если они понятия не имели, чем занимается глава семьи, всегда приходится несладко. А вот к любовнице, даже постоянной, меньше претензий, по закону она Поморову никто. И по документам Игорь не сын Андрея.

Галина тем временем объясняла:

– В день «смерти» Андрея Ильича я ликовала. Все. Страшный человек ушел из нашей жизни. Но он вернулся. Под другим именем. С другой внешностью, голосом, но с прежними привычками. Опять начался ад. Когда муж наконец-то скончался, я не могла поверить, что он на самом деле мертв. Слава богу, во второй раз это оказалось правдой. И с той поры мы с Игорем свободны. Мой мальчик поднял бизнес...

– Вернее, продолжил дело отца, – уточнил Василий.

– Нет! Ложь! – закричала Лапина. – Вам это Нинка рассказала? Она вся в свою мать врунью! Ни слова правды Анастасия никогда не сказала! Да, я ездила в деревню. Но не убивала никого. И сейчас это вам легко

докажу. Эксперт определил время, когда умер Мирон? Только не говорите, будто не смог! Знаю, что с точностью до минуты наступление кончины можно определить в редких случаях, но для меня важны часы. Так как?

Василий открыл айпад.

– По оценке патологоанатома, Стен скончался в промежуток с полуночи до двух-трех ночи.

Галина Михайловна постучала кулаком по столу.

– Вот, вот! А когда меня Бумагина видела?

– Примерно в семь утра, – пробормотал Бурмакин.

Пожилая дама повертела пальцем у виска.

– По-вашему, я сумасшедшая? Убила молодого человека... пусть даже совершила это в три. И дальше что? Осталась погулять в деревне до рассвета? Сразу не уехала?

Я почувствовал себя полнейшим идиотом.

– Отлично, что есть фото с дорожных камер, – не утихала Галина Михайловна, – это подтверждение моего алиби. Когда я спешила в деревню и нарушила правила, Мирона уже убили.

У Василия покраснели уши, Борис отвел глаза в сторону. А я разозлился на себя. Бурмакин неопытен и невнимателен, мой секретарь прекрасно ориентируется в интернете, может выловить там любую информацию. Но выводы-то надо делать господину Подушкину! Как я мог не проверить время смерти юноши? Как?!!

Лапина выдернула из коробки, стоящей на столе, бумажную салфетку.

– Простите, мне надо в туалет.

– Я провожу вас, – предложил Борис.

Когда они ушли, Василий вскочил и забежал по кабинету.

– Ну мы козлы! Не учли время смерти! Идиоты. Ну ничего, во втором раунде мы точно победим.

Но у меня не было такой уверенности.

– Если Галина попадется на крючок.

– Она взяла свою сумку, – обрадовался Бурмакин.

– Многие женщины, отправляясь в санузел, хотят еще и носик попудрить, – возразил я.

– Зачем гримзе прихорашиваться? – опешил следователь.

– Ну она-то себя таковой не считает, – вздохнул я. – Помните «Капричос» Гойи. «До самой смерти...»

– Чего? – поразился Василий.

Я хотел рассказать ему про серию сатирических офортов великого художника Франсиско Гойи, в частности про картину, изображающую

древнюю старуху, которая кокетничает у зеркала, но не успел, потому что в кабинет вошел Борис.

– Гостя в туалете. Входная дверь заперта, так что ей ее не открыть, спальня тоже. В последней тишина.

– Хорошо, – одобрил я, – подождем.

Василий взял телефон.

– Вы на месте? О'кей. Не ступите там.

Глава 41

Галина вернулась в кабинет минут через десять, повесила сумку на ручку кресла и с чувством произнесла:

– Вы заставили меня вспомнить, как плохо и страшно жить с садистом, как Андрей мучил нас с Игорьком. Но ни я, ни мальчик не делали ничего плохого! Никогда! Заказные убийства? Боже! Анастасия сумасшедшая! Взбредет же столь несусветное в голову. Впервые сейчас от вас услышала, чем Андрей Ильич занимался. Я в шоке! В ужасе! Я жила не просто с садистом! Боже!!!

Дверь в комнату тихо открылась, в кабинет вошла женщина.

– Добрый день, Галина Михайловна.

Пожилая дама резко повернулась.

– Кто это?

– Неужели я так изменилась, что и узнать нельзя? – медленно проговорила гостя. – Я Анастасия, мать Нины.

– Не могу сказать «рада встрече», – процедила бабуля. – Иван Павлович, зачем она тут? Хотите заставить меня слушать ложь, которую сейчас нагромоздит эта врунья? Ни одному слову сей дамочки верить нельзя.

Настя молча села в кресло, я открыл ящик письменного стола и вынул оттуда папку.

– Поморов обладал педагогическим талантом, его можно назвать психологом. Он идеально воспитал профессиональных убийц. Андрей Ильич внушал подросткам, что они сотрудники ФСБ, агенты, выполняющие важные секретные задания, так сказать, «санитары леса». Кто-то должен наказывать насильников, педофилов, маньяков. Тренер безошибочно подобрал команду: дети из нищих семей, без отцов, из родственников только вечно озабоченные поиском денег матери. Поморов стал для ребят любящим папой, они его обожали, верили всему, что слышали. Психика подростка пластична, ее можно мять как угодно. Андрей Ильич нажал на романтизм, присущий детям старшего школьного возраста, на их одиночество, на тоску, на чувство «я никому не нужен», которое испытывает почти каждый подросток. Он дал понять воспитанникам: ты секретный сотрудник, выполняешь благородную миссию, я тебя люблю, ты мне нужен. А еще он внушал членам своей команды, что они не считаются киллерами, так как не орудуют пистолетом или ножом. Ну поменяли

лекарство на яд. Разве это убийство? Вот только дети подросли и все поняли. Когда Поморов превратился в Ершова, Сиротина сначала невероятно обрадовалась тому, что тренер жив. Потом ликование уступило место страху, и Настя начала фиксировать все, что делала по приказу тренера, она записывала на диктофон, который прятала под одеждой, распоряжения Павла Юрьевича, то бишь Андрея Ильича. Ей казалось, что это гарантия ее свободы. Вдруг ее поймают? Вот тогда Анастасия выдаст записи, будет понятно, что она лишь исполняла приказы тренера. Из маленькой наивной девочки, считавшей Поморова отцом, сначала выросла девушка, которая очень страдала, узнав о смерти Андрея Ильича, а потом она стала женщиной, понявшей, что Ершов жестокий человек, готовый на все ради денег. Уйти от учителя Настя боялась, понимала, ее найдут и лишат жизни, а в случае провала «добрый» тренер не станет выручать ученицу. Записи, по мнению Насти, должны были стать ее спасательным кругом, подтвердить: не она главная в деле.

– Да, – перебила меня Анастасия, – верно. Сначала я на себе аппарат носила. Потом догадалась спрятать устройство в кабинете вашего мужа, – обратилась она к Лапиной.

Я показал на папку.

– Здесь распечатки разговоров. Но есть и флешка. Борис!

Секретарь открыл ноутбук, кабинет наполнили голоса. Один явно принадлежал госпоже Лапиной, правда, он звучал звонче, чем сейчас. Второй оказался мужским.

– Викуловский собирает старые книги, – произнес бас.

– В них много заразы, – зазвенела колокольчиком Галина, – тома восемнадцатого века могут быть заражены холерой.

– И где возбудитель болезни взять?

– Арксавит^[7]. Препарат для лечения проблем ЖКТ. Давно снят с производства из-за сильных побочных. Даже малое превышение дозы вызывало безудержный понос, рвоту, обезвоживание. Три таблетки, проглоченные разом, могут спровоцировать инсульт. Но первые симптомы, как у холеры. Препарат без вкуса, запаха, отлично растворим в любой жидкости, не теряет своих свойств, если она горячая или холодная. Лет двадцать как запрещен.

– Получил в подарок древнюю книгу, листал страницы, облизывая палец, подцепил холеру. Где нам эти таблетки достать?

– Есть место.

– Покупай.

Борис закрыл ноутбук.

– Вранье, монтаж, – затопала ногами Галина, – мы с Игорьком страдали от садиста...

– Брешет, – отрезала Анастасия.

– Ах ты ...! – завопила Лапина. – На честных людей клеветишь! Решила отомстить за то, что тебя, шлюху, из дома за измену Игорьку выгнали?

Скандал бушевал долго, женщины обвиняли друг друга во всех грехах. В разгар бурного выяснения отношений у Василия зазвонил телефон, Бурмакин вышел, скоро вернулся, кивнул мне и заорал:

– Бабы! Хорош галдеть!

Настя и Галина Михайловна, не ожидавшие грубого окрика, осеклись.

– Где ваш сын? – поинтересовался я у пожилой дамы.

– Далеко от Москвы, – быстро ответила та.

Бурмакин взял со стола свою трубку.

– Находясь в туалете, вы сделали звонок по номеру, который зарегистрирован на Иванова Ивана Ивановича, проживающего в городе Барнауле. Но абонент находился в Москве. Его номер был взят нашими службами для определения места нахождения. Сначала сотовый отмечен в районе Куркино, потом быстро переместился в Тушино, вошел в дом.

– Вошел его владелец, – поправил я, – полагаю, он был немало ошарашен, когда в квартире обнаружилась не Анастасия Квितько, а несколько крепких полицейских.

– Я звонила своей подруге, ошиблась номером, – начала выкручиваться старуха.

– Разговор длился две минуты, – заметил Бурмакин, – слишком долго для того, чтобы понять, что не туда попала. Оперативники прислали фото того, кого задержали в квартире гражданки Квितько. Анастасия, вы знаете этого человека? Приглашали его в гости? Давали ему свои ключи?

– Игорь! – ахнула Настя. – Отец Нины! Конечно, мы знакомы. Но я его к себе ни за какие подарки не позову.

Бурмакин показал свой айфон старухе.

– А вы? Что скажете? У Лапина изъят мобильный, последний звонок на него поступил от вас. Вы ушли в туалет, чтобы поговорить с Игорем.

– Это запрещено? – спокойно спросила Галина. – Хотела узнать, как у мальчика дела!

– Вы решили осведомиться о состоянии сыночка, когда узнали, что Анастасия сотрудничает с нами и рассказала правду о борьбе Карефу, – начал я, – велели Игорю мчаться к бывшей жене...

– О! Вы мой разговор записали? – улыбнулась Лапина. – Если нет, то

все слова, произнесенные сейчас с пылом, болтовня.

Раздался звонок в дверь.

– Смело открывайте, – посоветовала бабуля, – прибыл Лев Яковлевич Красов, адвокат семьи Лапиных. Я ему звякнула. Но вы небось уже знаете. Наверное, и его номерок проверили?

* * *

Прошло чуть больше недели. В четверг вечером мне позвонил Василий.

– Ваня, чем ты занят? Как дела?

Я спокойно ответил:

– Читаю. Дома тишина. Борис уехал в консерваторию. А у вас как? Что рассказала Майя? Удалось с ней поговорить наконец?

– Да все через пень колоду, – запричитал Василий, – никого постороннего в квартире выпавшей из окна девушки не было. Кусок акрилового ногтя принадлежит самой Капраловой, салфетка со следами губной помады тоже ее. Накидка в дальней комнате смята, потому что Майя там сидела, она в шоке от смерти гражданского мужа была, не хотела в спальню идти, выбрала специально гостевое помещение, которое хозяевами не использовалось.

– Так, – протянул я, – помнится, эксперт утверждал, что девушку вытолкнули из окна, на щиколотках у нее синяки.

Из трубки раздался протяжный вздох.

– Говорил тебе, криминалист только из института... это первый его выезд самостоятельный. Опытный Георгий Валентинович, его все дядя Жора зовут, в отпуске был, вернулся... короче! Такие синяки не могли за пару часов появиться. Цвет у них не тот. Они желтые уже. Отметинам несколько дней. Босоножки виноваты!

– Не понимаю, – удивился я.

– Обувь такая, – пояснил Бурмакин, – пятка открыта, носок тоже, на щиколотке ремешок застегнут. От него синяки, Капралова его сильно затянула, потому что ступня у нее скользила, вот и зафиксировала. В результате бланши. Никто Майю не толкал, сама упала! Филипп Стен Майе про Поморова рассказал. И про Галину Михайловну, и вообще про все разболтал. Похоже, он реально потерял от Майи голову, с папиками такое случается, бьет им в мозг любофф.

– Неужели отец Мирона сообщил, как убил Антона Сиротина и Веру

Фокину? – изумился я.

– Нет, об этом промолчал, – хмыкнул Вася. – Капралова не может считаться надежным свидетелем. Во-первых, ее заявление сделано с чужих слов, не сама Майя знала Поморова, ей о нем рассказали. Такое ни один суд не примет. Во-вторых, Капралова под наблюдением психиатра.

– Дальше можешь не продолжать, – остановил я Бурмакина.

– Эксперт Георгий Валентинович ну очень ответственный, – тараторил Василий, – он молодого коллегу отругал, сам поехал в Коклюшки, обшарил избу и участок. В доме ничего. А вот на улице дядя Жора нашел одну женскую кроссовку, на ней есть следы крови. Обувь принадлежит Нине, кровь тоже ее. Это точно.

– Плохо, – поморщился я, – но шел дождь, как он не повредил биологическую жидкость? Не смыл ее?

– На заднем дворе сделана типа парковка для машины, – пустился в объяснения Бурмакин, – ну это я красиво выразился. В реальности там шесть столбов, на них крыша из пластика. Между опорами доски набиты. Пола нет, просто земля, но в «гараже» на удивление сухо. Кроссовка валялась там. А еще на «парковке» обнаружены следы шин, на них дождь не попал, поэтому Георгий Валентинович сделал слепки. Их по базе прогнали. Правда, эксперт сразу сказал: «Редкие они, никогда такие не видел». И точно. Что за машина, не определили. Выяснили лишь, что такие колеса в Россию не поставляют! Во как! И полная ерунда с мамашей Нины.

– А с ней что? – мрачно осведомился я и услышал:

– Анастасия отказалась от всех своих показаний!

– Так, – протянул я, – забавно.

– Обхохочешься, – разозлился Бурмакин, – сначала она на пару дней заболела гриппом. Потом явилась с повинной головой: «Простите, хотела бывшему мужу и свекрови нагадить, все придумала, наняла актеров, они умеют голоса подделывать, все на диктофон наговорили. Нашла их в интернете, кто такие, не знаю. Все через Сеть делали, деньги онлайн переводила. Дали номер кредитки на имя Петровой Тани, я ею всего один раз воспользовалась. И номер из «ватсапа» удалила. Вся инфа пропала».

– Странно, что дама ждала много лет и лишь сейчас задумала пакость совершить, – хмыкнул я. – Кто-то ей помог сказку про лицедеев сочинить.

– Да адвокат. Он у Лапиных зверь, – продолжал Вася, – камня на камне не оставил. Прямых улик нет. Кто что кому сказал, не учитывается. Слова Стекловой про картину звучат интересно, Фаина Григорьевна готова историю убийства зятя бесконечно рассказывать. Но! Где рама-то? Полотно? А нету ничего. И Нину пока не нашли. Мрак!

– Может, девочка погибла, – тихо сказал я.

– У меня тут версия отпочковалась, – зачастил Вася, – Анастасия попросила Мирона спасти Нину, вырвать ее из семьи, которая зарабатывает заказными убийствами. Лариса рассказала, что брат с сестрой придумали план с похищением, хотели припугнуть Галину Михайловну, которая после настоящей смерти мужа стала идейным вдохновителем успешного бизнеса.

– Давай называть вещи своими именами, – рассердился я. – Единоутробные родственники родили идиотскую затею! Глупее ничего не придумаешь! С трудом верится, что можно такое придумать!

– Вот, – остановил меня Вася, – кретинство полное. И я подумал: что, если план у Нины-то другой был? Может, все затеяно, чтобы убить Мирона? Девушка попросила парня заранее переодеться, нацепить парик, лечь на кровать... Сказала ему:

– Давай сначала порепетируем, какую позу примешь, как на одеяле устроишься.

Не думающий ни о чем дурном парень послушал сестру, а та ему велела:

– Закрой-ка глаза, прикинься спящим. Не шевелись, я наклонюсь над тобой, изображу бабку, а ты лежи пока.

Ну и опустила ему на лицо камень. Убив брата, девочка порезала себе руку или ногу, кроссовку бросила на парковке и...

– Мирон перед смертью выпил чай со снотворным, – напомнил я.

– Ну, значит, она ему ничего в уши не зудела, – мигом изменил версию Василий, – угостила чаем с лекарством. Парень заснул, девчонка его на кровать положила...

– Зачем ей это? – перебил я Бурмакина.

– Чтобы бабку подставить, – выдвинул версию тот, – Нина понимала, что труп найдут, а старуха-то в Коклюшки ездила, это выяснят. Затеется следствие, всплывет вся правда про бизнес Галины Михайловны. Старуху и Игоря Лапина посадят, Нина освободится от них и станет жить как хочет.

– Глупости, – отрезал я, – в деревне еще кто-то был. Предположим, Нина опоила старшего брата сонным зельем, но у нее не хватило бы сил его на кровать втащить. И следы неизвестной иномарки с шинами, которые не поставляются в Россию. Мы понятия не имеем, что за машина, но ведь в ней за рулем сидел шофер. Единственное, что я знаю точно: Галина и Игорь наемные убийцы, Нину они тоже впутывали в свои дела. Анастасия пыталась спасти девочку, которая у нее помощи просила. Сейчас Насте заплатили, чтобы она отозвала свои показания. Вот дурочка! Для нее все может плохо закончиться. Кто убил Мирона? Не знаю, но сомневаюсь, что

Нина. Девочка, вероятно, тоже мертва. Возможно, ее увезли на таинственной иномарке. Кроссовка с кровью – это плохо. Неизвестно, что за женщина велела Галине прикатить в избу. Наверное, старуху хотели подставить. Или надеялись, что она от ужаса при виде тела «внучки» инфаркт заработает. Сплошные у нас «возможно», «вероятно», «непонятно»... Прости, Василий, звонок в дверь. Право, удивительно, кто бы это мог быть? Я никого не жду.

– Открывай, – разрешил собеседник, – Ваня, ты меня то на «ты», то на «вы» зовешь. Может, наконец отбросишь китайские церемонии?

Я повесил трубку, пошел в прихожую, глянул на экран домофона. Удивление переросло в изумление, я открыл дверь. Стоящий на лестничной клетке толстяк чуть смущенно завел:

– Простите великодушно. Легко можете счесть мой визит без предупреждения наглостью, но, поверьте, это не так. К этому меня вынудили форс-мажорные обстоятельства. Ах ты, господи! Я не представился. Не смею надеяться, что Иван Павлович запомнил мое имя. Наше знакомство мимолетно и...

Я заулыбался.

– Рад встрече, Илья Петрович. Мне трудно вас забыть по нескольким причинам. Во-первых, господин Кукушкин – владелец детективного агентства. Ну и наше с вами совместное купание в пруду – одно из самых ярких впечатлений за последнее время. Санчо Панса рад видеть Дон Кихота.

– Ох, не напоминайте о дне позора, – замахал руками Илья, входя в холл. – Отчего я вот так заявился к вам? Сейчас с вашего позволения объясню.

– Думаю, нам лучше обосноваться в кабинете, – предложил я.

Сев в кресло, господин Кукушкин начал долго и обстоятельно вводить меня в курс дела. Нет нужды приводить тут всю его речь. Изложу суть.

У Ильи Петровича есть младшая сестра Антонина. Брат ее очень любит, опекает с самого детства, до сих пор считает неразумным существом. В отличие от спокойного, правильного Ильи, Антонина безобразница, и, что всегда пугало брата, сестру как магнитом тянуло к плохим парням. Кукушкин многократно выручал ее из всяких неприятностей. А потом Тоня вышла удачно замуж. Супруг ее, Константин Львович Холкин, имел большой бизнес, он любил жену, баловал ее безмерно и очумел от радости, когда стал отцом. Мальчик Юра, слава богу, пошел не во взбалмошную мать, а в рассудительного, умного, спокойного отца. Илья Петрович каждый день возносил молитвы за здоровье зятя. И

долгое время все шло хорошо. Константин Львович заработал море денег, прочно поселился в списке «Форбса». Юра отлично учился, не заводил сомнительных друзей, посещал музыкальную школу, обожал и мать, и отца, и дядю – владельца детективного агентства. У Кукушкина наследников нет, его жена не хотела портить фигуру, и она совсем не чадолюбива, Илья Петрович тоже не в восторге от младенцев, но племянника он просто обожает.

Лет пять тому назад Кукушкин выполнял задание одного клиента и в процессе работы неожиданно всплыла фамилия Константина. До того момента Илье Петровичу никогда не приходило в голову проверить прошлое зятя. Почему? Учитывая страсть Тони к плохим парням и то, что до знакомства с Холкиным сестра постоянно связывалась то с наркоманом, то с вором, то с шулером, то с угонщиком машин, брату следовало под микроскопом изучить жениха. Но Константин производил более чем положительное впечатление и, в отличие от оборванцев, которые прежде крутились вокруг Тони, имел большое состояние. Холкин обладал грамотной речью, хорошими манерами, дипломом МГУ. Его мать была актрисой, правда, средней руки, но играла в московском театре. Отец, доктор наук, профессор, преподавал математику. Илья узнал эти детали, поговорил с Холкиным и стал возносить хвалу Господу за то, что он послал Антонине приличного человека.

Но когда в расследовании появилась фамилия зятя, Кукушкину пришлось копнуть глубже. Илья Петрович взял кирку, лопату и... отрыл прошлое Константина. Сундук с секретами его ошеломил. Оказалось, что милейший Костя во времена оны руководил крупной преступной группировкой, на счету которой торговля женщинами, наркотиками, организация притонов, убийства – полный неджентльменский набор. Девяностые годы зять провел со вкусом. Его неоднократно пытались арестовать, но ушлые адвокаты всегда отбивали клиента. В начале двухтысячных Холкин понял: времена меняются, пора уходить в легальный бизнес. Константину удалось примкнуть к малочисленной группе боссов преступного мира, которые избежали зоны, смерти от рук коллег по занятию, сколотили немалый капитал и превратились в уважаемых членов общества. Антонина осталась верна своей страсти к плохим парням. В супруги себе она выбрала не простого хулигана, мелкого воришку или мошенника, нет, Тоня влюбилась в самого ужасного мужика из всех возможных.

Выяснив правду, Илья Петрович заработал гипертонический криз и загремел в клинику. Лежа под капельницами, добропорядочный до

последнего ногтя Кукушкин не знал, как ему поступить. Порвать отношения с Холкиным? Но это означает потерять любимую сестру и обожаемого племянника. Общаться с Костей по-прежнему? Но зять бандит, у него руки по плечи в крови. Посоветоваться Кукушкину было не с кем, его жена не из тех дам, с кем можно быть откровенными. Да еще она лучшая подруга Антонины.

Через неделю мучительных раздумий Илья Петрович договорился со своей совестью. Константин никогда не находился под следствием, Холкин отличный муж и отец, успешный бизнесмен. Что было в девяностые, никто точно не знает. Вполне вероятно, что большинства «подвигов» Холкин не совершал... ему приписывают чужие преступления. Кукушкин решил сделать вид, что ничего не знает, и продолжал жить так, как раньше. Сестра и племянник оказались дороже принципов.

Илья Петрович прервался.

– Вот такой компот.

– Никогда не попадал в такое положение, – сказал я, – но могу вас понять. Хорошо, что Юрий не пошел в отца. И, судя по тому, что я сейчас услышал, парень мало похож на мать. Он получил вашу генетику.

Кукушкин поднял бровь.

– Я тоже так считал. Сейчас племяннику девятнадцать, и, как мне казалось, его ничто не испортило. Костя обожает мальчика, он ему купил пентхаус за немислимые миллионы, приобрел на день рождения наследнику уникальный автомобиль, аналога которому нет, он заказан на заводе, который производит машины для арабских шейхов. Каждая модель неповторима. У Юры счета в Америке, Франции, Германии, по миру он передвигается исключительно на частном самолете. Имея все это, юноша скромн, вежлив с обслугой, не обладает толпой приятелей, не сорит деньгами, не курит, не пьет, не бегае за девочками. В институте он учится на отлично. Роскошная машина его внешне неприметна, единственное, что может привлечь к ней внимание, – вычурные колеса. Свое восемнадцатилетие сын Антонины отказался отмечать в Версальском дворце под Парижем, как решил отец. Костя буквально сломал парня, сказал ему:

– День рождения ребенка – праздник родителей. Мне нужно созвать всех, показать им, что я богат и благополучен.

Антонина прибавила:

– Юрасик! Меня от твоей правильности тошнит. Я родила старичка! Нет в тебе бесшабашности, удали, веселья. Господи! Хоть разок в магазине яблоко укради!

– Зачем? – удивился парень. – Лучше заплатить за товар.

– Боже! Зануда, – закатила глаза мать, – ради драйва сопри ерунду! Ощути адреналин!

Юрий согласился на Версаль, но когда вернулся в Москву, организовал сам для себя праздник. Он обратился в какое-то агентство, пригласил своих одноклассников на экскурсию в Подмосковье. Куда они ездили, что там делали, Юра не рассказал. Племянник вообще молчун, он мало говорит.

Илья Петрович вынул из кармана флешку.

– Неделю назад Юра улетел отдыхать в Майами. Сегодня утром курьер доставил мне бандероль. Иван Павлович, прошу вас посмотреть.

Я воткнул носитель информации в ноутбук. На экране появилось изображение. Стройный юноша и худенькая девушка стоят около черной машины. Седан ничем бы не выделялся на дороге, но его колеса с разноцветными дисками и какими-то авангардными наклепками моментально приковывали к себе внимание.

– Дядя Илья, – сказал Юра, – прежде чем попросить тебя кое о чем, хочу познакомить со своей невестой.

Девочка помахала рукой.

– Я люблю на этом свете двух людей, – продолжал младший Холкин, – тебя и ее. Больше никого. Как же мама и папа? Я благодарен отцу за все, что он для меня сделал. А вот мама... Сколько себя помню, она говорила мне: «Боже! Ты скучный, как Илюшка! От тебя тоской, как от моего брата, веет. Правильный до икоты. Господи! Сделай что-нибудь веселое! Забавное! Или хоть раз двойку получи! У меня ощущение, что я живу не с живым ребенком, а с персонажем занудной детской тошнотворно-правильной книги. Фу! Мой ли ты сын!» Эти слова она твердила постоянно. Потом начала говорить, что мой отец – вот идеал. Он крутой, он такое творил! Дядя, я любил папу, уважал его, хотел быть на него похожим. Но в пятнадцать лет после маминого заявления, что я вроде как и не от нее с супругом на свет явился, возможно, младенца в роддоме подменили, меня охватило недоумение: а что папа-то такого сделал? Отчего жена им восхищается? Дядя, мать любит совершать поступки на грани фолы: спереть в магазине кофточку, например. Принесет ее домой и говорит: «Котя! Смотри, мой адреналин». Отец ее поцелует: «Мася, когда-нибудь тебя за шкурку поймают. Заканчивай адреналинить». А мама хохочет: «Ничего. Ты меня выручишь». Благодаря отцу у меня все наилучшее, компьютер в том числе. Я им владею в совершенстве, в пятнадцать лет все что угодно найти мог. И откопал правду про отца. Ты же ее тоже знаешь. Я уверен. Знаешь. Дядя, мой мир рухнул. Папа – бандит! Убийца! Мой

ласковый, нежный, заботливый отец лишал людей жизни?! Пусть не сам! Но он отдавал приказы. Я чуть с ума не сошел. Вида не подавал, что знаю. Жил с родителями, как раньше, но понимал: мама во мне разочарована, я правильный. А ей нравятся другие парни, сопри я в супермаркете колбасу, нажрись с приятелями, изнасилуй девчонку, вот бы ей был кайф! Я маме конкретно не нравлюсь, она на самом деле считает, что меня в роддоме подменили. Дядя, я не оскорблю сейчас Антонину, ты же в курсе, что она не самая умная и законопослушная. Мать взбалмошная, всегда идет на поводу у своих желаний, любит выпить, и, когда под парами алкоголя о своей молодости вещает, у меня бегут мурашки по коже.

Дядя, я ужасно жил до того дня, когда пришел в одно кафе, а там сидела девушка. Мусенька! Знаешь, дядя, мы половинки одного целого. И наши судьбы похожи. Семья Мусеньки точно бы понравилась Антонине и отцу, потому что она занимается организацией убийств. Агентство киллерских услуг. И Мусеньку хотели к делу пристроить. А она, как я, ей хочется тихой жизни. Поэтому, дядя, мы улетаем. Куда? Не скажу. Искать нас бесполезно. Мы все предусмотрели. Спасибо папе, проблем с деньгами у меня нет. У нас паспорта на другие имена-фамилии, и возраст в них другой. Мы оформим брак, будем жить счастливо, родим детей и никогда не станем говорить им: «Вы скучные, не хотите яблочко в супермаркете спереть?» Мне стыдно, что я воспользовался средствами отца для покупки документов и дома, в котором будем с Мусенькой жить. Но более я в банк не обращаюсь. Сам заработаю на свою семью. Ну а теперь самое главное. Слушай, дядя. Я великолепно понимаю, что мой отец и родитель Мусеньки захотят нас найти. У них есть деньги, связи, рано или поздно они нас отыщут и попытаются вернуть в Москву. Объясни им: не надо этого делать. Почему? Потому что тогда нас с Мусенькой арестуют и посадят в тюрьму, случится огромный скандал. Чтобы нас отцы оставили в покое, нам пришлось совершить преступление. Мы долго думали, как поступить, чтобы родители поняли: детей надо навсегда отпустить, не искать, не привозить силой в Россию. И нас осенило. Мусенька в подробностях рассказала мне о своей семье. Она знала правду про свою мать. Бабушка и отец говорили об Анастасии Сиротиной, когда думали, что девочка их не слышит. Но она оказалась в курсе!

Юра говорил и говорил. Я смотрел на экран и ощущал ужас. Два подростка, одиноких, не желающих жить так, как требовали от них семьи, случайно встретились в огромном городе. Похоже, сам дьявол привел Юру в кафе, где сидела Нина. Пара написала пьесу и сумела ее поставить.

Юрий нашел в интернете информацию об Анастасии, Нина позвонила

матери и взмолилась о помощи. Девочка прекрасно знала: Сиротина не возьмет ее к себе. Нина замечательно провела тот разговор, она многократно повторяла фразу: «Если б у меня был старший брат, он защитил бы сестру. Нет у меня старшего брата. Старшего брата нет». Юра рассчитал, что мать-эгоистка все же испытает дискомфорт от того, что отказывает дочке в приюте. А не один раз произнесенная фраза «старший брат бы мне помог» заставит Сиротину обратиться к Мирону. Анастасия встретится с сыном и попросит того опекать сестру. Расчет мог не оправдаться. Но он сработал. Настя живо нашла в соцсетях Мирона и позвонила ему по телефону, который парень публиковал для клиентов.

Мирон познакомился с Ниной, спектакль начался. Сначала Юра предполагал заманить Стену в сторожку в одном из парков. Но пара очень хотела впутать в эту историю Галину Михайловну. Нина горела желанием причинить побольше неприятностей противной старухе, которая постоянно шпыняла внуку, упрекала ее в лени, лжи, плохом поведении, глупости. Девочка испытывала огромную радость, убегая по ночам из дома. Да, она, по мнению Галины Михайловны, дура, но бабка понятия не имеет, что Нина работает у Мирона. Внучка – кретинка ленивая, но она обманула умную Галину Михайловну. То ли еще будет! Нина получала невероятное удовольствие от происходящего и затягивала его. А Юра радовался тому, что Мусенька счастлива. В конце концов парень сказал:

– Думаю, хватит тебе у Мирона в официантках бегать. Вдруг попадешься своей бабке-ведьме, когда по лестнице ночью спускаться будешь.

– Еще чуть-чуть кайфа, – попросила Нина, – а ты пока думай, куда Мирона заманить. И как сделать, чтобы бабка туда приехала.

На следующий день после этого разговора Илья Рыбаков пожаловался Нине, что Галина Михайловна обманула его мать. Дьявол опять вмешался в ситуацию, один раз он свел в кафе Юру и Нину, а теперь подсказал им, как убить Мирона и заманить в ловушку старуху.

Стоит ли рассказывать, что было потом? Вы и так все знаете. Хотя кое-что надо прояснить.

Стен и Нина приехали в избу на машине парня после полуночи. У Нины был с собой термос, она предложила спутнику выпить чаю. И себе налила чашку. Мирон выпил и живо заснул, он сидел с кружкой на кровати, поэтому лег на постель. Когда брат отправился к Морфею, Мусенька сбросила эсэмэску Юре, который ждал неподалеку. Холкин вкатился на своем роскошном автомобиле в гараж, сделанный из досок, на цыпочках подкрался к комнате, вошел внутрь, в руке у него был булыжник. Мирон

мирно спал.

Когда повествование добралось до кульминационного момента, Нина остановила парня.

– А вот кто опустил камень на голову Мирона, мы вам никогда не скажем. Хотя почему нет? Я это сделала.

– Нет, – возразил Юра, – я.

Илья Петрович вытащил из кармана дозатор и начал пшикать себе в рот какое-то лекарство. А я впервые в жизни испытал пробирающий до костей ужас. Господи, эти подростки монстры.

Юра тем временем как ни в чем не бывало договорил до конца. Нина порезала руку и испачкала свою кроссовку. Обувь бросили в гараже. По расчету юнцов, это должно было свидетельствовать о том, что девочку куда-то увезли. На самом деле пара приехала на квартиру, которую Юра специально снял для встреч с Мусенькой.

Радостно улыбаясь, парень пояснил:

– Все любят деньги! Репетиторы тоже. Педагог Мусеньки брал у нее тройную оплату и молчал, что девочка к нему не ходит. Угадайте, с кем Нинуша проводила часы, отведенные для занятий математикой? Я же давал деньги для репетитора. Бабка Мусеньки зря считала себя самой умной. Сделав все как хотели, мы переоделись на квартире, прихватили новые документы и улетели с одним маленьким чемоданом. Дядя Илья, флешку тебе должны доставить тогда, когда мы будем очень далеко. Ты удивлен. Не ожидал от племянника такого? Думаю, когда покажешь все Антонине, сын наконец-то понравится матери. Я, как она и хотела, украл яблочко! Хотя нет! Сделанное мной – не воровство из супермаркета! Это преступление больше в духе папиных затей девяностых годов. Ну что, родители, не такой уж я и «тютюха», как мать говорила, способен на веселые поступки. Дядя Илья, надеюсь на тебя, объясни моим родителям: нас искать не надо. Если вернемся в Москву, худо получится. Мы расскажем, что убили Мирона. Вы хотите нас в тюрьме увидеть? Конечно, нет. А еще мы кое-что о родителях знаем. Нам лучше жить подальше от России. Другие могли бы испугаться, что их отыщут и убьют. Что мой папа, что Мусенькин на все способны. На все! Но нас, своих любимых, так на них похожих детей, они не тронут. Да, мы копии своих отцов. Мы это с Мусенькой доказали. А теперь оставьте нас в покое. Потому что мы не хотим жить, как наши отцы. Дядя Илья, вот контакт Игоря Лапина, соединишь с ним и расскажи про нас с Мусенькой. Вложи в его голову, что нас искать нельзя. Конец истории. Прощай!

Экран погас. В комнате повисло молчание, мне показалось, что воздух в кабинете напоминает крутой холодец, его можно резать ножом.

– Иван Павлович, – пробормотал Кукушкин, – я не могу показать запись Антонине и Константину. Не могу звонить этому Лапину. Если честно, я пребываю в ужасе. Что с Юрой? Что с девочкой? Оба больны психически? Это происки Сатаны? Он свел вместе двух юнцов-шизофреников?

Я наконец-то смог сделать вдох.

– Не похоже на шизофрению, хотя я не являюсь врачом. Возможно, опытный психиатр, изучив все происшедшее, установит какой-то диагноз. Но лично мне кажется, что... а *nativitate*...

– От рождения, – тут же перевел Кукушкин, – «и до кончины следует помнить: грехи отцов проснутся в детях и убьют их». Это сказано очень давно! Во времена Римской империи.

– «Грехи отцов проснутся в детях и убьют их», – повторил я, – производя на свет ребенка, надо помнить о том, что сам натворил в жизни. В случае Нины и Юры получилась гремучая смесь: генетика, воспитание, подростковый возраст и все связанные с ним эмоциональные проблемы. В случае Нины бабушка, у Юры мать, которые хотели от детей совсем не того, что следовало... Забыл я, кто из очень известных психиатров сказал: «Психически здоровых подростков нет. Этот возраст всегда болен». Безумная идея двух юных людей, у одного из которых был доступ к неограниченным средствам. Совершить тяжкое преступление, убить Мирона, чтобы доказать родителям, что отпрысков нельзя возвращать в Россию. И что они не желают стать преступниками, как отцы?! Где логика? Ее тут искать не стоит, потому что перед нами бред далеко не взрослых представителей человечества с неблагоприятной генетикой.

– Расскажу вам, чем занимался в последнее время. Вы удивитесь, но я знаю семью Лапиных...

Я в подробностях сообщил Кукушкину о своем расследовании и завершил рассказ словами:

– В принципе они могли выбрать на роль жертвы любого человека, но мне кажется, что Юре и Нине хотелось устроить масштабное представление, втянуть в него Галину Михайловну, продемонстрировать родным профессиональным преступникам, что дети не трусы, не дураки, у них просто другие жизненные планы. Вот почему такой сложный план, вот отчего МIRON оказался под ударом. Думаю, Нина, которая, старательно подслушивая беседы бабушки и отца, давно знала о существовании старшего брата и отчаянно ему завидовала. У Стена полно друзей в соцсетях, он пользуется популярностью, прекрасно зарабатывает, живет отдельно от Филиппа. За Мироном не бдит древняя бабка, его не

заставляют ничего делать помимо воли, парень ведет жизнь, о которой мечтает Нина. Но у нее ничего нет, а у Миры есть все то, что мечтает заполучить его сестра. Ну так пусть его самого не станет. Зависть – самая страшная эмоция. В случае Нины она толкнула ее на убийство. Девочка испытывала к единоутробному брату лютую ненависть. В ее письменном столе я обнаружил рисунки. Нина талантливая художница. Но эти картинки производили отталкивающее впечатление, на них изображались чудовища, разорванные бомбой на куски люди. Под одной работой стояла надпись «Стенотношение». Я не понял слова, решил, что это подростковый сленг, которым я не владею. Но теперь понимаю, прочитать его надо так: «Стен. Отношение». Вот как Нина относилась к брату: разметать его взрывом, искромсать ножом...

– Невероятно, – прошептал Кукушкин.

Я развел руками.

– Мой лучший приятель, умный следователь, один раз сказал: «Подростки страшнее взрослых. Не все дети милы и прекрасны. Есть те, в чьих душах царит мрак ненависти, зависти, злобы». Думаю, старушечий дребезжащий голос, который приказал Ларисе молчать, сидеть дома, принадлежал Нине. Ее дискант обработали на компьютере.

– Зачем они натурщицу впутали? – простонал Кукушкин. – Не вижу смысла в ее участии.

– Вы забыли, что Лариса любимая девушка Мирона? – удивился я. – Нина ее за это ненавидела и решила доставить Бумагиной неприятности. Но все это лишь мои домыслы. В этой истории все хороши. Госпожа Лапина-старшая наняла меня, потому что хотела найти Нину и не могла по понятной причине обратиться в полицию. Обнаружив убитого Мирона, старуха ничего мне не сообщила, не пожелала рассказать, что посетила избу. Я спросил у нее: отчего она скрыла правду. Бабка промолчала, ее адвокат ответил:

– Ваш вопрос отклоняется.

Так я и остался в неведении.

– Иван Павлович, – воскликнул Кукушкин, – понимаю, первое впечатление о человеке обманчиво. Но ваше знание истории, латыни, воспитание... Мы очень похожи. Поэтому я и приехал к вам в злую минуту. Я веду, с одной стороны, активный, с другой – замкнутый образ жизни, не имею душевного друга. Никого не прошу о помощи. Но сейчас! Помогите! Поговорите с Антониной и Костей, с Лапиным. Они должны увидеть флешку.

– В записи Юра постоянно говорит «дядя», – напомнил я, – вам

придется самому начать разговор, но я готов составить вам компанию в неприятной беседе!

Эпилог

– Ваня, ты же не сердишься на Генри за то, что он отбил у того, кто его любезно приютил, невесту? – спросила Анна, осушив бокал шампанского.

– Ваня, мы полюбили друг друга, – заявила Матрена, – я совершила ужасный поступок! Бросила тебя! У меня много подруг, я познакомлю тебя, например, с баронессой фон Брумель, ей тридцать, детей нет, огромное состояние!

Я заулыбался.

– Дорогая! Будьте счастливы с Генри!

– Надеюсь, Николетта не сожрет сына, – хихикнула Мотя, – она очень расстроилась, когда узнала, что мы с Иваном расстались.

– О! Торт! – засуетилась Анна. – Я специально заказала его к чаю и забыла в багажнике. Сейчас принесу.

Госпожа Дюпре умчалась.

– Ваня, – с чувством произнес Генри, – мы с Матреной век тебе благодарны будем. Ты устроил наше счастье. Анна, услышав, что Мотя дворянских кровей, сразу простила ей полноту.

– Мои ноги будущую свекровь больше не раздражают, – рассмеялась девушка. – Дядюшка Алексей помог, он к старости стал плохо видеть, принял меня за представительницу древнего аристократического рода.

– Ваня, не могу открыть багажник, – донеслось из прихожей.

Я направился в холл и нашел там сердитую Анну.

– С арендованными машинами вечная беда, – злилась подруга Николетты, – даже новая дорогая непременно окажется сломанной. Я не смогла вынуть торт. Можешь посмотреть, почему крышка не поднимается?

– Конечно, – согласился я.

– Пойду с тобой, – предложил Генри, который тоже вышел в холл.

Вместе с Дюпре мы спустились на первый этаж.

– Просто я хотел еще раз поблагодарить тебя за то, что ты для моего счастья сделал, – сказал Генри, – кабы не Подушкин, мать никогда не допустила бы нашей свадьбы с Матреной. Первого ребенка мы назовем Иваном!

– Большая честь для меня, – ответил я. – А вдруг родится девочка?

– Тогда Иванка, – воскликнул Генри, – вот машина, которую мама в прокате добыла.

Я остановился около «Мерседеса».

– Ключи! Не взял их у Анны! Ну, просто человек рассеянный с улицы Бассейной!^[8] Пошел назад.

Я поднялся в квартиру и услышал голоса Анны с Матреной.

Женщины, думая, что они одни, говорили без стеснения.

– А ты боялась, что не получится, – веселилась Анна, – дорогая, я же объяснила: ты полностью во вкусе моего сына.

– Я толстая, – грустно заметила будущая невестка.

– Не вздумай худеть! Генри обожает пышечек с ногами, как у тебя. А я всегда над такими девушками подсмеивалась! И это сыграло нам на руку. Генри до сих пор не вышел из подросткового возраста. Все, что исходит от родителей, он отвергает. Дурачок. Кабы я тебя с ним познакомила, ничего не получилось бы. Но твоя будущая свекровь гений! Оцени меня! Генри сам нашел официантку, полную, с ногами не самой лучшей формы. Да ему и в голову не могло прийти, что Матрена представитель древнего рода и очень богата. Солнышко, наш спектакль удался, сын никогда не узнает, что ваша встреча подстроена мной.

– Я так вам благодарна, я полюбила Генри всей душой.

– Душенька, для прочного брака любовь не нужна, но пусть она у вас будет.

– Ох! Я так перепугалась, когда дедушка, приятель Никоlette, меня узнал.

– Он и впрямь бывал в гостях в вашем замке?

– Да! Кошмар! Совсем дряхлый, а память не подвела. Я-то его сразу не вычислила, но когда он начал рассказывать про пони и прочее, я узнала его. Так перетрусила! Вдруг наш с тобой план рухнет. Я старалась изображать бедную официантку изо всех сил! Но Ваня и Генри подумали, что дедок в маразме.

– Вот и чудесно! Все удалось. Генри на тебе женится.

– Ой!

– Что?

– Но он же рано или поздно выяснит, что я на самом деле отпрыск богатого рода со многовековой историей! Что тогда?

– Солнышко! Густав все придумал. Естественно, что отец жениха захочет изучить семью невесты. И вдруг! Он «случайно» найдет документ, подтверждающий твой титул и права на имение, состояние. Не волнуйся, Густав уже целый роман сочинил о девочке, которую в детстве цыгане украли, и поэтому она...

– Не получила воспитания и не умеет пользоваться ножом и вилкой, – радостно перебила Матрена.

– Генри тебя научит этикету, кисонька, – хихикнула Анна, – не переживай, Густав уже все-все сочинил в лучшем виде.

– Знаешь, кататься в чемодане совсем неудобно, – сказала Мотя.

– Я все думала, сейчас Иван Павлович и Борис обо всем догадаются. Скажут: «Кто в чемодане живет?»

Обе дамы расхохотались. Я взял ключи, которые лежали на полочке у зеркала, и пошел к лифту. Естественно, я никогда не сообщу Генри, что сейчас ненароком услышал. Дюпре не узнает, что стал жертвой женского заговора. Да и меня обвели вокруг пальца, сделали марионеткой, которую дергали за ниточки Анна и Мотя. Мужчины наивны, они пребывают в уверенности, что сами выбирают себе жену. Но на самом деле мы попадаемся на удочку к хитрым дамам. А еще, большинству из нас нравятся загадочные женщины, срабатывает инстинкт сыщика, хочется выяснить, что в красавице такого таинственного. Я вышел во двор и поспешил к Генри. Представителям сильного пола стоит помнить: надо держаться от загадочных женщин подальше, потому что загадочная женщина способна капитально загадить жизнь мужа.

notes

Примечания

О том, как Иван Павлович познакомился с Борисом, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Авоська с Алмазным фондом».

Иван Павлович вспоминает историю, которая рассказана в книге Дарьи Донцовой «Астральное тело холостяка».

Конка – предшественница трамвая. Вагон по рельсам тянула пара лошадей, которой управлял кучер. В Москве и Питере существовала до начала XX века.

Иван Павлович вспоминает события, о которых рассказано в книге Дарьи Донцовой «Астральное тело холостяка».

Rue de la Paix (улица Мира) – находится в самом центре Парижа, во 2-м округе. Известна расположенными на ней дорогими ювелирными магазинами. Одним концом эта улица упирается в Вандомскую площадь, на которой также находятся бутики всемирно известных ювелирных фирм.

История о том, как Иван Павлович обзавелся собакой, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Авоська с Алмазным фондом».

Из этических соображений автор не указывает настоящее название препарата.

Иван Павлович цитирует стихотворение С. Маршака «Вот какой рассеянный».